

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

М.Р. Булатова

**ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ
БАШКОРТОСТАНА
ареальный аспект**

Казань
2021

УДК 811. 512. 145'28

ББК 81.2Тат

Б 90

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор **Д.Б. Рамазанова**

Рецензенты:

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
татарского языка и литературы БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа)*

И.С. Насипов;

*кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом
лексикологии и диалектологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ
(г. Казань) **О.Р. Хисамов***

Булатова М.Р.

Б 90 Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект / М.Р. Булатова. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 136 с.
ISBN 978-5-93091-325-5

Монография посвящена вопросам формирования татарских говоров Башкортостана (белебеевский, центральный, янаульский подговоры мензелинского говора, бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, учалинский говоры среднего диалекта и байкибашевский, стерлитамакский говоры западного диалекта) и их этнолингвистической характеристике в ареальном аспекте. Дается описание языковых особенностей этих говоров в сравнении с другими говорами татарского языка, литературным языком, а также тюркскими языками.

Книга предназначена для лингвистов, историков, студентов и всех тех, кто интересуется вопросами истории и диалектологии татарского языка, татароведением.

**УДК 811. 512. 145'28
ББК 81.2Тат**

ISBN 978-5-93091-325-5

© Булатова М.Р., 2021

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Татарский язык – один из тюркских языков кыпчакской группы, поволжско-кыпчакской (булгарско-кыпчакской) подгруппы; национальный язык татар, государственный язык Республики Татарстан.

Татары являются вторым по численности этносом в составе многонациональной Российской Федерации. Они проживают в Поволжье и Приуралье, в Крыму и Сибири, на всей территории России от Рязанской и Тамбовской областей на западе до Иркутской области и Красноярского края на востоке, от Кировской области на севере и до Астраханской области на юге, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья. Основная часть многомиллионного татарского народа – поволжско-приуральские татары – сформировались на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья. Эпицентр татарской нации – республики Татарстан и Башкортостан.

Республика Башкортостан является Родиной для более миллиона татар. Это составляет треть населения республики. По материалам переписи 2010 г., численность татар в России 5 310, 6 тыс. чел. (в 1989 г. в СССР более 6 млн. 645), из них в Башкортостане – 1009295 чел. (в 1939 г. – 777,2 тыс., 1959 г. – 768,6 тыс., 1970 г. – 944,5 тыс., 1979 г. – 940,4 тыс., 1989 г. – 1120,7 тыс., 2002 г. – 990,7 тыс. чел.).

Северо-западная часть Башкортостана исторически входила в сферу влияния Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, в 1552–1580 гг. находилась в составе Казанского уезда. В XVI–XVIII вв. территория республики разделена на следующие административные единицы-дороги («даруги»): Казанский, Ногайский, Осинский и Сибирский. Западная часть входила в состав Казанской дороги, центр и южная часть – в состав Ногайской, восточная – в состав Сибирской, четвертую – Осинскую дорогу –

составляли земли, тянувшиеся на север от Уфы по правобережью Белой до Камы. В 1708–1728 и 1731–1734 гг. она (с 1719 г. – Уфимская провинция) находилась в административном подчинении Казанской губернии; в 1744–1782 гг. – в составе Оренбургской губернии. В 1781 году Оренбургская губерния реорганизована в Уфимское наместничество (1782–1796 гг.), состоявшее из Уфимской и Оренбургской областей; в 1796 г. оно снова преобразовано в Оренбургскую губернию, состоящую из 10 уездов (Бирский, Бугульминский, Бузулукский, Верхнеуральский, Мензелинский, Оренбургский, Стерлитамакский, Троицкий, Уфимский, Челябинский). В 1865 г. губерния разделена на две: собственно Оренбургскую и Уфимскую. В состав Уфимской губернии вошли Белебеевский, Бирский, Стерлитамакский, Златоустовский, Мензелинский и Уфимский уезды (в 1920 г. Мензелинский уезд был включен в состав Татарской АССР как Мензелинский кантон).

В 1918 г. часть территории Уфимской губернии получила название «Малая Башкирия» (восточная часть Башкортостана), которая состояла из 13 кантонов: Аргаяшский, Бурзян-Тангауровский, Джитировский, Дуванский, Кипчакский, Кудейский, Кушинский, Табынский, Тамьян-Катайский, Ток-Чуранский, Усерганский, Юрматынский и Яланский. В 1919 г. образована Башкирская АССР. В 1922 году «Малая Башкирия» была преобразована в «Большую Башкирию» (наименование Башкирской АССР после присоединения к ней территории Уфимской губернии), в состав которой вошли «Малая Башкирия» (без Ток-Чуранского и Яланского кантонов), Уфимский, Бирский, Белебеевский и Златоустовский уезды. В том же году Златоустовский уезд был передан Челябинской губернии. Официальной столицей республики становится город Уфа. По постановлению ЦИК БАСССР 5 окт. 1922 г. в административном отношении территория республики была разделена на 8 кантонов: Аргаяшский, Белебеевский, Бирский, Зилаирский, Месягутовский, Стерлитамакский, Тамьян-Катайский и Уфимский. В 1930 г. происходит упразднение кантонов и реорганизование в административные районы. В 1992 г. установлено наименование Республика Башкортостан, которая состоит из 54 муниципальных районов.

Многолетние исследования ученых и исследования методом лингвогеографии, а также наши ареалогические изыскания пока-

зали, что в Башкортостане проживают татары, относящиеся к двум диалектам: а) среднему (казанско-татарскому) – белебеевский, центральный, янаульский подговоры мензелинского говора, бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, учалинский говоры и б) западному (мишарскому): байкибашевский и стерлитамакский говоры. Златоустовский и учалинский говоры распространены в восточной части, остальные – в западной части республики. Каждому из них присуща своеобразная система диалектных особенностей, что позволяет рассматривать их как самостоятельные единицы в диалектной системе татарского языка.

Считаем уместным пояснить, что татарский язык, как и другие национальные языки, кроме литературного вида, представлен также рядом народных говоров, которые являются его территориальной разновидностью. Диалекты татарского языка – это группы татарских народных говоров, объединенных набором сходных языковых признаков. Диалектный язык – совокупность говоров языка, включающая как общие для всего языка черты, так и черты, имеющие разные варианты в диалектах, но вместе с тем являющиеся элементами общей системы языка. В основу определения диалектов в татарской диалектологии положен лингвистический, территориально-географический и историко-этнический принципы. Решающую роль играет, конечно, лингвистический принцип. Татарский язык распадается на *средний* (казанско-татарский диалект), *западный* (мишарский диалект) и *восточный* (сибирско-татарские диалекты: тоболо-иртышский, барабинский, томский) диалекты. Говор (субдиалект) – мельчайшая единица диалекта, однородного по особенностям речи, имеющая общую территорию распространения и обладающая некоторыми специфическими чертами на разных уровнях языковой структуры; используется в общении жителей одного или нескольких соседних населенных пунктов, районов. Часто благодаря говорам и диалектам можно проследить процесс изменения того или иного языка, в них продолжают сохраняться древние, древнетюркские явления, могут появиться новые грамматические формы и т.д. Данные современных диалектов и говоров служат важным источником для изучения истории народа, так как территориальное распределение диалектов и говоров отражает

исторический путь, пройденный народом, следовательно, диалектные данные помогают в этом случае выяснить вопросы, связанные с прошлым населения – носителя говора: первоначальное место его обитания, его расслоение и переселение, его связи с соседями и т.д.

В предлагаемой книге дается ареальная характеристика взаимодействия говоров в определенном регионе, т.е. территориальное распространение языковых явлений, интерпретация изоглосс, системное описание говоров, выявление специфичности и общности особенностей татарских говоров изучаемого ареала; раскрывается история формирования носителей говоров Башкортостана на основе как лингвистических данных, так и с учетом этногенетических данных.

В монографии комплексно исследуется языковая система татарских говоров Башкортостана, т.е. дается описание фонетических, грамматических, лексических особенностей этих говоров в сравнении с литературным языком, татарскими говорами; привлекая при этом также и данные по тюркским и другим языкам, по старотатарским и древнетюркским памятникам.

Работа написана на основе материалов, собранных автором с применением методов ареальной лингвистики во время диалектологических экспедиций (в 2011–2017 гг.) на территории распространения исследуемых говоров (запись речи информанта, т.е. носителя говора, на диктофон и его транскрипция, интерпретация изоглосс и т.д.); использованы труды историков и лингвистов, изучавших данный ареал; архивные материалы, хранящиеся в фондах Москвы, Оренбурга и Уфы; опубликованные труды по татарской диалектологии; «Татарские народные говоры» (2008, в 2 книгах); «Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (1989); «Атлас татарских народных говоров» (2015) и электронная версия Атласа (2012, <http://atlas.antat.ru>); письменные источники – труды историко-этнографического характера, посвященные жизни, трудовой деятельности, культуре носителей изучаемых говоров.

Данная книга является источником, дающим достоверные сведения по истории татарского народа Башкортостана и родного татарского языка. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в ходе научных разработок по татарскому языкознанию, его исторической диалектологии и общей тюркологии.

Глава I

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ БАШКОРТОСТАНА

1.1. Ареалогические исследования в татарской диалектологии

Ареальная лингвистика (пространственная лингвистика) (от лат. *area* – площадь, пространство) – раздел языкознания, изучающий распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии на основе методов лингвистической географии [Нерознак, 1990]. Она прежде всего учитывает территориальные границы отдельных языковых явлений, с выявлением ареалов языковых союзов [Гаджиева, 1975: 19]. Перспективность ареальной лингвистики определяется тем, что она соединяет в себе синхронный и диахронный планы изучения языковых явлений. Сочетание этих аспектов позволяет уточнить как современное, так и историческое диалектное членение языка того или иного региона, способствует углубленному изучению конкретных языков и их диалектов [Гаджиева, 1975: 246–294].

В тюркологическом языкознании интерес к ареалогическим исследованиям отражен в трудах Б.А. Серебренникова, М.А. Бородиной, Г.Ф. Благовой, А.Б. Джураева, Н.З. Гаджиевой, Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой, Ф.Ю. Юсупова, М.Р. Булатовой и др., определены цели и задачи ареалогических исследований, намечены перспективы развития этого направления тюркологии [Булатова, 2011: 80–85].

Лингвогеографический этап в татарской диалектологии, осуществлявшийся под руководством **Л.Т. Махмутовой**, представлял

собой фронтальное изучение всех татарских, в т.ч. и приуральских, говоров на основе единой «Программы по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка» (1959). Были предприняты комплексные экспедиции в различные районы распространения этих говоров. В своих работах начали уделять больше внимания и историческим (архивным), этнографическим, этнолингвистическим материалам. В ходе создания «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (далее: «Атласа...») была существенно обогащена и углублена лингвистическая характеристика систем особенностей татарских говоров, уточнены границы их распространения. Впервые в татарской диалектологии Л.Т. Махмутовой была выделена «на территории Рязанской и Тамбовской областей своеобразная западная группа татарских говоров, объединяющая говоры сел, относящихся к мишарскому диалекту, с касимовским и бастанским говорами среднего диалекта» [Махмутова, 1978: 261–262]. Данная зона определяется ею в результате выявления черт, присущих ногайскому языку, но отсутствующих в традиционных мишарских говорах.

Ареалогическому исследованию татарского лингвистического пространства посвящена докторская диссертация **Д.Б. Рамазановой** «Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка» (1998), где на основе языкового, исторического и архивного материалов рассматриваются вопросы формирования западноприуральского ареала татарского диалектного языка в связи с историей их носителей, дается интерпретация особенностей в сравнении с говорами татарского языка и некоторыми другими тюркскими языками. Ею были установлены изоглоссы, во-первых, многих интересных и важных с точки зрения истории формирования татарского языка особенностей, во-вторых, явлений, подтверждающих историческую связь Заказанья с Приуральем и свидетельствующих о древних генетических корнях современных говоров Поволжья и Приуралья.

Д.З. Махмутшиной с применением метода ареальной лингвистики изучены татарские говоры Уральского и Зауралья (подробнее см. на стр. 19).

Ареальный подход использован и в исследованиях **Ф.Ю. Юсупова**. В его научных трудах, посвященных системно-синхронному описанию неличных форм глагола во всех диалектах татарского языка, применены методы лингвистической географии и ареальной лингвистики [Юсупов, 1985; и др.]. Характеристика отдельных звеньев категории неличных форм глагола ведется методом суммарного описания, т.е. в работе автор не выделяет отдельные диалекты и говоры, а исследует все элементы диасистемы. Используя материалы, собранные в ежегодных диалектологических экспедициях в 1963–1993, 1996–2002 гг., а также труды татарских диалектологов всех поколений, ученым написана докторская диссертация «Татарский глагол в ареальном освещении» (1988), где предпринята попытка моделирования диалектного языка как системы, состоявшей из теоретико-множественной суммы признаков, установлены полярные признаки диалектов, служащие классификационными характеристиками частных диалектных систем [Юсупов, 1988; 2004].

М.Р. Хабибуллина в диссертации «Характеристика изоглосс вариантов фонемы [а] в татарском лингвистическом пространстве» ставит своей целью исследование многовариантности фонемы [а] в диалектах татарского языка, а также распространение их изоглосс в татарском лингвистическом пространстве. На основе анализа материала, почерпнутого ею из литературы по истории и диалектологии, описаны причины возникновения, развития и формирования различных вариантов фонемы [а] на определенных территориях. Автор, опираясь на имеющиеся теоретические положения науки о лингвистической географии, языковом субстрате, выделяет основные типы изоглосс варианта [а]: a^o , aA и др. [Хабибуллина, 2002: 1–25].

Ареалогическому исследованию татарского лингвистического пространства посвящена кандидатская диссертация **М.Р. Булатовой** «Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана» [Казань, 2012 (б)]. В ее работе исследованы морфологические особенности татарских говоров, распространенных в южных районах Башкортостана. Автором выявлен их общие и специфичные морфологические особенности, в сравнении с другими татарскими говорами и тюркскими языками; установлены

отличительные языковые особенности исследуемого ареала от западноприуральского и северо-восточного ареалов Башкортостана; также рассматривается история этнического формирования носителей данных говоров.

Таким образом, татарскими диалектологами предприняты ареалогические исследования различного плана, с использованием методов лингвистической географии, ареальной лингвистики.

В исследуемом нами ареале, т.е. Башкортостане распространены ряд татарских говоров, которые относятся к разным диалектам: белебеевский, центральный, янаульский подговора мензелинского говора, бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбалинский, учалинский говоры среднего диалекта и байкибашевский, стерлитамакский говоры западного (мишарского) диалекта (см. Приложение № 1: Карта-схема на стр. 112). Изучение истории их формирования и состояния в составе одного ареала, продолжает оставаться актуальным также и для изучения этнической истории формирования их носителей.

Диалектный ареал татарского языка Башкортостана включает в себя, как мы уже отметили, говоры и среднего (казанско-татарского), и западного (мишарского) диалектов и характеризуется следующими моментами:

1) этот ареал хотя и находится в административном отношении в пределах Башкортостана, но по своей языковой наполненности является продолжением, неотъемлемой частью татарского языкового пространства; в нем сохранились все те изоглоссы, которые получили начало в поволжских, особенно в заказанских, говорах;

2) восточная и центральная части этого ареала представляет собой отдельную группу, т.к. сложившиеся здесь златоустовский, курмантауский, тепекеевский и учалинский говоры по языковой системе имеют общие схожие особенности. Например, в области фонетики: *й*-оканье вместо *ж*-оканья среднего диалекта (*й*~*ж*: *йылы* – лит. жылы ‘теплый’), соответствие [с] общетатарскому [ч] (*с*~*ч*: *сэй* – лит. чэй ‘чай’) и *ж*'~*ж* (*хуж'а* – лит. хужа ‘хозяин’).

В говорах западной части ареала, кроме байкибашевского (*у*~*ч*: *цират* – лит. чират ‘очередь’), всегда употребляется лит. [ч] (*чибәр* ‘красивый’), спорадически *ж*~*й* (*жуан* – лит. юан ‘толстый, пол-

ный'). Для южной части ареала (курмантауского, мензелинского, тепекеевского и учалинского говоров) характерно употребление межзубного [d] вместо лит. [з] ($d \sim z$: *дур* – лит. зур 'большой') (подробно см. Приложение № 2: Сравнит. таблица на стр. 113–114).

Самыми отличительными специфическими особенностями в области согласных (в фонетическом плане) говоров рассматриваемого ареала являются: соответствия – в мензелинском: sporadическое $d \sim z$, $ж \sim й$, $й \sim ж$; в курмантауском: sporadическое $c \sim ч$, $d \sim z$, $ж' \sim ж$, $й \sim ж$; тепекеевском: системно-позиционное: $m \sim d$, $n \sim б$, $k \sim z$, систематическое $c \sim ч$, $d \sim z$, $й \sim ж$; турбаслинском: $ж \sim й$, $ч \sim c$, $з \sim ж$; златоустовском: системное $c \sim ч$, $й \sim ж$; бакалинском: $з \sim ж$ / $й$, $ж \sim й$; бирском: $ж \sim й$, учалинском: в грамматических показателях $д \sim л$ / $н$; $т \sim л$ / $н$, системное $d \sim z$, $c \sim ч$, $й \sim ж$; стерлитамакском: sporadическое $ж \sim й$, $й \sim ж$; байкибашевском: систематическое $ц \sim ч$, $дз$ / $дж$ $ж$ (см.: Приложение № 2).

3) говоры Башкортостана выделяются наличием в них общих языковых черт, отличающих данный ареал от говоров других ареалов.

Ареальный подход предоставляет в распоряжение исследователя пространственное размещение различных явлений как в пределах одного говора, либо всего рассматриваемого ареала (например, формы пространственных падежей личных местоимений I и II л. ед.ч. типа *миңәргә*, *миңәрдән*, *миңәрдә*; и др.), так и между татарскими говорами, распространенными в более широком ареале (например, изоглоссы глагольных форм на *-ың*, *-сыгыз* / *-сыз*, *й*-оканья и *ж*-оканья, соответствий гласных, согласных и мн. др.), либо ареалы в общетюркском масштабе (например, склонение местоимений в пространственном падеже двойными аффиксами типа *шуныңда*, *миңеңдә*, *тегенеңдә*, параллели которых известны в уйгурских диалектах и др.).

Татарские говоры Башкортостана испытывали и ныне продолжают испытывать в той или иной мере влияние башкирского языка, что способствует, во-первых, устойчивому бытованию в татарских говорах исследуемого региона явлений, исторически общих для татарского и башкирского языков (соответствие $и \sim э$: *кәбән*, *кәртә*; *-ай* / *-эй* ~ *-ый* / *-и(й)*: *тарай* 'расчесывает', *килмәйем* 'не приду'; *-сыгыз* / *-сегез* ~ *-сыз* / *-сез*: *барасыгыз* 'идете'). Во-вторых,

единая географическая среда, культурно-экономические контакты на одной и той же территории в течение ряда веков привели к возникновению общего пласта в татарских и смежных башкирских говорах: варианты местоимений *миңә/миңеңә* ‘мне’, *сиңә/синеңә* ‘тебе’; вопросительного местоимения *намә* – лит. *нәрсә* ‘что’; неопределенного местоимения *берәй* – лит. *берәр*; различные звуковые соответствия, встречающиеся в ограниченной группе слов и др. Большинство из них носит общекыпчакский характер. Более заметное место занимают башкирские заимствования в наиболее подвижном уровне языка – в лексике (в основном в татарских говорах южной и восточной части ареала).

Таким образом, в татарской диалектологической науке приняты ареалогические исследования различного плана. Нами же ставится задача исследования как ареала части татарского диалектного языка, охватывающего все районы Башкортостана; комплексное изучение языковой системы (фонетических, грамматических, лексических особенностей и др.) вышеперечисленных говоров.

1.2. История изучения татарских говоров Башкортостана

Языковые особенности татар Башкортостана давно привлекали внимание исследователей. Русскими и татарскими учеными сделан большой вклад в изучение татарских говоров, распространенных на данной территории.

Первым из лингвистов, заинтересовавшихся говорами Башкортостана, был выпускник Казанской духовной академии, русский ученый **А.Г. Бессонов**. В 1881 году он опубликовал научное исследование [Бессонов, 1881: 200–242], в котором рассмотрел татарские говоры этого региона «в порядке степеней близости» их к «казанскому татарскому наречию» (говору). Например, «наречие тептярей» он считает самым близким к языку казанских татар [Бессонов, 1881: 231]. Ученый приходит к мнению о том, что «язык тептярей-мухаммедан татарский, но потерпевший некоторое влияние мещеряцкого языка» (там же). Справедливость этого мнения подтверждается и языковыми материалами диалектолога Д.Б. Рамазановой, которая доказала, что татарские говоры юго-запада Башкортостана в определенной степени формировались под влиянием мишарских говоров [Рамазанова, 1982: 8].

А.Г. Бессонов в своей работе указывает на некоторые лексические, фонетические различия между казанско-татарским языком и тептярским говором. Например, из фонетических: употребление *-эй/-ай* вм. тат. лит. *-ый/-ий* (графич. *-и*), огубленность звука *а* и некоторые другие [Бессонов, 1881: 231–232].

Интердентальный звук [d] мензелинского говора А.Г. Бессонов отождествляет со звуком [д] татарского литературного языка. Кстати, следует заметить, что исследователи мензелинского говора неоднократно указывали, что [d] мензелинского говора отличается от, например, башкирского [з] преобладанием смычного элемента [Жәләй, 1954: 431; Әфләтунов, 1960: 124; Рамазанова, 1968: 338].

Характерными особенностями «мещеряцкого наречия» в области фонетики А.Г. Бессонов считает заднеязычное [к], некоторое «смягчение» гласных, стоящих за ним, монофтонгизацию дифтонгов *-ай*, *-уй* у цивильских и алатырских мишарей, произношение звука [з] вместо [й] татарского языка и растяжение последнего слога слова и некоторые другие. В области грамматики – случаи употребления дополнительного аффикса принадлежности *-сы/-се* (*урнысы* и т.д.), формы повелительного наклонения на *-гын/-ген* и дееспричастия на *-гылчы/-гельче/-гынчы* вместо *-ганчы*, аффикса многократности *-ак+ла* и т.д. Автором приводится также ряд лексических параллелей [Бессонов, 1881: 238–240].

Определенный вклад в изучение мензелинского говора внес известный тюрколог **Н.Ф. Катанов**, который летом 1898 г. в течение трех месяцев изучал говоры Белебеевского уезда [Катанов, 1900: 1–32]. Он считал, что наречие (говор) жителей уезда разделяется на два типа, совершенно отличающихся друг от друга: собственно наречие башкир, проживающих на восточной части губернии, и наречие татар, проживающих в западной части губернии. Также изучает наречие крещеных татар (бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора среднего диалекта татарского языка, распространенный в Бакалинском районе – *М.Б.*). По наблюдениям автора, «крещеные татары Белебеевского уезда, за немногими исключениями, говорят на том самом наречии, на котором говорят и крещеные татары Мамадышского уезда Казанской губернии» [Катанов, 1900: 6]. Н.Ф. Катанов также подчеркивает близость наречия крещеных татар к наречию мещеряков (татар-

мишарей) и тептярей (татар-тептярей) [Катанов, 1900: 4]. Это вполне естественно, так как крещеные татары, несмотря на религиозную особенность (православные), являются частью татарского народа с единым татарским языком. Отметим, что после падения Казанского ханства от войск Ивана Грозного, татары и другие народы Среднего Поволжья подверглись насильственной христианизации (крещению). Примерно в ста населенных пунктах восточной части Татарстана и Бакалинского района Башкортостана вместе с другими группами татар живут крещеные татары, переселившиеся сюда в XVI–XVII вв. из центральных районов бывшего Казанского ханства [Матвеев, 1919; Никольский, 1914; Баязитова, 1986: 29]. Причинами переселения народа были наличие свободных земель, большие природные богатства, а также усиление социального и национального гнета и религиозного преследования со стороны царского правительства [Григорьев, 1948: 236; Баязитова, 1986: 29].

В работе Н.Ф. Катанов приводит ряд черт «мещеряцкого наречия», отличающих его от остальных «наречий». Им также отмечена сильная огубленность гласного [a] («средний» между [a] и [o], но ближе к [a]), заднеязычные [ʒ], [к], *й*-оканье и др. [Катанов, 1900: 4–30].

Видное место в татароведческой литературе занимает труд **Г. Ахмарова** «Тептяри и их происхождение» [Ахмаров, 1907: 340–364], в котором автор делает дальнейшую попытку сравнительного, и даже с элементами сравнительно-исторического, анализа фонетики и лексики говора тептярей с другими говорами татарского языка, с другими тюркскими языками. Автор привлекает довольно обширный материал из других тюркских языков, дает этимологический анализ некоторых слов.

Изучение говоров Башкортостана продолжается и в послереволюционный период. Так, экспедицией по изучению народных говоров Туймазинского района под руководством **Г. Кучукова** в 1931 г. (Архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3. оп. 9, д. 10) был установлен, что язык местных тептярей, «башкир» (в значении сословия) и татар не отличается от татарского языка ни по фонетике, ни по морфологии, ни по лексике.

Первый ученый, который по самым отличительным признакам фонетики и морфологии сделал попытку классифицировать

диалекты татарского языка, был **Дж. Валиди**. В своей работе он разделил «казанско-татарский язык» на три главнейших диалекта: собственно казанский, мишарский и урало-уфимский [Валиди, 1927: 50–65]. «Урало-уфимский диалект» в основном охватывает все татарские говоры по современной классификации, распространенные на территории Башкортостана. Рассматривая фонетические и морфологические особенности «урало-уфимского» диалекта в отличие от «собственно казанского» и мишарского, он в V главе упоминает термин «мензелинский говор». В дополнение необходимо сказать, что еще в 1923 году он попытался в другой научной книге осветить сложные этнолингвистические процессы на восточной части Татарстана и на западной части Башкортостана. В частности, он отметил, что «к западу от башкир живут татары. Между татарами и башкирами нет той резкой диалектной и этнографической границы, которую мы видим между киргизами и башкирами» [Валидов, 1923: 5].

Ученый **Л. Заляй** заложил научно-теоретические основы сбора, обработки и применения диалектного материала в общей системе языка. Значительным событием в диалектологических исследованиях стала его докторская диссертация о среднем диалекте татарского языка [Жэлэй, 1954: 11]. В монографии средний диалект рассматривается в его пяти говорах: заказанский, мензелинский, нагорный, параньгинский, нукрат-кистимский. В работе проанализированы фонетические, морфологические и лексические особенности среднего диалекта. По мнению автора, абсолютное большинство характерных черт мензелинского говора наблюдается в фонетике и лексике [Жэлэй, 1954: 430].

В 1954–1956 гг. **А.Ш. Афлетунов** с группой студентов собирал материалы по говорам тептярей юго-западного Башкортостана. На основе собранного материала им была подготовлена кандидатская диссертация. Автор большое значение придавал изучению этнической истории формирования носителей татарских говоров исследуемых им западных и северо-западных районов Башкортостана. Останавливается на вопросах истории переселения татар, времени и причин их переселения и др. Он убедительно доказал: несмотря на то, что носители говоров западной части Башкортостана в документах именуются по-разному (башкиры, ясачные татары,

тептяри), они разговаривают на одном и том же языке, причем весьма близком к татарскому литературному [Эфлэтунов, 1960: 14–26]. Широко привлекая некоторые архивные материалы, доступную ему литературу по языку и истории, автор пришел к выводу, что название «башкиры» в определенный исторический период употреблялось в двух значениях: сословия и народности. Необходимо подчеркнуть, что на такие этнографические группы татар Западного Башкортостана указывали и предшественники А.Ш. Афлетунова (Н.Ф. Катанов, А.Г. Бессонов) и ученые более позднего времени: Л.Т. Махмутова, Д.Б. Рамазанова.

А.Ш. Афлетуновым высказана мысль о приобретении переселенцами звания башкирцы в целях получения больших земельных наделов. Позже все эти мысли были подтверждены и закреплены Д.Б. Рамазановой на основе архивных документов [Рамазанова, 1984: 19–82].

В кандидатской диссертации, как и некоторые предшественники его, А.Ш. Афлетунов подчеркивает, что говоры тептярей, татар, башкир, новобашкир на данной территории, во-первых, не различаются между собой; во-вторых – близки к татарскому литературному языку; в-третьих – культура и быт проживающих на этой территории башкир и новобашкир не отличаются от татарской.

Материалы диалектологической экспедиции 1956 года в Дюртюлинский и Илишевский районы Башкортостана, организованной кафедрой татарского языка и литературы КГУ, еще раз подтвердили выводы исследований А.Ш. Афлетунова. В отчетной статье **Ж. Алмаза** по результатам этой экспедиции были представлены полевые материалы по фонетике, морфологии, синтаксису, демонстрирующие принадлежность собранного языкового материала мензелинскому говору татарского языка [Алмаз, 1959: 145–165]. Особенно большой интерес представляют разделы, посвященные историям деревень и лексический словарь. Очень емко дан сравнительный анализ представленного материала с данными других говоров татарского языка.

С 50-х годов XX века началось целенаправленное исследование говоров татар Башкирии. Центр диалектологических исследований переходит в Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, где на-

чалась плановая работа по сбору материалов в регионах, ранее не исследованных татарскими диалектологами, прежде всего, за пределами Татарстана. Основным методом изучения были полевые экспедиции.

В 1954–1957 гг. под руководством **Л.Т. Махмутовой** был проведен ряд экспедиций в северо-западные районы Башкортостана [Махмутова, 1962: 57–85]. В своей статье Л.Т. Махмутова подчеркнула поразительную близость говоров тюркоязычного населения указанного ареала с татарским литературным языком, описала диалектные особенности этих говоров в сравнении с ведущими чертами татарского и башкирского языков. В результате анализа собранных материалов и лингвистических данных автору удалось правильно определить место исследованных ею говоров в диалектной системе татарского языка. Ее выводы были обоснованы на карте распространения говоров, исследованных ею экспедиционным путем. Л.Т. Махмутова также обратила внимание на употребление этнонимов «башкиры», «тептяри», «мишари» и в значении сословия, подчеркнув необходимость изучения их с историко-лингвистической точки зрения.

Говоры мишарей на территории Башкортостана и Оренбургской области, за исключением байкибашевского, являются *ч*-окающими. Они испытали влияние окружающих тептярских говоров, хотя степень этого влияния в разных местах была различной.

Среди тех, кто занимался изучением говоров Западного Башкортостана выделилась **Д.Б. Рамазанова**, которой было поручено изучить татарские говоры квадратов Среднего Прикамья и юго-западных районов Башкортостана предполагаемого «Атласа ... (1989)». В квадрат Среднего Прикамья входили агрызская и частично янаульская части мензелинского говора [Рамазанова, 1968] и говор татар Пермской области. Материалы по этим говорам легли в основу кандидатской диссертации Д.Б. Рамазановой «Говоры татар Среднего Прикамья», успешно защищенной ею в 1970 г. Далее ею было продолжено изучение следующего квадрата II тома диалектологического атласа татарского языка, включающего территорию юго-западного Башкортостана, были опубликованы монография «Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии» (1984) и другие книги [Рамазанова,

1998, 2001, 2008]. Д.Б. Рамазановой были установлены подговоры мензелинского говора: агрызский, белебеевский, центральный и янаульский. В Западном Приуралье ею были выявлены говоры: стерлитамакский, тепекеевский. Исследуя особенности стерлитамакского говора в системе западноприуральского ареала, автор отмечает, что «мишари со времени переселения на исследуемую территорию вошли в тесный культурно-экономический и языковой контакт с представителями среднего диалекта и с башкирами. Процесс взаимодействия и взаимовлияния в области языка происходил при ведущей роли среднего диалекта. Мишарские говоры восприняли ряд особенностей окружающих их говоров, в то же время сохранили специфичные мишарские черты» [Рамазанова, 1998: 79].

Одним из интересных с точки зрения формирования является златоустовский говор, который впервые изучен **Т.Х. Хайрутдиновой** и подробно описан в монографии [Хайрутдинова, 1985]. Автор приходит к выводу о том, что на территории распространения говора (северо-восточные районы Башкортостана) существуют населенные пункты, заселенные татарами, что большинство деревень региона возникло в результате переселения пермских татар, а также вторичного переселения сюда *ц*-окающих мишарей, носителей байкибашевского говора, и казанских татар из южных и юго-западных регионов Башкортостана. Данный говор очень близок с курмантауским и тепекеевским говорами изучаемого нами ареала, что особенно четко выражается в области фонетики и грамматики: переднеязычному щелевому [ж] соответствуют среднеязычный сонант [й], щелевому [ч] – переднеязычный [с] (*йыр* – лит. жыр ‘песня’, *ас* – ач ‘открой’) и др.

Ф.С. Баязитовой исследован центральный подговор мензелинского говора в пределах Татарстана [Баязитова, 1989: 67–83]. Ею выявлен бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора (Бакалинский район Башкортостана) [Баязитова, 1986: 35–38], также изучен и турбаслинский говор [ТХС I: 349–357] среднего диалекта, распространенный на юге Башкортостана. Она рассматривает вопросы формирования говоров татарского населения в изучаемых районах Башкортостана, описывает фонетические, морфологические и лексические особенности указанных говоров

в сравнении с другими говорами татарского языка и некоторыми тюркскими языками.

Р.Г. Ахметьянов, который является носителем турбаслинского говора, опубликовал статью о родном говоре [Әхмәтжанов, 1984: 138–146], где описывает языковые особенности изолированной группы татарских деревень, входящих в Турбаслинский сельсовет Иглинского района Башкортостана.

В процессе сбора материалов для «Атласа... » в Башкортостан неоднократно были организованы также и экспедиции под руководством Д.Б. Рамазановой, Т.Х. Хайрутдиновой, Ф.С. Баязитовой, Ф.Ю. Юсупова, З.Р. Садыковой и др.

Значительный вклад в изучение лексики мензелинского говора среднего диалекта представляет кандидатская диссертация **И.С. Насипова** «Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка» [Насипов, 1994; 1997: 76–95]. Вопросы изучения лексического состава говоров более углубленно рассмотрены в его докторской диссертации [Насипов, 2010], где у автора целью исследования является выборка из различных источников финно-угорских (марийского, мордовского, и удмуртского) лексических заимствований в татарском языке и говорах, выявление и установление новых лексических единиц, их системная характеристика и классификация. Основные научные работы И.С. Насипова связаны с изучением татарских народных говоров Башкортостана [Насипов, 1997 (6): 19–22 и др.]. Говор жителей населенных пунктов Яңа Чебенки, Күгәрчен и т.д. Кугарчинского и Зианчуринского районов Башкортостана им условно назван «кугарчинским говором» среднего диалекта татарского языка [Насипов, 2015: 155–157].

Д.З. Махмутшиной защищена кандидатская диссертация и опубликована монография «Морфологическая система татарских говоров Уральского и Зауральяского ареала» (Уфа, 2004), в которой дается сопоставительная характеристика системы морфологических особенностей татарских (нагайбакского, ичкинского, златоустовского, тепекеевского, сафакульского, учалинского) говоров Уральского и Зауральяского ареала; и выявляются их общие и специфичные морфологические особенности. Д.З. Махмутшина языковые особенности ареала рассматривает в связи с этнической

историей формирования носителей указанных говоров, приводит сведения об истории заселения и конкретно-исторические обстоятельства формирования носителей татарских говоров в исследуемом ею ареале.

Р.Ф. Нуретдинов изучал говор пританыпских татар [Нуретдинов, 1984, 1998]. Говор определен на северо-западе республики (в основном в Аскинском районе) и, возможно, следует рассматривать его как переходный между янаульским подговором мензелинского говора и бирским говором. Рассмотрение данного говора в системе среднего диалекта татарского языка как самостоятельного требует некоторых уточнений и дальнейшего изучения.

М.Р. Булатовой была защищена кандидатская диссертация и вышла книга на тему «Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана» (Казань, 2013). Ее работа посвящена исследованию морфологических особенностей татарских говоров, распространенных в южных районах Башкортостана: белебеевский подговор мензелинского, тепекеевский, турбаслинский, учалинский, курмантауский говоры среднего, стерлитамакский говор западных диалектов татарского языка. Также рассматриваются история этнического формирования носителей данных говоров; и их фонетические, и лексические особенности. Автором выявлены их общие и специфичные морфологические особенности, сравниваются с другими говорами и тюркскими языками; установлены отличительные языковые особенности исследуемого ареала от западноприуральского и северо-восточного ареалов Башкортостана. В ходе исследования ареала «Юг Башкортостана» лингвогеографическим методом М.Р. Булатовой выявлен курмантауский говор [Булатова, 2012 (в): 35–45]. Далее на основе конкретных материалов (также и архивных), собранных во время диалектологических экспедиций на территории распространения исследуемого говора в 2011–2015 гг., ею написана монография «Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте» (Казань, 2016). В работе, кроме фонетических, морфологических, лексических особенностей, исследуется и синтаксис курмантауского говора. Книга содержит интересные и ценные сведения по истории родного языка и края.

Изучение методом лингвистической географии, также и собранные нами материалы во время экспедиций, проведенных в 2011–2017 гг. еще раз подтвердило справедливость выводов предшествующих авторов о месте говоров Башкортостана в составе диалектной системы татарского языка. Важное научное значение исследований данного этапа заключается также в том, что в этот период создавался прочный базис для исследований и различными другими методами: сравнительно-историческим, ареалогическим, синхронно-системно-описательным и др., в которых утверждались и развивались дальше полученные результаты изучения методом лингвистической географии.

Богатая лексика и другие языковые особенности татар Башкортостана нашли отражение в трех выпусках «Диалектологического словаря татарского языка» (1969, 1993, 2009). Были созданы и опубликованы «Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (1989) и новый выпуск «Атлас татарских народных говоров» (2015)¹. На сайте Академии наук Республики Татарстан имеется электронная версия Атласа (2012, интернет-ресурс, <http://atlas.antat.ru>).

¹ Дополненный и переработанный новый выпуск диалектологического атласа (2015, 632 с.) отражает особенности татарского диалектного языка на территории, охватывающей квадрат Рязань – Астрахань – Киров – Кемерово. Карты Атласа, отображающие языковые явления по разделам фонетики, грамматики и лексики, состоят из **трех зон**: первые две зоны охватывают татарские народные говоры, распространенные на территории областей и республик Среднего Поволжья и Приуралья; третья – говоры татарского населения Нижнего Поволжья и Сибири.

I зона включает территорию Рязанской, Тамбовской, Нижегородской, Кировской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской, а также часть Самарской областей, Мордовии, Марий Эль, Чувашии, частично Татарстана и Удмуртии;

II зона включает территорию Пермской, Свердловской, Курганской, Челябинской, Оренбургской и части Самарской областей, Башкортостана, частично Татарстана и Удмуртии;

III зона состоит из двух частей. Первая часть (нас. пп. под № 1–31) охватывает части Астраханской, Волгоградской областей и Ставропольского края, где распространены говоры и среднего, и западного диалектов. Вторая часть III зоны включает говоры сибирских татар, распространенные в Тюменской, Омской (тоболо-иртышский диалект), Новосибирской (барабинский диалект), Томской и Кемеровской (томский диалект) областях.

В 2008 году был выпущен на татарском языке «Татар халык сөйләшләр» (Татарские народные говоры) [ТХС I, II, 2008], который является сводом описания всех татарских говоров. В первой книге описаны говоры среднего (казанско-татарского) диалекта, а во второй – западного (мишарско-татарского) и восточного (сибирско-татарские диалекты, т.е. диалекты сибирских татар: тоболо-иртышский, барабинский, томский). В книгах затрагиваются вопросы, связанные с историей народа, формирования говоров, даются основные характеристики каждого говора, в том числе и Башкортостана, описываются их фонетические, грамматические и лексические особенности. Авторами подчеркивается, что основную часть лексики и грамматики составляют общетатарские слова и явления.

Таким образом, татарские языковеды едины в определении места татарских говоров Башкортостана.

Такого же мнения придерживаются и некоторые исследователи башкирского языка и его диалектов. В силу того, что изучаемые нами говоры соприкасаются с говорами башкирского языка, территория их распространения стала объектом исследования и башкирских языковедов (Т.Г. Баишев, Дж.Г. Киекбаев, Н.Х. Ишбулатов, Т.М. Гарипов, С.Ф. Миржанова, А.А. Юлдашев, Н.Х. Маскютова).

Дореволюционные, так и послереволюционные исследователи не считали язык жителей западных и северо-западных частей Башкортостана диалектом башкирского языка, рассматривали его как татарский. Дореволюционные исследователи А.Г. Бессонов, В.В. Катаринский и другие, опираясь на морфологические различия, делили диалекты башкирского языка на два и именовали их по территории распространения в пределах Башкирии: юго-восточный, или степной (луговой), и северо-восточный, или горный. После революции, во время формирования литературного языка, башкирские языковеды насчитывали тоже два диалекта, но их именовали по названиям двух башкирских родов: куваканским (прежний северо-восточный, или горный) и юрматинским (прежний юго-восточный, или степной) диалектами. Башкирский литературный язык был основан на двух опорных диалектах – восточном (куваканском) и южном (юрматинском) [Баишев, 1955: 6; Маскютова, 1976: 6–12].

Тюрколог **Дж.Г. Киекбаев** не признал наличия третьего башкирского западного диалекта. Он утверждал, что носители говоров, распространенные в северо-западных районах Башкирии, своим родным языком считают татарский язык. В классификации ученого представлены только два диалекта башкирского языка: южный и восточный [Киекбаев, 1958: 41–42, 78]. Крупный специалист по башкирскому языкознанию **А.А. Юлдашев**, неоднократно затрагивая этот вопрос, делает вывод о том, что принадлежность северо-западного диалекта башкирскому национальному языку с точки зрения современного их состояния является крайне спорной, так как этот говор обнаруживает большую общность с татарским литературным языком [Юлдашев, 1959; 1968; 1981: 13].

Одним из фундаментальных трудов в этой области явилась кандидатская диссертация **А.А. Юлдашева** [Юлдашев, 1950], посвященная описанию фонетических, грамматических и лексических особенностей говора тептярей (татар-тептярей) Учалинского района в сравнении с говорами тептярей, башкир, татар, мишарей Белебеевского, Буздякского, Туймазинского, Шаранского, Бакалинского и Чекмагушевского районов БАССР. Особенности говора учалинских тептярей систематически сопоставляются автором с данными татарского (недочеты связаны с недостаточной изученностью в то время татарских диалектов) и башкирского языков, прослеживаются ареалы распространения особенностей (в частности, интердентального [d], отсутствующего в Буздякском районе) и т.д.

В работе дается подробный критический анализ историко-этнографической литературы о тептярях. При этом автор неоднократно обращается и к письменным источникам. Тептяри рассматриваются им как сословие, находившееся в постоянном движении: «классовая дифференциация в среде башкир-вотчинников, приведшая к приравнению положения значительного слоя башкирского общества к тептярям»; «дифференциация в среде самих тептярей»; «беспрерывный приток свежих переселенцев из различных губерний России (особенно казанских татар) и рост числа тептярей за этот счет» и т.д. Эти факторы привели, по мнению автора, к разрушению начавшейся в определенный период консолидации тептярей в особую народность [Юлдашев, 1950: 246].

А.А. Юлдашев отметил, что татарский язык сыграл решающее значение в формировании татарских говоров Башкирии. «Доминирующее положение татарской языковой среды обеспечивалось количественным превосходством татар», осуществлялось также при помощи духовных школ, татарской литературы, торгового класса переселенцев татар и др. [Юлдашев, 1950: 249]. Подчеркивается определенная роль мишарского диалекта в формировании татарских говоров западных районов Башкортостана. Изучение же истинных мишарских говоров региона не входило в задачи автора. Он считает, что особенно сильный прилив татарского населения происходит до XVIII в. Все эти выводы автора не теряют своего значения, когда перед исследователями стоит важная задача изучения вопросов этногенеза и миграции татар Поволжья.

А.А. Юлдашевым впервые системно и в сравнении введены в научный оборот материалы по говорам тептярей, определено место этих говоров в диалектной системе татарского языка.

Н.Х. Ишбулатов, в течение многих лет занимающийся исследованием башкирских диалектов, указывает на отсутствие в говорах северо-западной части Башкортостана специфических черт башкирского языка и относит их к среднему диалекту татарского языка [Ишбулатов, 1972: 125, 129]. Таких же взглядов придерживается и **Т.М. Гарипов** [Гарипов, 1959: 48].

Говор обследованных населенных пунктов северо-западной Башкирии **С.Ф. Миржановой** назван как «народно-разговорный язык» или «говор северо-западных башкир» [Миржанова, 1976: 238]. Ученый указывает черты, исторически общие для татарского и башкирского языков (*и~э*, дифтонгическое сочетание *-ай/-эй* и др.). Но, отметим, в этом говоре полностью отсутствуют специфические черты, характеризующие башкирский язык (звуки *h*, *з*, *с* и др.). Например, звук [с] сохраняется без изменений, не переходя в межзубную [ç] и гортанную [h]): *кесэ* – баш. лит. *кесэ* ‘карман’, *син* – баш. лит. *хин* ‘ты’. «Само население, – пишет С.Ф. Миржанова, – хотя и четко дифференцирует этническую принадлежность каждого населенного пункта (башкирский, тептярский, татарский, мишарский), различает только язык татар и мишарей, в которых, действительно, сохраняется особенность их языка, например, аффриката *ц* или *ч*» [Миржанова, 1976: 238]. Таким об-

разом, С.Ф. Миржанова в целом правильно определила диалектную принадлежность языка местного населения северо-западной Башкирии, но не учла употребления этнонимов «башкиры», мишари и др. в сословном значении.

В работах отдельных башкирских языковедов говоры северо-западного Башкортостана рассматриваются в составе башкирских говоров или диалектов [Баишев, 1955; Миржанова, 1991]. Так, **Т.Г. Баишев** считал, что в башкирском языке кроме южного и восточного диалектов, существует и западный (в северо-западной части региона). Объективный подход к собранным на основе «Программы по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка» (1959) четко паспортизованным материалам, записям образцов текстов позволяет не согласиться с таким мнением. Ими не учитывается то, что, во-первых, относительно татар северо-западных районов Башкортостана слово «башкиры» применялось как сословный термин; во-вторых, языковые особенности полностью совпадают с татарским языком, нет специфических особенностей башкирского языка. Это подтверждается исследованиями историков [Кузеев, 1974: 164, 347; Исхаков, 1985: 44 и др.] и лингвистов, многочисленными архивными данными, источниками, выявленными учеными в архивных хранилищах гг. Москвы, Оренбурга, Уфы, Перми, полевыми экспедициями [Махмутова, 1962; МТД; Рамазанова, 1979, 1984, 1985, 1996, 2008; Хайрутдинова, 1985, 1985 (б); и др.].

Несомненно, тесные социально-культурные контакты между татарами и башкирами в пределах одной административной территории, общая географическая среда привели к взаимовлиянию и взаимодействию их языков, появлению башкирских слов в лексико-семантической системе приуральских татарских говоров. Среди тюркских языков башкирский является наиболее близким к татарскому.

Таким образом, выводы исследований диалектологов говоров Башкортостана единодушны относительно их места в диалектной системе татарского языка, что находит подтверждение в дальнейших исследованиях. Об этом же говорят и наши выводы, полученные после изучения татарских говоров Башкортостана как единая система.

1.3. Из истории татар края

Урало-Поволжье издревле являлось одним из тюркоязычных ареалов, где происходили общие историко-культурные процессы [Лайпанов, Мизиев, 1993: 16–28; Закиев, 2008: 158; Ахметьянов, 1993 и др.], что обуславливало устойчивую вековую тенденцию установления общности в регионе возникновения волго-камского языкового союза.

Большинство ученых считает, что в XII – первой трети XIII в. территория Булгарского государства охватывала нижнее течение р. Белой [Руденко, 1955: 31; Усманов, 1960: 50; Халиков, 1971: 34], а на юго-востоке в X–XI вв. включала и земли до р. Шешмы [Халиков, 1971: 34].

В XIII–XIV в. новый этап этнодемографической истории Приуралья связан с появлением нового государственного образования – Улуса Джучи. Золотая Орда делилась на два крыла, разграниченных рекой Яик: правое (западное, Белая Орда (Ак-Орда) и левое (восточное, Синяя Орда – Кок-Орда) [Трепавлов, 2016: 140–142].

После распада Золотой Орды, в XV – в третьей четверти XVI в. край оказался под властью Ногайской Орды. В экономическом отношении данная территория была замкнутой зоной кочевого животноводства. Западной границей ногайских кочевий служила река Ик, северо-восточной границей – восточный рубеж Китайской волости Сибирской даруги, который проходил приблизительно по южноуральским озерам Иткул, Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргази. Еще южнее по востоку она проходила по верхнему течению Уя [Трепавлов, 2011: 95–98]. Данная территория обладала политической обособленностью в форме наместничества [Трепавлов, 2011: 104–105].

Учреждение Ногайской даруги на территории Казанского ханства приходится в 1530–1540-е гг., когда ногайцы стали опорой возвращения его престола Сафа-Гараю в борьбе со ставленниками Москвы. На этой территории кочевали ногаи и их наместник собирал налоги с местных жителей [Аксанов, 2016: 242].

После падения Казани в 1552 г. Приуралье превратилось в арену столкновения интересов Ногайской Орды и усилившегося Московского государства. Постройка в 1574 г. крепости Уфа

на реке Белая (Агидель) сопровождалась учреждением воеводства и ознаменовала окончание владычества Ногайской Орды, что было связано также с политическим и экономическим кризисом в Ногайской степи [Трепавлов, 2011: 120]. Окончательный исход ногайцев из Южного Приуралья произошел под давлением калмыков в 1630-е гг. [Исхаков, 2016: 285].

В последней трети XVI – начале XVII в. с целью охраны южных рубежей новая власть активно заселяла оставшие после исхода Ногайской Орды земли кочевыми племенами, частью вернувшимися из ногайских владений, прельстившись на льготное налогообложение, частью переселившимся из других регионов, главным образом из Зауралья [Аксанов, 2016: 244–246]. За охрану приграничной территории кочевые племена наделялись вотчинными правами на угодыя. Таким путем в крае началось формирование башкирского сословия (асаба башкорт) – новой этносословной общности [там же: 245].

Установлено, что после падения Казанского ханства ход дальнейших этнических процессов в Приуралье предопределился различиями в общественно-экономическом положении населения Среднего Поволжья и Приуралья: 1) тяжелый и все более увеличивающийся за счет различных поборов ясак – у народов, бывших в составе Казанского ханства, и относительно легкий ясак – у тех народов, которые оказались на приграничной территории; 2) вотчинное право кочевого населения на свои земли; 3) государственная – у первых и общинная – у вторых форма землепользования; 4) налаженный и сильный контроль над населением Среднего Поволжья и ограниченная возможность вмешательства правительства в предотвращение притока и устройства беглого населения в Приуралье; 5) близость (в ряде случаев общность) языка, обычаев, и нравов пришлого и местного населения; 6) сохранение льгот у правящей верхушки: сохранение тарханства, полученного в период Казанского ханства и Ногайской Орды, также и продолжение предоставления правительством тарханства служилым и другим татарам; 7) относительно свободные земли, ставшие одной из последних отдушин для беглых, лишенных своих лучших земель [Кармин, 1934: 12; Кузеев, 1957: 121; История Татарской АССР, 1968: 103–136; Рамазанова, 2008: 22].

Необходимо особо сказать об огромной роли татарского компонента в этнических процессах Приуралья (местный тюркский компонент + поволжско-татарский + татары-поздние переселенцы после падения Казанского ханства). Татары, как грамотный слой общества, оказывали сильное влияние на население, были наставниками, писцами, обучающими грамоте, и т.д. [Демидова, 1958: 49; Усманов, 1960: 38–39]. Духовными лицами в Уфимском уезде, в основном, были выходцы из Казани, о чем сообщается в письменных источниках. И.И. Лепехин в середине XVIII в. отмечал, что ахун из башкир был редкостью [Лепехин, 1821: 279].

Влияние татарского языка шло и через татарский письменный литературный язык, служивший, как свидетельствуют письменные источники, языком деловых бумаг [Тумашева, Усманова, Хисамова, 1977: 51–66]. В архивах городов Уфы, Оренбурга, Москвы сохранилось множество различных деловых актов, написанных на татарском языке. Кстати, Д.Б. Рамазанова отмечает, что в их языке совершенно отсутствуют специфические черты башкирского языка [Рамазанова, 1984: 12–24].

Освоение Приуралья служилыми татарами осуществлялось по правительственной протекции с последней трети XVI в., когда возникла необходимость укрепления новых юго-восточных границ Московского государства и велось строительство крепостей-городов. Начинают строиться будущие города Уфа (1578), Бирск, Мензелинск, Самара [Алекторов, 1883: 7]. Эти укрепленные поселения и их округи заселялись государством служилыми людьми, в том числе служилыми татарами.

Уложением царя Алексея Михайловича (1649 г.) людям «всяких чинов» запрещалось покупать земли у башкир [Фирсов, 1866: 153, 247]. Законный доступ на земли Башкирии был возможен, в основном, только тем, кто имел с ними общую культуру, язык, религию, т.е. «мусульманам». Башкирия сохраняет «инородческий характер» до конца XVII в. Представители же других народностей для устройства на башкирских землях принимали магометанство («омусульманивались») [Фирсов, 1866: 153, 247; Кузеев, 1974: 164, 332, 459].

В начале XVIII в. происходил еще один мощный приток переселенцев, связанный с усилением фискального гнета и политики христианизации при Петре I [Рамазанова, 1984: 22–23; 1986]. Казанский

губернатор А.П. Вольнский (1725–1730) писал, что «Казанские, сибирские и прочих уездов ясачные татары больше половины в башкиры перешли, а ныне и русских немалое число, от подушных податей беглецов, в башкиры перешли» [Любавский, 1996: 499]. Современники выделяли три вида припуска: покупка земли, владение ею наравне с вотчинниками-башкирами и арендное владение. Аренда часто была бессрочной [Рамазанова, 1984: 49].

В 1728 г. по просьбе кочевых башкир для лучшей защиты их интересов Уфимская провинция была выделена из Казанской губернии и подчинена Сенату [Петров, 2008: 399].

Активная колонизация края русскими стала возможной после объявления указа 1736 г., разрешающего продавать земли представителям определенных сословий [Добросмыслов, 1900: 190].

В целом, указ от 1736 г. озаменовал начало новой формы освоения земель края татарами и другими этническими группами населения Среднего Поволжья (чуваши, марийцы, удмурты). Прежде всего, этим указом не примкнувшие к восстанию служилые татары, «застарелые тептяри и бобыли», ясачные татары и др. были навсегда «утверждены» на землях, арендуемых ими раньше из оброка вотчинникам и оставлены «при одном прежнем ясачном платеже в казну» [Добросмыслов, 1900: 190; Новиков, 1879: 43]. Автор книги об Оренбургском губернаторе И.И. Неплюеве (1744–1758) В.Н. Витевский подчеркивал, что в числе башкир находятся мещеряки, вотяки, мордва, чуваши и черемисы [Витевский, 1897: 620].

Татары правительством были поселены вдоль Новомосковской дороги, открытой в 1743 г. из Оренбурга в Казань, и Сеитовскую (Каргалинскую) слободу. Сеитовцы, в основном, состояли из переселенцев Арской дороги Казанского уезда; среди них были также выходцы из Свяжского, Симбирского, Уфимского уездов [РГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. хр. 2450, л. 23–89]. Вскоре их численность, согласно правительственному указу, была сокращена и часть из них переселена на окрестные земли. С ними связаны говоры самых южных татарских сел Башкортостана [Рамазанова, 1984: 56–57; 2008: 28].

Подытоживая, необходимо подчеркнуть, что особенно мощные потоки переселенцев (как вольного, так и государственного) происходили в последней трети XVI – начале XVII в. и в первой

половине XVIII в. Переселенцы сохраняли свою культуру, исконный язык, обряды и обычаи до настоящего времени, чем и объясняется их единство с татарами, татароязычность, их твердо убежденное самосознание, хотя они фигурировали в документах под различными названиями: тептяри, бобыли, башкиры, ясачные, припущенники и т.д. Такие факты были связаны с особенностями их устройства на землях Башкирии.

Некоторые вопросы устройства переселенцев на землях Башкирии

В социальном отношении население Башкирии конца XVI–XVII вв. состояло из тархан, вотчинников, служилых татар (мещеряков), бобылей и др. [История Татарии ... – 1937: 123].

Как было отмечено, кочевое население Уфимского края было наделено правами вотчинников. Независимо от этнической принадлежности постепенно утверждалось и к концу XVIII в. окончательно утвердилось название «башкиры», которое обозначало административную и сословную принадлежность.

Пришлое нерусское население подразделялось на две основные группы: тептярей и бобылей, известных также в исторической литературе под именем припущенников. Кроме того, из общей массы пришлого населения особо выделилось как военное сословие мещераки (мишари), состоявшие на службе царского правительства.

Припущенники – группа земледельческого населения Башкирии XVII–XX вв. складывалась из татар, чувашей, марийцев и других нерусских народностей, переселявшихся в Уфимский уезд из соседних районов Поволжья и Приуралья. Припущенники не были однородны в социальном отношении. Это обстоятельство отразилось на условиях поселения припущенников на землях башкирских общин, которые колебались от полного включения припущенников в совместное владение общинной землей до оброчных взаимоотношений. Как было сказано, в 1736 году припущенники были освобождены от уплаты оброка башкирам и формально получили во владение земли, на которых жили. В конце XVIII в. часть припущенников вошла в состав неподатного служилого населения, а в 1863 г. была приравнена к «сельским обывателям» (государственным крестьянам) [Комиссия «высочайше»... – ЦИА РБ, ф. И-172, оп. 1, л. 2].

В конце XVI – XVII в. самым распространенным было самовольное поселение. Многочисленные челобитные были вызваны тем, что самовольно поселившиеся, платя ясак, далее переписываясь в окладной ясак, постепенно превращались во владельцы, стали объявлять себя башкирами [Добросмыслов, 1900: 204–215; Филоненко, 1915: 43–44; РГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1331; и др.].

Большинство самовольно поселившихся, после того, когда крепко их земледельческое хозяйство, подавали челобитную, записывались на бобыльский ясак и становились **бобылями**. Бобыли – пришлое или по какой-либо причине лишившееся земли местное население; группа нерусского населения, выходцев из других уездов (татар, чуваш, мари, удмуртов). Тептяри и бобыли различались между собой в зависимости от тех отношений, которые складывались между ними и башкирами на почве землевладения или землепользования. Бобыли селились на этих землях явочным порядком, «не спросясь», и владели земельными угодьями (пашнями и лугами), а также строевым и дровяным лесом, но за пользование промысловыми угодьями – местами охоты, рыбных ловель и дикого хмеля – платили башкирам оброк [Материалы... , т. V, 1960: 6]. Среди бобылей были и башкиры, обедневшие или отделившиеся по каким-либо причинам от своего рода [Васильев, 1950: 143; Рамазанова, 1984: 39].

Бобыли в Приуралье отличались от бобылей центральных губерний, т.е. от обедневших крестьян, которые ввиду «бедности и худобы» были не в состоянии нести «тягло» и не имели своего дома, жили у кого-нибудь и т.п. [Очерки истории СССР..., 1955: 184]. Ясачный бобыль, после того как он окончательно утвердился на новой земле и увеличил свой надел, мог переходить в окладной ясак и стать вотчинником.

Как известно, значительную часть припущенников представляли **тептяри**. Они издавна привлекали внимание различных государственных чиновников и исследователей. Со II половины XIX в. главенствует взгляд на **тептярей как на сословную категорию**, образованную из самовольно поселившихся беглых из Поволжья и, частично, припущенников-башкир; они состояли из татар, мари, чувашей, башкир и даже русских [Гурвич, 1880: 8; Филимонов, 1893: 55; Ахмаров, 1907: 340–364; Асфандияров, 1987: 59–83; Исаков, 2005 и др.].

Название «тептярь» – искаженное персидское слово «дефтэр» и означает запись, регистр [Ахмаров, 1907: 340]. Права и обязанности тептярей фиксировались при этом в особых записях о припуске¹, а также в данных, оброчных и поступных записях. Тептяри делились на несколько категорий. Одни из них принимались башкирами в свою общину как равноправные члены на совместное владение землями и несение общинных обязанностей. Другие же получали от башкир обособленные земельные угодья и участвовали в уплате ясака (до 1754 г.), в несении подводной повинности и т.д. и, наконец, значительная часть тептярей платила оброчные деньги за пользование пашнями, сенокосными и лесными угодьями [Материалы..., т. V, 1960: 7].

Р.Г. Кузеев происхождение тептярей преимущественно связывает «с различными этнографическими группами татар» [Кузеев, 1968: 357]. Подавляющее большинство исследователей подчеркивали сходство тептярей-татар с казанскими татарами. П.И. Небольсин пишет: «в образе жизни тептяри-мухаммедане ничем не разнятся от татар...» [Небольсин, 1852: 34]. Г.Н. Ахмаров указывает, что «вся масса тептярей-мусульман говорит татарским языком, близким к наречию казанских татар; по языку, наружности и обычаям они составляют тюркский элемент и ничем не отличаются от казанских татар; внешний быт тептярей (постройки, костюм, утварь, пища и др.) тоже татарский» [Ахмаров, 1907: 354–355].

Д.М. Исхаков к термину тептяр дает следующую трактовку: «До первой четверти XVIII в. тептярей тюркского происхождения было

¹ **Припуск.** Большинство сходцев устраивались на новых землях на основании различных припускных договоров. Существовала два вида припуска: устная и письменная. Припуск на основании устного договора является самой древней формой. Письменная форма оформлялась в определенной традиционной форме на татарском языке. Эта форма припуска в русских письменных источниках зафиксирована с конца XVII в., а с начала XVIII в., припускные записи систематически оформлялись на татарском языке, чаще всего с переводом на русский язык и в каком-либо государственном учреждении. Наиболее интересной является такая форма припуска, по условиям которой припущенники навечно припускаются на отдельное повытье или жребий с полным правом пользования всеми угодьями и с условием платить в казну положенный на это повытье ясак. Таким образом, повытье становится собственностью, вотчиной припускаемого. Припущенники навечно приобретают земельные угодья, становясь, как вотчинники, полноправными хозяевами этих угодий [Рамазанова, 1984: 43–46; Материалы... – Т. III; Т. I: 132 и др.].

относительно немного, но в результате массовой миграции татар в Приуралье к середине XVIII в. их численность возросла более чем в 4 раза, причем татарский компонент в их составе стал основным. Тептяри, как ведущая часть татар Приуралья, окончательно оформились в XVIII в. за счет переселенцев – казанских татар. Поэтому они стали вторым по величине этнографическим подразделением казанских татар (численность в начале XX в. – около 370 тыс. чел.)» [Исхаков, 1979: 29–42]. Хотя эта группа уже в XVIII в. сформировалась в отдельную сословную группу со своим этносословным наименованием «типтәр», она от татар полностью не обособилась – имеются источники конца XVIII – первой трети XIX в., утверждающие, что тептяри являются главным образом беглыми татарами; переписи первой четверти XX в. говорят о том же [Исхаков, 2005: 8].

Начиная с 40-х гг. XVIII в. правительство предпринимает ряд мер для окончательного политико-экономического освоения края (организация Оренбургской экспедиции, строительство г. Оренбурга и т.д.), выявляются и податные ресурсы. Указ Сената от 31 марта 1734 г. гласит, чтоб всех припущенников края «... записывать и расспрашивать, кто откуда и давно ль пришли и в подушный оклад положены ль...» [ПСЗ, т. X: 337–338]. Заводится специальная тептярская книга, где этому выделенному разряду ведется отдельный счет, их начинают использовать в определенных видах работ [Рамазанова, 1984: 73; 2008: 41], записывают в отдельный ясак, одинаковый, причем, с бобыльским. С этого времени выражение *тептярский ясак* означает ‘ясак, уплачиваемый данной категорией’.

Сходцы, вновь прибывающие в Западное Приуралье, однако уже с разрешения и под контролем правительства, образовывали другие категории населения края под названиями *государственные крестьяне, ясачные татары, однодворцы* и др. А это означало прекращение прилива новых пришельцев в разряд тептярей. Тем самым, образуется самостоятельный, изолированный в социальном отношении **разряд (сословие) тептярей, предками которых являлись преимущественно переселенцы из Казанской губернии (в подавляющем большинстве – татары)**, успевшие устроиться в крае до издания указа 1736 г. и записанные в 1734 г. в тептярскую книгу. В дальнейшем их права уравнились с правами бобылей [Рамазанова, 1984: 73; 2008: 41].

Материалы по XVII–XVIII вв. свидетельствуют, что **тептяри являются потомками ясачных татар**, некогда припущенных вотчинниками. О том, что предки тептярей-татар являлись татарами, часто рассказывается и в легендах об истории заселения деревень, сохранившихся в памяти народа.

До XVIII в. тептяри не обладали частной собственностью на занимаемые земли, а пользовались ими на правах аренды у башкирских общин, также пользовались казенными, частновладельческими землями. В 1832 г. правительство издало указ, подтверждавший вотчинное право башкир на земли, но обязывавший их уступить часть угодий тептярям. Этим указом тептяри были освобождены от зависимости от башкир-вотчинников [Файзрахманов, 2013: 179].

На рубеже XIX–XX вв. тептяри переживали процесс потери былой обособленности [Ахмаров, 1907: 349, 361]. Консолидация тептярей с остальными группами волго-уральских татар завершилась к середине 1920-х годов, когда было зафиксировано минимальное число населения с сознанием принадлежности к группе тептярей. Это было также результатом отделения во время переписи 1926 г. понятий «родной язык» и «национальность», о чем свидетельствовал материалы предыдущей (1920 г.) переписи. В ходе же переписи 1926 г. был использован более точный инструментарий, в т.ч. и применялась специальная инструкция относительно определения истинной этнической принадлежности татар. В итоге большинство тептярей определили себя татарами [Исхаков, 2005: 9–10].

Говор тептярей-татар (в дореволюционных работах они нередко именуется «тептярами-мухамеданами») весьма близок к татарскому литературному языку. Лингвисты, как дореволюционного, так и послереволюционного периодов, затрагивающие в той или иной мере вопрос о тептярях, подчеркивают общность у тептярей-татар и казанских татар не только в языке, но и в образе жизни, материальной и духовной культуре.

Характерно то, что подавляющее большинство тюркского населения края в русскоязычных документах XVII – начала XVIII в. фигурирует под названием «**башкирь**». Население Башкирии при присоединении к Русскому государству сохранило старые порядки, и под именем башкир было наделено правами вотчинников, оказавшихся, как известно, в довольно привилегированном поло-

жении. Поэтому произошел массовый переход сходцев (не только мусульман, но и других народов) в башкиры [Рамазанова, 1984: 75; Руденко, 1955: 53–54; Әхмәтжанов, 1995: 48–49; Сибәгатов, 2002: 24; Юсупов, 2003: 8 и др.]. Как справедливо указывал У.Х. Рахматуллин, принадлежность к башкирам «была в XVIII в. адекватна с пребыванием в составе более привилегированного сословия», «присвоение башкирского имени позволяло пришлым крестьянам освободиться от многих обременительных повинностей, фактически в XVIII в. (особенно в первой половине века) царское правительство и не занималось уточнением этнической принадлежности народов Башкирии...» [Рахматуллин, 1975: 45].

Эти же факты нашли определенное отражение и в численности населения Башкирии, т.к. за период XVI–XVII–XVIII вв. башкиры находились в более привилегированном положении по сравнению с податными сословиями Волго-Камья, а также бобылями, тептярами, ясачными татарами Приуралья, владели более крупными земельными угодьями. В результате башкирское сословие постоянно пополнялось за счет пришлых извне и выходцев из других нижестоящих категорий. Р.Г. Кузеев, основываясь на архивных материалах, подчеркивает, что в XIX в. происходила «инфильтрация в башкирскую среду пришлого населения» [Кузеев, 1968: 347–348]. Действительно, в начале XIX в., в связи с учреждением кантонов, произошел сильный наплыв в ряды башкирского сословия.

Исследователи, исходя из различных материалов, также неоднократно указывали на переход пришлых в башкирское сословие [Филоненко, 1915: 43–44; Никольский, 1920: 14; Руденко, 1955: 53–54; Кузеев, 1974: 323; Юсупов, 2003: 8; Сибәгатов, 2002: 24 и др.].

Р.Г. Кузеев процесс перехода пришлых в башкиры характеризует следующим образом: «Земледельческие народы Волго-Камья ... поселялись на башкирских землях в качестве припущенников, арендаторов и покупателей. Немало было и таких, в том числе из татар, которые во имя приобретения башкирского «вотчинного» права переходили в «башкирское звание», женились на башкирках, выдавали дочерей замуж за башкир и в конечном итоге действительно ассимилировались». Представители других народностей (чуваши, мари и др.), чтобы «войти в башкирское имя», принимали магометанство («омусульманивались») [Кузеев, 1974: 164].

В конце XVIII – начале XIX в. переход в башкиры был связан с учреждением **кантонного управления** в 1798 г. и объявлением башкирской категории военным сословием. Мероприятия по укреплению южных и юго-восточных границ (создание укрепленных линий Оренбуржья, введение в Башкирии военного управления и т.п.) вызвали, в свою очередь, новую волну перехода населения Башкирии в башкирское сословие.

В 1782 г., затем в 1812 г., были изданы указы Правительствующего Сената, предписывающие запрещение перехода в башкиры из податного сословия [Рамазанова, 1984: 49; ЦИА РБ, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 561, л. 2].

В середине XIX века произошли события, которые привели к значительному пополнению сословной группы башкир. В 1850 году в ее состав были включены представители группы тептярей и бобылей. В 1855 году Башкиро-мещеряцкое войско было преобразовано в Башкирское войско, что автоматически привело к включению мещеряков в состав башкир. В результате к 1862 г. Башкирском войске считывалось 1008876 чел., в т.ч.: «башкир» – 549452, мещеряков 138819, татар – 8631, тептяр – 241950, «черемис» (марийцы, чуваша, мордва) – 51340, «вотяков» – 18684. В конфессиональном отношении Башкирское войско состояло из трех групп: 936568 мусульман, 70221 язычника, 2087 христиан [Алишев, 2005: 275].

В 1863 году было утверждено «Положение о башкирах», которое подтверждало, что и мещеряки, и тептяри, и бобыли входят в число башкир, теперь уже как сословная группа в составе крестьян. Поскольку при этом за башкирами сохранялись права на вотчинные земли, т.е. определенные привилегии, у мещеряков и тептярей был стимул числиться в башкирах [Самигулов, 2019: 34–45]. Согласно закону от 2 июля 1865 г., «инородцы, известные под названием башкир, мещеряков, тептярей и бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска», получали гражданское устройство «как свободные обыватели» (государственные крестьяне) [ПСЗ, Т. 40. № 422682: 755].

Мещеряки и тептяри со времени причисления их к башкирскому сословию получили в народе название «новые башкиры» [Юлдашбаев, 1972: 69]. Все эти события сохранились в исторической памяти населения и весьма четко отражается в легендах о

заселении края, об основании сел и т.д., записанных татарскими диалектологами во время многочисленных экспедиций, проводившихся ими в течение многих лет на территории западных районов Башкирии [см. МТД III: 195–230; МТД IV: 47–95; Юсупов, 1979; Рамазанова, 1984: 80–81; и др.].

В результате многочисленных случаев смешанных браков, совместного проживания с башкирами, у некоторых тептяр-татар возникло локальное этносословное самосознание, которое во второй половине XIX в. могло даже иметь «башкирский» характер, особенно в связи с постепенным приобретением в первых десятилетиях XIX в. вотчинных прав частью тептярей, а также в результате переименования их в 1855 г. в «новых башкир» из-за причисления к «башкирскому войску» [Исхаков, 2005: 9].

Как видно, переключение других народов на «башкирское имя» в разные исторические периоды имело различные причины и носило различный характер. Этноним «башкиры» в XVII – начале XVIII в. приобрел и административное значение; в XVII–XIX вв. употреблялся и в сословном значении.

Незавершенность этносословной идентификации в крае доказывалась и результатами переписи 1897 г. Разработчики переписных листов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. для определения языковой принадлежности респондентов из числа нерусских народов данного региона прописали названия их прежних сословных названий: башкирский, тептярский и мещеряцкий. Во время подготовки статистической операции в Уфимской губернии среди мусульман вызвало волнение графа о сословной принадлежности. В графе о сословии местное население впервые должно была написать себя крестьянами, к которым оно было окончательно приписано в 1865 г. под названием «сельских обывателей». В его слово «крестьянин» ассоциировался с термином «христианин», что способствовало усилению в крае слухов о крещении мусульман. С учетом их просьбы «для успокоения умов» циркулярным предписанием от 28 декабря 1896 г. уфимский губернатор Н. Богданович разрешил в графе переписного листа о сословном составе по желанию респондентов-мусульман фиксировать «башкиром» вместо «крестьянин». Стремление мусульман защитить свою профессиональную идентичность наглядно отразилось в результатах

статистической кампании [Загидуллин, 2013: 583–585]. По переписи 1897 г. «в составе башкир было учтено около 300–350 тыс. тептярей и мишарей» [Кузеев, 1978: 341].

Подытоживая вышеизложенное, следует сказать, что государственная колонизация земель Уфимского края татарами происходила различными путями. Самый старый способ – это переселение государством служилых татар на южные рубежи. После издания указа 1736 г. начинается переселение татар различных категорий. Примечателен тот факт, что на основании этого указа было узаконено проживание на арендуемых ими землях татар, устроившихся на землях Башкирии на различных основаниях: припуск, самовольное поселение, купля и т.п.

Татарское население данной территории в исследуемом периоде хотя относилось к различного рода сословиям: мещеряки (мишари), тептяри, ясачные татары, башкиры, государственные крестьяне и т.д., но они сохранили свой исконный родной татарский язык и духовную культуру.

Русский этап этнического формирования привел к сложению в Башкортостане существующей ныне системы татарских говоров. Таковы некоторые вопросы истории этнического формирования татар Башкортостана.

Глава II

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ БАШКОРТОСТАНА

Многочисленные исследования как дореволюционных, так и послереволюционных ученых, результаты «Атласа татарских народных говоров Поволжья и Приуралья» (Казань, 1989), «Атласа татарских народных говоров» (Казань, 2015), исследования методом лингвогеографии, а также и наши изыскания с ареалогической точки зрения показали, что Башкортостане распространены следующие татарские говоры, относящиеся к двум основным диалектам татарского языка: белебеевский, центральный, янаульский подговора мензелинского говора, бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, учалинский говоры среднего диалекта и байкибашевский, стерлитамакский говоры западного (мишарского) диалекта.

Указанные говоры входят в единую диалектную систему татарского языка, а их носители по своим основным этническим особенностям являются неотъемлемой частью единого татарского этноса. В то же время рассматриваемые говоры, во-первых, объединяются между собой в одно целое наличием ряда особенностей, составляющих ведущие, дифференциальные признаки среднего и западного (мишарского) диалектов, и, во-вторых, отличаются от остальных говоров татарского языка отдельными этноязыковыми особенностями.

2.1. Говоры среднего диалекта татарского языка

Как отметил, известный татарский ученый Л.З. Залый, средний диалект является опорным диалектом в образовании татарского языка [Залый, 1958: 36–50]. *Средний диалект (урта диалект; казанско-татарский)* – диалект казанских татар распространен

на довольно значительной территории, главным образом, в республиках Татарстан и Башкортостан, и прилегающих к ним областях. К настоящему времени (по разным историческим, экономическим и другим причинам) носители среднего диалекта расселены в пределах всего бывшего Советского Союза. В науке принято мнение о том, что представители среднего диалекта являются потомками волжских булгар и населяют в основном те же территории, что и их предки (за исключением тех, кто в разное время переселился в другие регионы) [Закиев, 1993: 29]. Данный диалект распадается на большое число говоров (см. на стр. 123). Это объясняется целым рядом исторических причин: ассимиляция волжских булгар кыпчакскими племенами, многовековые тесные взаимосвязи и взаимовлияния с соседними финно-угорскими (удмурты, мари), тюркскими (башкиры, чуваша), славянскими (русские) народами, изоляция части татарского населения в религиозном отношении (крещение), территориальная изолированность отдельных групп населения, а также позднейшее влияние западного (мишарского) диалекта и т.д. Однако по ведущим фонетическим и другим особенностям подавляющее большинство говоров среднего диалекта незначительно отличается от литературного языка.

Особенно близки к литературному языку центральные говоры, распространенные в районах Заказанья (балтасинский, мамыдышский, лаишевский и др., параньгинский – в Респ. Марий Эл) и Нагорной стороны Татарстана (нурлатский, камско-устынский, тарханский). В этом же ряду – мензелинский (охватывает ряд восточных районов Татарстана и западные районы Башкортостана), бирский – часть северо-западных районов Башкортостана. Основные дифференциальные признаки среднего диалекта татарского языка: наличие огубленного варианта [a^o] (*a^oй* ‘луна’); увулярных [к] и [ҕ] (*ак* ‘белый’, *сагыну* ‘тосковать’); фрикативного (монофтонг) щелевого [ч] (как в лит. без взрывного призвука *т: чама* – а не ^т*чама* ‘мера’, т.е. произношение, похожее на [щ/ш’]: *щэц* ‘волосы’); дифтонгов *-эй, -ай, -уй, -үй, -ой* (*бэйрэм* ‘праздник’, *муьын* ‘шея’, *қойрық* ‘хвост’), в большинстве говоров *-ай/-эй* (лит. *-ый/и(й)* (*атлай* – лит. атлый ‘шагает’, *шундай* – шундый ‘такой’); дифтонга *-өй* (*сөйәк* ‘кость’, *көйәнтә* ‘коромысло’) или его замена с дифтонгом *-ий* (*сийләшә* – лит. сөйләшә ‘разговаривает’, *кийә* – көя ‘моль’); яв-

ление *жс*-оканья (*жсул* – лит. йул, графич. юл ‘дорога’, *дөнҗа* ‘мир’); причастных форм на *-асы/-әсе* (*киләсе кеше*, *барасы юл*), *-мал(л)ы/мал(л)е* (*уқымалы*, *йапмалы түгел*) и др. (подробнее см. на стр. 101).

Ниже остановимся на говорах среднего диалекта, распространенных в Башкортостане, к их этнолингвистической характеристике.

Мензелинский говор (минзэлә сөйләше)

Мензелинский говор является одним из самых крупных говоров среднего диалекта татарского языка как по территории распространения, так и по числу говорящих. Несмотря на то, что говор распространен на обширной территории – восточные районы Татарстана и западные районы Башкортостана – в основе своей он един. Наименование получил от названия бывшего Мензелинского уезда (центром был г.Мензелинск). Мензелинский говор вместе с заказанской группой говоров среднего диалекта легли в основу современного татарского языка. Это один из самых изученных говоров: его особенности описаны в трудах А.Г. Бессонова, Дж. Алмаз, А.Ш. Афлетунова, Н.Ф. Катанова, Л.З. Заляя, Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, И.С. Насипова, М.Р. Булатовой и др.

Кроме вышеназванных дифф. признаков (см. стр. 40), наиболее характерными особенностями мензелинского говора являются: 1) соответствие [d]~[з], то есть употребление межзубного спиранта [d] вместо литературного [з], отличающегося от башкирского [з] преобладанием смычного элемента, на что указывали Л. Заляй, А.Ш. Афлетунов, Д.Б. Рамазанова (*қыдыл* – лит. кызыл ‘красный’); 2) активное, систематическое употребление дифтонга *-ай/-эй* вместо литературного *-ый/-ий*: в определительных местоимениях (*ниндэй/нидэй* – лит. нинди ‘какой’, *андай* – андый ‘такой’), в глагольных образованиях (*ташлай* – лит. ташлый ‘бросает’, *эшләмэй* – эшлэми ‘не работает’), в определенной группе слов (*үгэй* – лит. үги ‘неродной’, *песэй* – песи ‘кошка’); 3) *д > з* в интервокальной позиции (*изэн* – лит. идэн ‘пол’, *бозай* – бодай ‘пшеница’). Изогlossа этого явления охватывает также мамадышский, параньгинский, нукратский и другие говоры [см. карту № 44 «Атласа... »]; 4) сочетание *рт*: *чыбырткы* – лит. чыбыркы ‘кнут’, *себертке* – себерке ‘метла’ и др.; 5) причастия на *-малы/-мәле*, *-ышлы/-ешле*, выражающие постоянный, обычный признак, возможность или

(в сочетании со словом *түгел*) невозможность действия; 6) более активное употребление имени действия на *-ыш/-еш* (*барыш, килеш*); 7) афф. уменьшительно-ласкательности *-качай/-качэй*: *бэ-бекәчәйем* ‘дитячко мое’ и др.

В мензелинском говоре (причем во всех его подговорах) наблюдается монофтонгизация дифтонга *өй>у* в словах *сүрәү* – лит. сөйрәү ‘волочить’, *күрәү* – көйрәү ‘тлеть, сохнуть’, *сүләү/сөйләү* – сөйләү ‘говорить’, *үрәнү* – өйрәнү ‘научиться’. Данное явление – это одна из специфических особенностей западного (мишарского) диалекта татарского языка [Махмутова, 1978: 58; Булатова, 2018 (в): 135, 159, 177], зафиксировано и в других говорах среднего и сибирско-татарских диалектов [см. карту и карту-схему № 22 «Атласа...», 1989; «Атласа...», 2015: 90, 148–149]. Не характерно для башкирского языка. Кстати, об этом же отмечает и башкирский диалектолог С.Ф. Миржанова: «Явление монофтонгизации дифтонгических звукосочетаний *өй>у*, не характерное для говоров башкирского языка, выступает диалектной особенностью северо-западных говоров, мишарского диалекта татарского языка и чувашского языка» [Миржанова, 1991: 23].

В говоре обнаруживается ряд явлений, активно бытовавших и в памятниках старотатарской литературы ([э] вместо [и] (*бәк* – лит. бик ‘очень’, *кәштә* – киштә ‘полка’ и др.), дифтонг *-ай/-эй* вместо лит. *-ый/-ий*), глагольные формы *-мага/-мәгә* (*бармага* ‘идти’), *-ың/-ең, -ң* (в янаульском подговоре; *барың* – лит. барыгыз ‘идите’) и т.д. Некоторые общие со старотатарским литературным языком формы и сейчас более активно употребляются в локальных фольклорных произведениях. Например, дифтонг *-ай/-эй* используется буквально в каждом тексте народных песен; бытовало в старотатарском письменном литературном языке вплоть до начала XX века, связана с фонетическими закономерностями общетюркского характера и вполне справедливо определена как исторически общее явление для татарского и башкирского языков [Махмутова, 1962: 65]. Данные явления имеются в ряде говоров среднего и восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка (более конкретно см. на стр. 92–93, 98–99, 102–104).

В ходе формирования мензелинский говор испытывал влияние различных соседних говоров, смежных языков, в результате чего

на разных территориях распространения говора сформировались те или иные своеобразные черты, несколько отличающие отдельные регионы друг от друга. По материалам «Атласа...», в мензелинском говоре выделяются, в основном, четыре подговора: **агрызский** (Агрызский район Татарстана и близлежащие к нему татарские населенные пункты Удмуртии); **центральный** (районы Восточного Закамья Татарстана, узкая прибрежная полоса правого бассейна р. Ик в Башкортостане), **янаульский** и **белебеевский подговора** (районы Башкортостана).

Янаульский, белебеевский и центральный подговора мензелинского говора распространены в таких районах Башкортостана: Альшеевский, Аургазинский, Бакалинский, Белебеевский, Бижбулякский, Благоварский, Благовещенский, Буздякский, Давлекановский, Дюртюлинский, Ермекеевский, Илишевский, Калтасинский, Кармаскалинский, Краснокамский, Кушнаренковский, Куюргазинский, Кугарчинский, Мелеузовский, Миякинский, Стерлибашевский, Стерлитамакский, Туймазинский, Уфимский, Федоровский, Чекмагушевский, Чишминский, Шаранский и Янаульский (см. карту-схему на стр. 112).

Центральный подговор (минзэлә сөйләшенең төп урынчылыгы) (районы Восточного Закамья Татарстана, узкая прибрежная полоса правого бассейна р. Ик в Башкортостане: Илишевский, Дюртюлинский, Бакалинский, Чекмагушевский) характеризуется наиболее последовательным проведением всего комплекса вышеуказанных ведущих признаков мензелинского говора.

Янаульский подговор (минзэлә сөйләшенең яңавыл урынчылыгы) (Янаульский и близлежащие к нему районы северо-западного Башкортостана: Бураевский, Калтасинский, Краснокамский) имеет общие с пермским говором особенности: несколько активное употребление формы на *-мага/-мәгә* (*Аңа өй җиткермәгә кирәк* 'Ему надо построить дом'), безаффиксального изафета и т.п. Он частично входит в зону распространения формы повелительного наклонения на *-ың/-ең/-ң* (*барың* – лит. барыгыз 'идите', *қараң* – карагыз 'смотрите'). Кроме них, для подговора характерны: присоединение частицы *-дыр/-дер* перед личными аффиксами: *беләдерсен* – лит. беләсендер 'знаешь, наверное', *килгәндерсез* – килгәнсездер 'вы, наверное, пришли'; активное употребление вопросительного

местоимения *нәмә*, диалектизмы *келиткә* ‘чулан в сенях’, *чарача* ‘предбанник’ и др.

Белебеевский подговор (минзәлә сөйләшенең бәләбәй урынчылыгы) распространен на юго-западе Башкортостана, а именно в Альшеевском, Аургазинском, Белебеевском, Бижбулякском, Благоварском, Благовещенском, Буздякском, Давлекановском, Ермакеевском, Кармаскалинском, Кушнаренковском, Куюргазинском, Кугарчинском, Мелеузовском, Миякинском, Стерлибашевском, Стерлитамакском, Туймазинском, Уфимском, Федоровском, Чишминском, Шаранском районах. В нем имеются некоторые незначительные отличия, связанные с особенностями этнического формирования его носителей (мишарский компонент, незавершенность нивелировки в некоторых узколокальных группах и т.д.). Кроме того, на исследуемой территории при продвижении на восток постепенно исчезают ведущие черты мензелинского говора, уступая место вариантам, характерным для татарского литературного языка. В восточной ее части появляются особенности, характеризующие смежный стерлитамакский говор западного (мишарского) диалекта. Исходя из этого говор среднего диалекта юго-западной Башкирии определяется как один из подговоров мензелинского говора и условно назван белебеевским, т.к. территория его распространения почти совпадает с границами территории бывшего Белебеевского уезда [Рамазанова, 1984: 84; Булатова, 2013: 38].

Для белебеевского подговора характерно нарушение системности специфичных особенностей мензелинского говора, что объясняется непрерывной миграцией до XX в. на данную территорию представителей различных говоров среднего диалекта: пассивность употребления *d~z*; *-ай/-эй~-ый/-и(й)* (например, в населенных пунктах Айдарали, Бакеево, Куганакбаш, Тятер-Арасланово и др. Стерлибашевского района употребление [*d*] и дифтонга *-ай/-эй* можно сказать уже не характерное явление [Булатова, 2018 (б): 33]); незавершенность нивелировки как в фонетико-грамматическом, так и, особенно, в лексическом уровнях; влияние смежного стерлитамакского говора западного (мишарского) диалекта: спряжение модального слова кирәк (*кирәгә* – лит. кирәк була, *кирәкте* – кирәк булды, *кирәккәч* – кирәк булгач и др.), сохранение интервокального [б] (*чобан* – лит. чуан ‘чирей’, *чобар* – чуар ‘пёстрый’), усеченный

вариант притяжательного падежа местоимений при сочетании с послелогами (*аны белән* – лит. аның белән ‘с ним’, *моно кебек* – моның кебек ‘как этот’) и др.

Условия формирования мензелинского говора отразились и в его лексико-семантической системе. Общий словарный фонд говора также свидетельствует о близости его к татарскому литературному языку. Основу его составляют общетатарские слова и корни.

Выделяется группа диалектизмов, совпадающих по фонетическому звучанию корня с соответствующими словами литературного языка, но отличающихся по семантике: *бастыру* – 1) лит.; 2) молотить; 3) гнаться за кем-то, догонять; *буш* – 1) лит.; 2) вегетарианский (суп); *гәүдә* – 1) лит.; 2) верхняя часть платья; *қойо* – 1) лит.; 2) реже: родник; *тату* – 1) лит.; 2) задушевная подруга и т.д.

Морфологические диалектизмы: *тәпсә* – лит. *təp* ‘пень’; *йотма* – йоткылык ‘зев, глотка’; *өлгәшү* – өлгерү ‘успеть’; *қушам исем* – кушамат (*ат* и *исем* – синонимы) ‘прозвище’; *эзлек* (эзләп килүче, эзләүче) – ‘разыскивающий’ (ср.: древнетюркском *izlik* – ‘башмак’, у М. Кашгари *izlik* – ‘ичиги’) и т.д.

Большую часть диалектной лексики мензелинского говора составляют слова, общие с говорами среднего диалекта: *бәкәй* ‘ягнёнок’ (так же в заказанских говорах), *мәртлөк/мәтлөк* ‘мята’ (так же в заказанских, камско-устыинском, заказанско-кряшенском), *қара қайын әжимеше/қамыр әжимеше* ‘боярышник’ (ср.: заказанских *қара қайын*, дубязском *қамыр чийә*, пермском *қамырлауық*, байкибашевском *қамыр чийә*, златоустовском *қамыр йемеш*, тепекеевском *қамыраш* – в том же значении), *чәбен/шәбен* ‘ворох сена на один подъем’ (ср.: заказанских, нагорных, чистопольском в том же значении) и др.; *ақ/сийыр ағы* ‘молоко, молочные продукты’: *Ағыбыз да йуқ ичмасақ, сийырыбыд дийаннады* ‘И молока ведь нет, корова умерла’. Известна также в лаишевском, нукратском говорах татарского языка; так же в башкирском, киргизском, ногайском, каракалпакском, туркменском языках.

Формирование носителей мензелинского говора шло в течение ряда веков в условиях постоянного переселения на территорию его распространения, особенно белебеевского подговора, татар из различных регионов [Рамазанова, 2008: 67]. Нивелировка их говоров,

видимо, не завершена, о чем свидетельствуют следующие особенности в составе диалектной лексики белебеевского подговора.

1. Для передачи некоторых понятий употребляются синонимичные ряды. *Саулық*, на юге территории распространения белебеевского подговора *оргачы* ‘овцематка’. *Гөлҗимеш*, к югу и востоку – *этборон* (так же в заказанско-кряшенском, лаишевском, камско-устыинском, чистопольском, златоустовском, шарлыкском говорах) ‘шиповник’. *Нәҗсәгәй*, *җалагай*, *аҗаган*, *наҗсызый*, *аҗсыгай*, *арыш қамчаулы* (мамадышском *арыш қамчылы*), *җылдырым* (чишминский регион) и др. – ‘зарница’. Ср.: пермском *җылдырым*, так же и лаишевском, нагорных говорах: *җылдырым*, древнетюркском *йулдырым* – ‘молния’. *Кузикмәк*, *йоқа/жоқа*, *җәймә*, *қазан ашы*, *чәлпәк* – ‘национальное, ритуальное блюдо (тонко раскатанное тесто, замешанное на яйце и жаренное в масле)’. Все названные синонимы имеются и в других говорах, в основном, среднего диалекта [ТТДС, 1969, 1993; ТТЗДС].

2. Наличие узколокальных диалектизмов: *бикәч* (в нас.п. Айдарали; так же в мамадышском, дубъязском, лаишевском говорах) ‘овцематка’; *инәч* (в нас.п. Таукай–Гайны) ‘овцематка’ < *инә* (т.е. ана) + уменьш.-ласкат. афф. -ч; западном диалекте *әнәч* ‘молодка-курочка’ и др.

3. Синонимические ряды обнаруживаются даже в речи жителей одного и того же населенного пункта, причем носители и сами это осознают: *уратма/беләзек* ‘хворост трубкообразной формы’ (нас.п. Тукаево, Ст. Ибраево), *сәмбүсә/пирүк* (нас.п. Верхн. Услы) ‘маленький пирожок с различными начинками’; *нәҗсәгай/әҗсәгай/җалагай* (Турмаево) ‘зарница’ и др.

Специфичными для говора являются диалектизмы: *кушамисем* ‘прозвище’; *мантай* ‘дурень’ (тат. разг. сантый-мантый – ‘всякие глупые, дураки’); *эзлек* ‘розыск’; *ту* – 1) яловая (о животных и гусыне), 2) бесплодная самка домашних животных: *Бу ту қад икән, ни ата, ни инә түгел* ‘Это гусыня, оказывается, бесплодная, неспособна иметь потомство, ни самец, ни самка’. *Ту бийә* – а) сплодная кобыла, б) рабочая лошадь. Ср.: в башкирском, казахском, киргизском *ту*, каракалпакском *туу*, хакасском *туг* – ‘яловая’, ногайском *тув* – ‘бесплодь’, туркменском *дог* – ‘годовалая неокотившаяся коза’; 3) злаковые культуры, выросшие сами из осы-

павшихся в прошлые годы семян или выросшие не из специально высеванных семян: *ту тары, ту киндераи, ту арыш/азау арыш, ту суган* и др. На основе этого слова образованы другие диалектизмы: *тучага чыгу* ‘животное на третьем году’. Ср.: тат. *тпруча*, мамадышском *туча* – слово, которым отгоняют корову. Слово *туча* имеется и в других кыпчакских языках [Рамазанова, 2008: 68].

Подытоживая, констатируем, что основные номенклатурные названия всех тематических групп совпадают с соответствующими названиями татарского литературного и общенародного языка. Вариативность диалектизмов в белебеевском подговоре объясняется незавершенностью нивелировки и обусловлена сложными процессами взаимовлияния между мензелинским и окружающими говорами, при ведущей роли среднего диалекта татарского языка.

По своей фонематической системе, показателям всех грамматических категорий и лексическому составу мензелинский говор (со всеми своими подговорами) среднего диалекта совпадает с татарским языком. Система языковых особенностей мензелинского говора включает в себя также черты, общие для всех татарских говоров Западного Приуралья.

Бирский говор (бөре сөйләше)

Бирский говор среднего диалекта татарского языка распространен в северо-западной части Башкортостана (Бураевский, части пределов Калтасинского, Балтачевского, Татышлинского, Караидельского, Бирского, Мишкинского районов). Ранее населенные пункты этих районов, в основном, относились к Бирскому уезду Уфимской губернии, с чем связано наименование говора. Говор впервые описан Л.Т. Махмутовой, в последующем изучен Д.Б. Рамазановой и Т.Х. Хайрутдиновой [Махмутова, 1962: 57–86; Рамазанова, 1985: 5–36; 2008: 69–71; Хайрутдинова, 1985 (6): 36–62; ТХС I: 242–254].

Ученые указывают, что в формировании носителей бирского говора решающую роль сыграл ранний поволжско-тюркский компонент (татары на данной территории с Булгарского периода), усилившийся позднее мощным казанско-татарским слоем, переселившимся после падения Казанского ханства; и, что дальнейший ход их историко-культурного развития шел в тесной связи

с поволжскими татарами, миграция которых продолжалась до XX в. [Рамазанова, 2008: 69].

Известно, что по большинству черт бирский говор совпадает с мензелинским говором. В то же время он имеет и своеобразие, выраженное в отсутствии межзубного [d], составляющего одну из ведущих особенностей мензелинского говора. В бирском говоре отсутствует также и вариант *-сыгыз/-сегез* афф. 2 л. мн.ч. изъявительного наклонения: *барасыз* ‘вы идете’, *килгәнсез* ‘вы пришли’ (как и в литературном языке), тогда как в заказанских, параньгинском, курмантауском, тепекеевском, мензелинском говорах факультативно *барасыгыз, килгәнсегез*.

Фонетические особенности в области гласных и согласных сводятся в основном к следующего рода звуковым соответствиям: *ə~a* (*кэбэк* – лит. *кибэк* ‘мякина’), *и~ə* (*чичкэ* – лит. *чэчэк* ‘цветок’), сужение гласных *a, ə* в некоторых словах (*мэктен* – лит. *мэктэп* ‘школа’), наблюдается также в аффиксах деепричастия на *-гынчы/-ганчы, -генче/-гэнче* (*баргынчы/барганчы* ‘прежде чем идти’), дифтонг *-ай/-эй~-ый/-и(й)* (*ашай* – лит. *ашый* ‘кушает’), в середине слова *з~д* (*қазалу* – лит. *кадалу* ‘воткнуться’, *Хәлизә* – Халидә), *м~б* в некоторых словах (*малан* – лит. *балан*, *майтақ* – *байтақ* ‘достаточно’) и др.

Морфологические особенности. Наряду с литературной формой в бирском говоре отмечены случаи употребления двойного аффикса принадлежности 3 л. ед. числа (*сөт өстесе* – лит. *сөт өсте*) *өчен асырадым бер үземә бер сыйыр* ‘Из-за сливок держала одну корову для одной себя’. Употребление двойного аффикса принадлежности характерно для мишарских говоров, распространенных на территории Татарстана, Мордовии и Пензенской области; встречается также в отдельных говорах среднего диалекта.

В говоре имеет место быть также безаффиксальный тип словосочетаний, соответствующий второму изафету лит. языка (*қолаг алқа* – лит. *колак алкасы* ‘серьги’, *йылга арйақ* – *йылга арйагы* ‘противоположная сторона реки’). Этот тип изафета в той или иной степени находит отражение в говорах всех трех диалектов татарского языка.

В бирском говоре 2 л. мн. числа повелительного наклонения образуется аффиксами *-ың/-ең, -ң*: *сақлаң* – лит. *саклагыз* ‘бере-

гите'. Форма на *-ең/-ың, -ң* аналогично выступает и в янаульском подговоре мензелинского говора, златоустовском, учалинском, ичкинском, краснофимском, пермском говорах среднего диалекта, байкибашевском говоре западного (мишарского) диалекта, тоболо-иртышском диалекте восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка. Форма 2 л. повелительного наклонения *-ың/-ең* зафиксирована и в древних письменных памятниках татарского языка (в «Нахдж эль-Фарадис», у М. Кулья, у У. Имяни *-ың/-ыңыз* [Борынгы татар әдәбияты, 1963: 226, 490, 569 и др.]).

Аналогичное явление обнаруживается в говорах восточного диалекта башкирского языка и в современных тюркских языках: якутском *ылың*, тувинском *алыңар*, хакасском *алынъар*, уйгурском *алиңлар*, турецком, гагаузском *алың/алыңыз*, туркменском *алың/алайың*, узбекском *алын* [Булатова, 2013: 127]. А.М. Щербак и другие ученые считают, что форма глагола на *-(y)ң/-(y)ң/-(i)ң* передает оттенок почтительного отношения, однако чаще выражает множественное число [Щербак, 1961: 143; Батманов, 1959: 87].

В говоре отмечена причастная форма на *-ышлы/-ешле*, которая выступает в значении причастия на *-а торган* лит. языка. Чаще всего она употребляется в сочетании со словом *түгел: Өйөгез утын йагышлы* (лит. яга торган) *түгелме?* 'Разве не дровами отапливается ваш дом?' Причастие на *-ышлы/-ешле* в той или иной степени имеет место в заказанских, мензелинском говорах, а также в говорах Оренбургской области.

Характерно употребление деепричастия на *-гачтын/-гәчтен/-гачтан/-гәчтән*, которая соответствует на *-гач/-гәч* литературного языка: *Барысын да сүләп биргәчтән* (лит. биргәч) *аңнады* 'Когда рассказали все, он понял'.

Бирский говор имеет общие черты с другими окружающими татарскими говорами: присоединение аффикса лица не к вспомогательному, а основному глаголу в аналитической конструкции *-а + иде: барабыз ийе* – лит. бара идек 'бывало ходили' (так же и в пермском говоре); пространственные падежи личных местоимений: *миңәргә/мийәргә* 'мне', *сиңәргә/сийәргә* 'тебе'; *миңәрдән/мийәрдән, сиңәрдән/сийәрдән, миңәрдә/мийәрдә; сиңәрдә/сийәрдә*; и др.

Некоторое своеобразие говора выражено и в лексике: *хәйкә* 'перевязь', *йафан* 'поляна, открытое поле', *тезмә* 'занавес у матицы',

телмәт ‘бойкий на язык’, *йарлыту* ‘обеднеть’; *пар жиңгә* ‘супруги, сопровождающие невесту в дом жениха’, *йуша* ‘лось’, *қама чаңы* ‘лыжи, обитые шкурой’ и т.д.

По ведущим диалектным особенностям бирский говор совпадает с говорами среднего диалекта татарского языка. Например, употребление огубленного [a^o], глубокозаднеязычного [к], [г], [х], *ж*-оканья, дифтонга *-өй* (за небольшими исключениями); прошедшего времени на *-адыр/-әдер ийе*, *-а торган ийе*, формы на *-асы килә*; афф. *-ай/-эй* вм. *-ый/-и(й)* лит. языка в глаголах настоящего времени изъявительного и желательного наклонений; и др.

Бирский говор испытал определенное влияние со стороны соседнего байкибашевского говора татарского языка. В нем имеются особенности, характерные для западного (мишарского) диалекта. Например, монофтонгизация дифтонга *-өй* в отдельных словах (*түмә* – лит. теймә ‘пуговица’, *күрәү* – көйрәү ‘тлеть’), оглушение начального [б] в словах, в составе которых имеется глухой [м] (*нет* – лит. бет ‘вошь’, *потақ* – ботак ‘ветка’), активное употребление инфинитива на *-ырга/-ергә* и др.

Таким образом, бирский говор является одним из самостоятельных говоров среднего диалекта, которому характерны татарский фонематический состав и грамматика, общетатарский лексический фонд.

Бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора

(Түбән Кама керәшеннәре сөйләшенен бакалы урынчылыгы)

Бакалинский говор является подговором крещеных татар Нижней Камы и распространен, в основном, в Бакалинском районе Башкортостана, с чем связано и наименование говора. Он изучен Н.Ф. Катановым и Ф.С. Баязитовой [Катанов, 1898: 1–37; 1900: 1–32; Баязитова, 1986: 35–38; 1997; ТХС I: 108–125]. Бакалинский подговор охватывает следующие населенные пункты: Старое Азмеево (Иске Әжми), Бузурово (Божыр), Новые Балыклы (Яңа Балыклы), Новые Маты (Әрнәш/Яңа Маты), Новоиликово (Яңа Илек), Утарово (Утар) Бакалинского района и деревню Базгиево (Базгыя) Шаранского района Башкортостана. Эти населенные пункты ранее относились к Бакалинскому и Нагайбакскому волостям Белебеевского уезда Уфимской губернии.

Общеизвестно, что крещенные татары (кряшены, тат. *керәшен татарлары*) – этноконфессиональная группа в составе татар волжского и уральского регионов, исповедуют православие. Проживают, в основном, в Татарстане, в небольшом количестве в Башкортостане, Удмуртии, Челябинской области, а также Самарской и Кировской областях. Возникновение крещеных татар большинством исследователей связывается с завоеванием Казанского ханства Русским государством в XVI в. и последовавшей за этим насильственной христианизацией татар, так же как и других народов Среднего Поволжья. Сразу же после падения Казанского ханства, путем распространения православной религии царское правительство надеялось укрепить политическое влияние на Средней Волге, получить социальную опору в своей политике у крестившейся части населения. Христианизация народа велась не только насильственными административными мерами, но и путем широкой пропаганды христианства как устно, так и письменно – переводами православных книг на язык местного населения.

Также использовались меры предоставления льгот крестившимся. Многие татарские мурзы (феодалы) в целях сохранения своих владений вынужденно принимают христианство. Но удалось внедрить христианство только среди язычников и небольшой части мусульман; так появились крещенные татары или кряшены, по-татарски *керәшен татарлары* или *керәшеннәр* [Зэкиев, 1998: 217; Баязитова, Хайбуллина, 2013: 36].

Все кряшены по времени принятия христианства разделяются на «старокрещеных» и «новокрещеных». К середине XIX столетия окончательно закрепляются название «старокрещеных» за крещеными в XVI в. и «новокрещеных» за лицами, крестившимися в последующие времена. Таким образом, старокрещеным относятся татары, предки которых стали подвергаться христианизации вскоре после покорения Казанского ханства Иваном Грозным (особенно в 1555–1576 гг.). Старокрещеные татары, проживавшие в христианстве на протяжении ряда поколений, так и остались в нем, образуя особую этнографическую группу татарского народа. Новокрещенцы из татар, обращенные в христианскую веру во второй половине XVIII в. и позже, при первой же возможности почти все возвращались в ислам [Матвеев, 1910: 12; Баязитова, Хайбуллина, 2013: 36–37].

Особенностью крещено-татарской общности является отсутствие у нее сплошной территории проживания, что связано с историей образования групп крещеных татар. Выделяют пять говоров крещеных татар: заказанско-кряшенский, нижнекамско-кряшенский (Нижнего Прикамья), нагайбакско-кряшенский говоры среднего диалекта и нагорно-кряшенский (подберезинский), чистопольско-кряшенский говоры западного (мишарского) диалекта татарского языка.

По многолетним исследованиям Ф.С. Баязитовой выяснено, что крещеные татары Нижнего Прикамья являются переселенцами с территории центральных районов прежнего Казанского ханства (XVI–XVII вв.); и в нижнекамско-кряшенском говоре выделяются подговоры елабужских, челнинских, заинских и бакалинских кряшен [Баязитова, 1986: 194].

О происхождении крещеных татар Башкортостана (бакалинских кряшен) высказаны различные мнения: большинство ученых связывают их с заказанскими кряшенами (до крещения: татары Арской дороги Казанского уезда) [Ахметзянов, 1985: 65–66 и др.]. По всей вероятности, они после крещения были переселены для охраны новых границ Русского государства. По мнению некоторых исследователей, в их формировании предполагается участие татарских мурз, ногайцев и т.д. [подробно см.: Юсупов, 1979: 15; Исхаков, 1995: 4–18]. По указу от 1736 г. часть из них была определена «в службу казатскую...» [Материалы по истории России, 1900: 194]. Видимо, эта часть и была переселена в 1842 г. на новые рубежи Русского государства, т.е. в Верхнеуральский уезд для продолжения казачьей службы, и на ее основе начали формироваться носители говора нагайбакских кряшен в Зауралье [Рамазанова, 2008: 70]. «Обращение «иноверцев» в христианство происходило в Нагайбакской крепости, построенной в 1736 г. [ЦИА РБ, ф. 2, оп. 65, д.12]; однако известно, что селения крещеных татар существовали здесь уже с XVI в., и сами они считают, что предки их были крещены вскоре после взятия Казани Иваным Грозным [Баязитова, 1986: 35].

До крещения и некоторое время после него быт и культура татар-кряшен формировались в едином русле с бытом и культурой казанских татар. Однако это формирование в дореволюционный период происходило у кряшен в узких рамках, в некоторой степени изолированно от остальной части татарского народа. В результате

того, что старокрещенные татары в течение нескольких столетий после христианизации жили обособленно от основной группы татар, в их говорах сохранились древнетюркские формы на всех уровнях языка [Баязитова, 1986: 198].

По своему звуковому составу, характеру функционирования грамматических категорий частей речи и по лексическому (словарному) фонду бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора проявляет общность с татарским литературным языком.

В подговоре продолжают бытовать черты, присущие другим кряшенским говорам татарского языка, например, систематическое *ж*-оканье (что характерно для среднего диалекта татарского языка): *жал* – лит. йал, графич. ял ‘отдых’, *жуқ* – йуқ (юк) ‘нет’ и др.; систематическое сохранение этимологического [л], [к], [қ] в исконно татарских словах: *тупрақ* – лит. *туфрақ* ‘почва, земля’; *керпек* – керфек ‘ресница’, *жапрақ* – яфрақ ‘лист’, *қан* – хан, *қатын* ‘жена’ и др.; *ж*>*з*: *заный* – лит. жанный ‘милый’; *бозора* – божра ‘кольцо’ (ср.: так же и в отдельных подговорах закамско-кряшенского говора); спирализация увулярного [қ]: *хырау* – лит. кырау ‘заморозки’; выпадение [н] в позиции перед [л], [з], [з]: *туган* – тулган ‘наполнился’, *Мизэлә* – Минзэлә ‘Мензелинск’ и др.; сокращение среднеязычного [й] в окончаниях определенного будущего времени: *ашачақ* – лит. ашайачак, графич. ашаячак ‘будет кушать’, *бармачақ* – бармаячак ‘не пойдет’; вставка гласного звука внутри слова (*керегән* – лит. кергән ‘вошел’, *жәрөде* – йөрде ‘ходил’, *биренә* – бирнә ‘приданое’) и др.

Вместе с тем, он испытал влияние окружающего мензелинского говора: наличие [к] в конце определенной группы слов (*қысқақ* – лит. кыска ‘короткий’, *жуқақ* – юка ‘тонкий’, *дымық* – дымлы ‘влажный’, *менәтерәк* – менәтерә (в говорах) ‘вот’ и др.; характерно и для других татарских говоров, особенно, приуральских); форма на *-малы/-мәле*: *кәрмәле түгел* – лит. керерлек түгел ‘невозможно войти’; *суға жар буйлап бармалы* –... барасы ‘за водой нужно идти по берегу’; и др.

Аффикс *-малы/-мәле* со словом *түгел* или *булу* соответствует лит. *-арлық/-әрлек*, *-а алырлық/-ә алырлық булу* или *түгел*: *Ат белән дә бармалы төгөл, машина белән дә* ‘Невозможно ехать ни на лошади, ни на машине’.

У крещеных татар распространены русские собственные имена, принятые ими после христианизации. При освоении русских имен произошло приспособление их к татарскому произношению, т.е. они претерпели значительные фонетические изменения; в крымских говорах часто наблюдаются значительные сокращения и искажения имен: *Пилипп* – Филипп, *Атна* – Анастасия, *Әркей* – Аркадий и др. Одно и то же имя может произноситься по-разному: *Микай* – *Микайлә* – *Микуш* – *Миша* – *Микәй* – Михаил и др. К неполным именам собственным часто присоединяются следующие аффиксы: *-ау/-әү* (*Настау* – Настя), *-ый/-ей* (*Кирей* – Кирилл), *-ук/-үк* (*Ычтук* – Степан, *Татук* – Татьяна), *-уш/-үш* (*Баруш* – Варвара), *-уч/-үч*, *-ич* (*Пидуч* – Федосья, *Марич* – Мария), *-ка/-кә*, *-кай/-кәй* (*Саңка* – Саня, *Үркәй* – Ирина).

Указанные выше особенности личных имен наблюдаются и в других диалектах и говорах татарского языка, например, в нукратском и пермском говорах, в говорах мишарского диалекта, в диалектах сибирских татар. Но эти аффиксы у них присоединяются к татарско-мусульманским именам. Перечисленные аффиксы имен встречаются и в других тюркских языках [Баскаков, 1971: 96]. Исследователи отмечают большую типологическую общность имен крещеных татар с древними болгаро-татарскими именами [Юсупов, 1969: 110; Баязитова, 1986: 83].

Некоторые семьи из крещеных татар и чувашей, например, нас.п. Базгиево Шаранского района приняли мусульманскую религию. Имена людей у них татарские, но некоторые представители старшего поколения имеют по два имени, например: *Матвей* – *Дәүләтҗан*, *Наталҗа* – *Бикәч*, *Марфа* – *Гелҗимеш*, *Дәкәү* – *Кунақҗол*, *Марҗа* – *Мәрчән*, *Софья* – *Минүкә* и др.

Лексика бакалинского подговора совпадает с общетатарской лексикой. Наличие специфических диалектизмов обусловлено относительно изолированным развитием говора от остальных этнографических групп татарского народа (*кәтәчә чабу* ‘масленица’, *түнгәләк* ‘бант из ленты, прикрепляемый сзади к волосам’, *качмык* ‘полотенцеобразный платок’, *кылык тавык* ‘клуша’). В говоре выделяются слова, относящиеся к древнему пласту лексики. Это, например, своеобразные названия реалий, связанных с предметами быта, одеждой и украшениями: *калта* ‘оборка’, *сырга* ‘серги’, *кашбау* ‘головной убор’ и др.

Итак, в бакалинском подговоре нижнекамско-кряшенского говора среднего диалекта: 1) не наблюдаются особо отличительные лингвистические особенности от общенародного татарского языка. Например, соответствие $\kappa \sim x$ (*қатын* – лит. хатын) принято считать одной из древних особенностей татарского языка, которое имеется во многих говорах среднего диалекта и в диалекте сибирских татар. Основные диалектные особенности бакалинского говора, как и других крещеных татар, относятся к звуковым соответствиям, которые, в основном, не выходят за рамки известных в татарской диалектологии особенностей. Морфологический строй говора тоже близок к морфологическому строю татарского литературного языка. Как и в других диалектах татарского языка, грамматические особенности проявляются главным образом в области глагола (древняя форма инфинитива на *-мага/-магә*, причастия на *-малы/-мәле* и др.). Говор испытал сильное влияние мензелинского говора, что особенно заметно в области морфологии и лексики; 2) имеются и арабские, и персидские заимствования (*тигамбәр*, *кибла* и т.д.), так как до принятия христианской религии они прошли одинаковый исторический путь со всеми татарами; 3) в отличие от основной массы татар, сохранились некоторые древние обычаи, связанные с язычеством, древними представлениями, например: *шыйлык* ‘полевое моление’, *кырау куу* ‘изгнание заморозков’, *боламык* и др. (но в настоящее время они почти не соблюдаются); 4) в обрядовой и культовой терминологии довольно большое место занимают названия русско-христианского происхождения (*раштыва* ‘рождество’, *петрау* ‘петров день’ и др.); 5) под влиянием религиозных книг образовалась общая для всех крещеных татар религиозная лексика (*оло кән* – пасха, *изге ата* – святой отец и др.); 6) наличие русских личных имен (с фонетическими изменениями): *Матвей*, *Жермолай* – *Ермолай*, *Мекитә* и др.

Таким образом, несмотря на имеющиеся некоторые религиозно-культурные особенности, крещеные татары являются частью татарского народа с единым татарским языком и с единой территорией. Бакалинскому подговору нижнекамско-кряшенского говора характерны татарский фонематический состав, грамматика, общетатарский лексический фонд. В подговоре, как и в других говорах ареала, имеются ведущие особенности среднего диалекта татарского языка.

Тепекеевский говор (тепекэй сөйләше)

Тепекеевский говор функционирует в населенных пунктах, расположенных на обеих берегах реки Зиган Гафурийского и Ишимбайского районов Башкортостана: Кузяново (Көзән), Нижнеарметово (Түбәнге Әрмет), Верхнеарметово (Үрге Әрмет), Армет-рахимово (Әрмет-Рәхим), Ишимово (Ишим), Янурусово (Янурыс), Кияуково (Кыявык), Утяково (Үтәк), Тугай, Янгискаин (Ялгызкаен), Базиково (Бажык), Кутлугуза (Котлыгужа), Инзелга (Игенъелга), Алатана (Алатана) и др. Носители его считают себя татарами, тептярами (подробно о «тептярях» см. на стр. 31–34) или тепекеевцами, а свой язык – татарским, «намного отличающимся от языка башкир», проживающих вокруг них («башкортларның теле сапсим айырыла әле ул бедән»). Наименование связано с произношением вместо звонких [д], [б], [з] в определенных позициях их глухих пар, т.е. [т], [п], [к]. Например, *килте* – лит. килде ‘пришел’, *парам* – лит. барам ‘иду’, *урманқа* – урманга ‘в лес’ [Рамазанова, 1998: 20–43; Булатова, 2013: 41]. То есть тепекеевский говор (тепекэй сөйләше) получило название в связи с основной лингвистической особенностью – систематическим оглушением звонких согласных [д], [б], [г] в начале слова – (тэ, пэ, кэ).

Говор впервые изучен Д.Б. Рамазановой во время диалектологических экспедиций в 1973, 1986 гг. на основе «Программы...» для диалектологического Атласа [Рамазанова, 1988: 20–43; ТХС I: 357–372]. Также говор изучен М.Р. Булатовой во время исследования татарских говоров ареала «Юг Башкортостана» [Булатова, 2012 (б); 2013: 41–46 и др.]. В шеджере у некоторых жителей указываемых населенных пунктов прослеживается тесная, также и родственная связь местного духовенства с казанскими татарами. По легендам, бытующим среди населения, в заселении деревень Янгискаин, Алатана, Утяково участвовали выходцы из нагорной стороны Татарстана, Инзелга – из Мензелинского района, а в заселении деревень Янурусово, Кузяново – мишари [Рамазанова, 1988: 20–21; Булатова, 2013: 227–228].

По всей вероятности, в формировании тепекеевского говора основную роль сыграли самые давние переселенцы – поволжские татары. По документу от 1775 г. видно, что в дер. Кузяново вотчинниками были припущены ясачные татары Айсә Мусин, Кузян

Тойбарысов с товарищами 25-ю дворами с условием пользоваться всеми угодьями (кроме красного леса) и ежегодно платить «оброк по 25 копеек с двора...» [РГАДА, ф. 1324, оп. 1, ед. хр. 5766, л. 99]. В дальнейшем, в ходе Генерального межевания (1800–1805 гг.) эти припущенники были признаны равноправными совладельцами с вотчинниками. Как свидетельствуют архивные источники, рядом с этими тептярами в середине XVIII в. поселились и 8 душ мишарей, оформивших припускную запись в 1775 г. [там же, л. 99; Рамазанова, 1988: 20].

В целом тепекеевский говор – это один из тех говоров, который распространен в центральной полосе Башкортостана, и испытал на себе значительное влияние башкирского языка. Тогда как известные на западе Башкортостана говоры проявляют общность с башкирским языком в основном лишь на лексическом уровне, в тепекеевском говоре обнаруживаются общие с башкирским языком черты и на фонетическом уровне.

Фонетические особенности в области гласных и согласных сводятся, в основном, к следующего рода звуковым соответствиям, характерным для среднего диалекта татарского языка: *у~ы~и*: *былды* – лит. булды ‘был’, *мыйыл/муйыл* – шомырт ‘черемуха’, *пийау* – буяу ‘краска’; *ә~и*: *кәбән* – кибән ‘стог’; *и~ә*: *әлбиттә* – әлбәттә ‘конечно’; *о,ө~у,ү*: *йүткерү* – йөткерү ‘кашлять’, *йоқақ* – йука (юка) ‘тонкий’, *көзәтү* – күзәтү ‘наблюдать’; *о~а*: *тотош* – тоташ ‘непрерывно’; вставка гласных: *күреше* – күрше ‘сосед’, *үдесүдле* – үзсүзле ‘упрямый’ и др. [Булатова, 2013: 43].

Дифтонг *-өй* произносится как и в татарском литературном языке, т.е. в тепекеевском говоре монофтонгизация не наблюдается: *өй* ‘дом’, *көй* ‘мелодия’, *өйрәнү* ‘научиться’, *сөйәк* ‘кость’.

В аффиксах глаголов настоящего времени изъявительного наклонения и глаголов желательного наклонения, в местоимениях, а также в отрицательных формах деепричастия на *-ын/-ен* вместо лит. *-ый/-ий*) систематически произносится дифтонг *-ай/-эй* (что характерно для большинства говоров ареала): *қарай* – лит. карый ‘смотрит’, *сөйләймен* – сөйлимен ‘рассказываю’, *күрсәтәйем әле* ‘покажу-ка’, *антай* – андый ‘такой’, *нинтәй* – нинди ‘какой’ и т.п. Это же явление систематически прослеживается и в определенной

группе слов: *бэбэй* – лит. бэби ‘ребенок’, *тэпэй* – тэпи ‘ножка’, *йарай* – ярый ‘ладно’ и т.д.

Особенности в области согласных. Одной из характерных особенностей следует считать соответствие *n~б*, т.е. губно-губной звонкий согласный [б] в начальной позиции оглушается, причем это явление носит систематический характер: *пер* – лит. бер ‘один, раз’; *пabay* – бабай ‘дед’ и т.д. В ограниченной группе слов, наоборот, наблюдается систематическое озвончение глухого [п]: *бысы* – лит. пычки ‘пила’, *бысақ* – пычак ‘нож’, *бешеру* – пешеру ‘варить’ и *эс бошу* – эч пошу ‘скучать, хандрить’.

Оглушение шумных согласных – характерная особенность восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка [Тумашева, 1977: 53; Барсукова, 2002: 45; Булатова, 2015 (6): 196]. Языками с преобладающим начальным [п] в тюркских словах считают чувашский, хакасский, шорский и тувинский, а башкирский язык относят к числу последовательно сохраняющих начальное [б] [Дмитриев, 1948: 31].

Отклонения в употреблении *n~б* отмечены во многих говорах татарского языка, и связаны они с закономерностями общетюркского характера. Оглушение начального [б] и озвончение начального [п] в определенной группе слов характерно для западного (мишарского) диалекта и смежных с ним (или сформировавшихся при участии мишарей) говоров среднего диалекта (касимовского, бастанского, подберезинского, пермского, златоустовского, ичкинского) татарского языка. Например, в мишарском диалекте: *пытak/потак* ‘ветка’, *пот/пыт* ‘бедро’, *пет* ‘вошь’ и др.

В определенной группе слов наблюдается озвончение интервокального [к], [к]: *сигерткэ* – лит. чикерткэ ‘кузнечик’, *тегэлеп* – текэлеп ‘уставившись, вперив взгляд’. Эта особенность характерна и для сибирско-татарских диалектов татарского языка.

Употребление согласного звука [с] вместо переднеязычного [ч] литературного языка во всех позициях в слове: *саба* – лит. чаба ‘косит’, *сэнескэк* – чэнечке ‘шпы (шиповника и др.)’, *баргас* – баргач ‘когда пошел’ и т.д. Употребление [с] вместо общетюркского [ч] является характерной особенностью башкирского, чувашского языков. Однако такое явление, хотя и позиционно ограничено, имеется и в других говорах среднего диалекта татарского языка:

дубьязском, нурлатском, пермском и касимовском; систематично в златоустовском, курмантауском и учалинском говорах изучаемого ареала.

Переднеязычному щелевому [ж] литературного языка соответствует среднеязычный сонант [й]: *йан* – лит. жан ‘душа’, *йыма* – жомга ‘пятница’, что является характерной особенностью западного (мишарского) диалекта, встречается во многих говорах среднего и восточного (сибирско-татарских) диалектов татарского языка.

В интервокальной, иногда в начальной, позиции вместо лит. [ж] произносится палатализованный [ж']: *хуж'а* – лит. хужа ‘хозяин’, *иж'ат* – ижат ‘творчество’, *ж'айлы* – жайлы ‘удобный’ и т.д. Это явление, характерно для дубьязского, сафакульского, златоустовского, курмантауского, краснофимского, ичкинского говоров среднего диалекта; имеет место в башкирском, ногайском, казахском, каракалпакском языках.

Круглощелевому звонкому [з] татарского литературного языка во всех позициях систематически соответствует межзубный (интердентальный) [d]: *кыд* – лит. кыз ‘девочка’, *нигед* ‘фундамент’, *көндөд* – көндөз ‘днем’, *сед* – сез ‘вы’. Межзубный вариант звука [з] распространен в мензелинском, курмантауском, учалинском, сафакульском, мамадышском говорах среднего диалекта татарского языка.

Необходимо отметить и такие явления, как *ɣ~w*: *мал-тугар* – лит. мал-туар ‘скот’; *йанугыс* – йанавыч ‘брус’; *р~н*: *үткер* – үткен ‘острый’; *м~п*: *мышый* – поши ‘лось’. Выпадение согласных, например, выпадение сонорного [л], как и в крышенских говорах, в позиции перед [ɣ], [ɣ'], [ж]: *пуган* – лит. булган ‘был’, *пөгәжә* – бөгәлжә ‘колыбель (из коры)’ и т.д.

Специфику говора составляет систематическое употребление на стыке морфем или слов консонантных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный»: *нт* (*анта* – лит. анда ‘там’; *үрәнте* ‘научился’; *кинтер* ‘конопля’); *лт* (*қалтық* ‘остаток’, ‘остались’; *авылташ* ‘односельчанин’; *йыл та* – ел да ‘ежегодно’); *мт* (*минем тә* ‘и у меня’; *урамта* ‘на улице’); *ңт* (*үдемнең тә* – үземнең дә ‘и у меня тоже’); *рт* (*парты* – барды ‘ходил’; *қыртан* ‘из поля’); *ңқ* (*йаңкыд* – ялгыз ‘одинокий’, *маңқай* ‘лоб’); *мқ* (*йамқыр* – яңгыр ‘дождь’, *қомқан* ‘чайник’); *ңк* (*төңкө* ‘ночной’); *нқ* (*урынқа* ‘на место’) и т.п. Отдельные случаи употребления таких сочетаний

имеют место в восточных (сибирско-татарских) диалектах [Тумашева, 1977: 62; Булатова, 2015 (б): 196] и в татарском литературном языке (*юынтык* ‘помой’; *каралты* ‘постройки’; *көянтә* ‘коромысло’; *балкыш* ‘сияние’; *куркак* ‘трус’ и т.д.), так же и в других тюркских языках, в смежных башкирских говорах [Максютова, 1976: 104; Миржанова, 1979: 110], в уйгурском языке [Малов, 1951: 6]; явление активно бытовало в языке орхоно-енисейских письменных памятников V–VIII веков [Тенишев, 1973: 40–45].

В области грамматики своеобразие говора составляют: дательно-направительный падеж личных местоимений 1 и 2 лица (*мийә, сийә*; ср.: дубязском *миа, сия*; башкирском *миңә, һиңә*); 1 лицо ед.ч. будущего времени изъявительного наклонения (*пармасмын* – лит. бармам ‘не пойду’), инфинитив на *-уга/-үгә* (*эсүгә әйбәт* – лит. эчәргә әйбәт ‘хорошо пить’, *йөрөүгә қыйын* ‘ходить трудно’); так же и в восточных диалектах татарского языка.

Лексико-семантическая система говора включает в себя семантические (*сирәм* ‘двор’, лит. *чирәм* – ‘лужайка, травка’; *қырку* ‘пилить, резать’, лит. ‘стричь’), морфологические (*қыйа* – лит. кыйгач ‘наискосок’; *йагылмақлы* – ягымлы ‘любезный’; *тегемсе* – тегүче ‘швея’) и др. диалектизмы. Лексические диалектизмы относятся к различным областям: *таш йшләге* – лит. жир жиләге ‘земляника’, *бүкәй баш* ‘одуванчик’, *иләү* ‘муравейник’, *тақыя* ‘тюбетейка’ (в других татарских говорах – ‘шапка, женский головной убор’), *қысима* – кече жомга, *шылқы* ‘обряд вымаливания дождя’ и др. Как видим, в тепекеевском говоре татарского языка обнаруживаются древние слова и любопытные примеры местного словотворчества, что связано, прежде всего, с несколько изолированным формированием этого говора, в иноязычном окружении. Имеются архаичные явления, общие с говорами кряшен, мордвы-каратаев, сибирских татар. По всей вероятности, в формировании его носителей основную роль сыграли самые давние переселенцы из Поволжья. Говор испытал и испытывает сильное влияние башкирского языка.

Итак, татары вышесказанных населенных пунктов – носители тепекеевского говора среднего диалекта – имеют свои специфические особенности, но по своей фонематической системе, грамматическим показателям и лексике говор проявляет общность с татарским литературным языком.

Турбаслинский говор (турбаслы сөйләше)

Турбаслинский говор среднего диалекта татарского языка распространен в средней полосе Башкортостана: в Иглинском, частично и Нуриманском районах. Говор выявлен Р.Г. Ахметьяновым, который является носителем данного говора [Әхмәтҗанов, 1984: 138–146]; позже изучен и более подробно описан Ф.С. Баязитовой [ТХС I: 349–357] и М.Р. Булатовой [Булатова, 2013: 46–49, 82–188]. По словам Р.Г. Ахметьянова, Иглинскому району относятся 7 татарских деревень изучаемого говора: Турбаслы, Новый Юрмаш (Яңа Юрмаш), Бибахтино (Бибакты), Амитово (Әмит), Урунда (Орынды), Карамалы (Карамалы), Акбердино (Акбирде), которые входят в Турбаслинский сельсовет Иглинского района (сельсовет находился в дер. Турбаслы), с чем связано и наименование говора. Эти деревни всегда признавались только татарскими. Само слово *турбаслы* означает по марийски и чувашски ‘йомычкалы’ (чув. *турпас*, мар. *турпаш* ‘йомычка’) [Әхмәтҗанов, 1984: 139]. Этот говор характеризуется татарской системой согласных и гласных, т.е. ему присущи *ж*-оканье, употребление переднеязычных [ч], [с], [з] как и в татарском литературном языке.

Все это свидетельствует о ведущей роли представителей среднего диалекта в формировании его носителя. Вместе с тем, нельзя не отметить участие в этом процессе служивых мишарей, получивших наделы в окрестностях Уфы. В формировании этой группы приняли участие татары нагорной стороны Татарстана (в XVIII в.), татары-мишари [Әхмәтҗанов, 1984: 146; ТХС I: 349].

В говоре отдельных деревень Нуримановского, Иглинского районов наблюдаются случаи употребления [с] вместо [ч], [d] вместо [з], случаи *й*-оканья и др.

Специфику турбаслинского говора составляют: употребление сочетаний *ңз*, *ңг* вместо [ң] в интервокальной позиции: *миңгә* – лит. миңа ‘мне’, *йаңга* – яңа ‘новый’, *тиңге* – тине ‘равный ему’ (так же в дубязском говоре); *и~ый* в позиции после [к], если последующий слог оформлен с гласными заднего ряда (преимущественно в заимствованиях): *кыйна* – кино, *кыйтап* – китап ‘книга’ (так же и в стерлитамакском говоре); активность употребления [ч] вместо [с]: *кычкыч* ‘шипцы’, *бачкыч* ‘лестница’ (так же и в заказанских говорах) и др. Кроме того, в нем обнаруживаются все особенности,

общие для татарских говоров южной части Башкортостана [Булатова, 2013: 46–49].

По своей артикуляции и качественной характеристике гласные звуки говора не отличаются от их эквивалентов в татарском литературном языке. Отличия же, имеющиеся в говоре в области гласных, сводятся к различным звуковым соответствиям и другим фонетическим явлениям (как и в других говорах среднего диалекта, особенно изучаемого ареала): *ә~и*: *кәм* – лит. ким ‘меньше’, *кәбән* – кибән ‘стог’; *ә~а*: *Сәрман* – Сарман; *о~у*: *алабога* – алабуга ‘окунь’, *жәока* – йука (юка) ‘тонкий’; *ы~у*: *была* – була ‘будет’ и др. Вставка гласных: *Ыразыйа* – Разия, *эрәхмәт* – рәхмәт ‘спасибо’, *ифырат* – ифрат ‘очень, весьма’ и др.

Дифтонг *өй* произносится как и в татарском литературном языке, т.е. в этом говоре монофтонгизации не наблюдается: *көй* ‘мелодия’, *төй* ‘растолчи, молоти’, *сөйәм* ‘люблю’, *көйә* ‘моль’, *өйәнке* ‘ива’. Но в нижеследующих словах наблюдается монофтонгизация: *сүләү* – лит. сөйләү ‘рассказывать’, *сүрәү* – сөйрәү ‘волочить’, *үрәнү* – өйрәнү ‘научиться’. Как известно, монофтонгизация дифтонга *-өй* в *-ү* является характерной особенностью западного (мишарского) диалекта [Махмутова, 1978: 58; Булатова, 2018 (в): 135, 159, 177], наблюдается в барабинском диалекте сибирско-татарских диалектов [«Атлас...»: 90, 148; Тумашева, 1977: 189] и в некоторых говорах среднего диалекта татарского языка [см. карту № 22 «Атласа...»: 90, 148].

Согласные. Во всех позициях в слове, как и в литературном языке, употребляется [ч] (в отличие от курмантауского, учалинского, тепекеевского говоров): *чәй* ‘чай’, *чиләк* ‘ведро’ и др. [Булатова, 2013: 48; 2014: 21].

Начальному [й] литературного языка соответствует [ж] (один из характерных явлений среднего диалекта татарского языка): *жәөн* – лит. йон ‘шерсть’, *жәөнчеш* – йончу ‘утомляться’, *жақын* – йақын, графич. яқын ‘близко’, *жазу* – йазу, графич. язү ‘написать’, *жүкә* – йүкә ‘липа’.

Другие соответствия: *з~ж/й*: *кәзә* – лит. кәжә ‘коза’, *зиярға* – жийарға ‘собирать’, *зәз көне* – йаз көне ‘весной’; *б~в*: *чобалу* – чувалу ‘путаться’, *жәбану* – йувану ‘утешаться’; *м~б*: *чымылдық* – чыбылдык ‘полог’, *мөрө* – бөрө ‘почка’, *майтақ* – байтак ‘довольно много’; *н~л*: *жәндоз* – йолдыз ‘звезда’; *т~к*: *чит-*

ләшек – чикләшек ‘орех’; *д~т*: *дугару* – тугару ‘распрягать’; *ф~п*: *фәрдә* – пәрдә ‘занавеска, штора’, *фәри* – пәри ‘черт’ и т.д.

Вставка согласных: [*т*]: *чыбыртқы* – лит. чыбырки ‘кнут’, *йомортқа* – йомырка ‘яйцо’; [*л*]: *тәгәрләү* – тәгәрәү ‘покатиться’ и т.д.

Морфологические особенности. В аффиксах глаголов настоящего времени изъявительного наклонения и глаголов желательного наклонения, в местоимениях, как и в некоторых других говорах среднего диалекта, вместо тат. лит. *-ый/-у(й)* систематически произносится дифтонг *-ай/-эй*: *жарамай* – лит. йарамый, графич. ярамый ‘нельзя’, *әйтәйем* – эйтим ‘скажу-ка’, *мондай* – мондый ‘такой’ и др.; систематически прослеживается и в определенной группе слов: *черкэй* – лит. черки ‘комар’, *песэй* – песи ‘кошка’ и т.д.

Употребление инфинитива на *-ырга итә*, *-ырга әйтә* (лит. -ырга тели, -макчы була). *Қаз өйгә керергә итә* (кормәкче була), *йаңгыр йаварга әйтә* (яварга тора). Это явление характерно и для курмантауского говора.

Своеобразие говора проявляется в активном употреблении аналитических форм настоящего времени на *-п жата* (*қайтып жата* ‘возвращается’, *жәгәрәп жаталар*, *уқып жаталар* (балалар) *классларында*).

Большинство диалектной лексики турбаслинского говора состоит из общетатарских слов и корней, имеются и русские, арабо-персидские и финно-угорские заимствования.

Характерные для говора термины родства: *абыстай* ‘сестра’ (т.е. как у мишарей), *әтәй* ‘отец, папа’, *инәй/инәкәй/инәки* ‘мама, мать’, *қартатай* ‘дедушка’, *қартинәй* ‘бабушка’, *нәнәй* ‘мать матери’, *жәнагай* ‘младший брат мужа’ и др.

Названия животных и растений: *иңкеш* ‘дикая пчела’; *әтекә* ‘мелкие рыбы’, *эрәшмән* – лит. үрмәкүч ‘паук’; *қырлы курай* – ирен яргыч, ирен чабырткыч; *бүтәкә* – көзге бәрән ‘козлёнок, ягнёнок осеннего скота’, *байеткә* ‘форма обращения другу, мужскому полу’ и др.

Другие: *күчәт* ‘рассада’; *нақыс* – житенкерәми, таррак ‘узкий, тесный’; *сәвәтле* – гыйлемле ‘образованный’; *ынишырт* ‘курку зэхмәте’; *чүкели* – юньсез ‘бестолковый’; *чөйләнү* – мактаганга азыну; *шәмәй* – сага ‘бита, боек – в игре в бабки’; *сырга* – алка ‘серьги’; *сақалтай* – тәңкә ‘монета’; *башай* – оекбаш ‘шерстяные носки’ и др.

По своей фонематической системе, показателям всех грамматических категорий и лексическому составу турбаслинский говор среднего диалекта незначительно отличается от литературного языка. В нем обнаруживаются все особенности, общие для приуральских татарских говоров.

Курмантауский говор (кормантау сөйләше)

В Гафурийском районе, который находится в центральной части Башкортостана, проживает довольно большая группа татарского населения. В ходе экспедиции 2011–2015 гг. М.Р. Булатовой впервые был исследован говор татарских населенных пунктов Абдуллино (Абдулла/Таштамак), Бурлы, Зилим-Караново (Жилем-Каран), Новые Бурлы (Яңа Бурлы), Курмантау (Кормантау), Кызыл-Яр, расположенных в с е в е р н о й части района, собран значительный материал по этнографии, записаны легенды о заселении края, использованы архивные материалы [Булатова, 2012 (в): 35–45; 2013; 2016; 2018: 304–308; 2019: 264–273].

Анализ собранного языкового материала показал, что говор с е в е р н о й части Гафурийского района, имеет своеобразную систему диалектных особенностей, несколько отличающуюся от систем особенностей тепекеевского говора (распространенного уже на южной части названного района) (см.: Приложение № 2: Сравнит. табл. на стр. 113–114), что позволяет рассматривать говор северной части района как отдельный самостоятельный курмантауский говор среднего диалекта татарского языка (от названия деревни Курмантау и расположенной рядом горы Курмантау). В говоре жителей вышеуказанных деревень отсутствуют соответствия $m \sim d$, $n \sim b$, $k \sim g$ и др. особенности, составляющие ведущие черты тепекеевского говора.

Из истории деревень, например, села Курмантау известно, что «вдоль берега Агидель в 1737–1738 гг. мишари основали деревню Курмантау (*Кормантау*). Чуть позже осели здесь и тептяри (тептяри-татары) и ясачные татары. В первой половине XIX в. мишари относились к 4 (а по А.З. Асфандиярову – к 3) юрте 2-го мишарского кантона, а тептяри – ко 2-й команде» [Асфандияров, 2009; ЦИА РБ: Ревизские сказки, д. 528; Булатова, 2016: 46]. Но в ходе дальнейших исследований выявлено, что татары здесь заселились

гораздо раньше. По I ревизии (переписи), проведенной в 1722 г., дер. Курмантау зафиксировано этносословные группы татар: служилые мещераки (татары-мишари) – 8 дворов (14 душ мужского пола); ясачные татары – 11 дворов (20 душ муж. п.) [РГАДА, ф. 350, д. 3790, д. 178, л. 158, 74, 375–376; Татары Уфимского уезда, 2020: 29, 39, 183]. Далее ясачные татары относились к сословию тептяри. Например, в 7 ревизии, проведенной в 1816г., в деревне 244 жителей: 101 мишарей, 143 тептярей [ЦИА РБ: Ревизские сказки, д. 310, 308]. Деревню основали переселенцы из Заказанья.

По легендам, бытующим среди населения, в заселении деревень носителей курмантауского говора участвовали татары, выходцы из Поволжья. Причем переселение происходило неоднократно, слоями. Так, по словам жителей села Бурлы, например, Якупова Миннихмета (1926 г.р.), они (их деды) несколькими семьями переселились в село Бурлы из Казанской стороны (Казанской губернии). До сих пор одна из улиц села носит название «Казанская» («Казан урамы»). В дальнейшем, жители улицы «Казанская» переселились и в нескольких километрах образовали деревню Новые Бурлы (из уст Фахретдинова Исмагила, 1920 г.р., нас.п. Новые Бурлы, и по другим источникам). Например, дер. Кызыл Яр основана татарами из Каргалинской слободы Оренбургской губернии, которые были переселены туда из Казанской губернии. Жители исследуемых деревень утверждают, что их предки вышли из Казанской стороны (территории Татарстана), и язык у них – татарский [Булатова, 2013: 57–60; 2016: 288–296; 2018: 305–306].

Здесь же отметим, что между этими населенными пунктами, входящими в курмантауский говор, находится **«Географический центр республики Башкортостан»**¹ – равноудаленная точка от всех границ Башкортостана, **середина республики**, находящаяся на севере Гафурийского района, между реками Белая (Агыйдел) и Зилим, около нас.п. Зириково, то есть северо-восточнее нас.п. Курмантау, Бурлы и юго-западнее нас.п. Зилим-Караново, Кызыл Яр и др.; недалеко от границ с Архангельским и Кармаскалинским районами Башкортостана [Булатова, 2013: 57; 2016: 350].

¹ «Географический центр республики Башкортостан» находится в 67,5 километрах от г.Уфы. Эту точку вычислили сотрудники БГУ в 2002 г. На этом месте в 2009 г. установлена памятная стела.

По фонетической системе, составу и характеру функционирования грамматических категорий частей речи, лексическому фонду курмантауский говор проявляет общность с татарским литературным языком, вместе с тем, обнаруживаются и отличительные моменты, которые встречаются в говорах среднего и в западного (мишарского) диалекта. Отличия же, имеющиеся в области гласных, сводятся к различным звуковым соответствиям и другим фонетическим явлениям (*ə~и*: *кәштә* – лит. киштә ‘полка’; *у/ү~о/ө*: *тукмас* – лит. токмач ‘лапша’, *күдрә* – бөдрә ‘кудри’; *о/ө~у/ү*: *олай* – улый ‘воет’, *қарақосқол* – кара-кучкыл ‘черный, темный’, *шөрләү* – шүрләү ‘струсить’; *а, ә~ы, е*: *қатырқа* – катыргы ‘картон’, *сүбәк* – чүбек ‘охлопок’ и т.д).

Соответствие *ы~а, е(ә)~ə* в глагольных окончаниях и в некоторых словах: *аныра* – лит. апара ‘месиво, пойло – для скота’, *табыр* – табар ‘найдет’, *үтер* – үтәр ‘пройдет’. Оно отмечено как в говорах среднего, так и западного (мишарского) диалектов, распространено в ряде тюркских языков (кумыкском, тувинском, ногайском, башкирском, ойротском), зафиксировано и в памятниках древнетюркской письменности [Батманов, 1959: 178].

Наблюдается употребление передних гласных вместо задних и, наоборот, задних – вместо передних (явление, которое обнаруживается в различных примерах во всех говорах татарского языка): *йәбешү* – лит. йабышу ‘липнуть’, *қыйағаз* (ср.: т.е. так же, как и в заказанских говорах) – графич. кәғазь ‘бумага’.

При стечении двух согласных наблюдается вставка гласных: 1) в заимствованиях (*шифыр* – шифр, *қырлыһса* – крыса (лит. күсе); 2) в различных других словах тюркского происхождения (*тилегән/төйлегән* – тилгән ‘коршун’, *асырау* – асрау ‘держат, разводит (скот)’); 3) в конце некоторых глаголов 2 лица ед.числа повелительного наклонения (*этә* – лит. эт ‘толкай’; *йөре* – йөр ‘ходи’) и т.д.

Дифтонги. 1. В аффиксах глаголов настоящего времени изъявительного наклонения и глаголов желательного наклонения, а также в отрицательных формах деепричастия на *-ып/-ен* вм. тат. лит. *-ый/-ий*) систематически произносится дифтонг *-ай/-эй*: *сайлай* – лит. сайлый ‘выбирает’, *эшләйег әле* – эшлик әле ‘сделаем-ка’, *эшләмәйенсә* – эшләмичә ‘не работая’. Данное явление активно выступает в ряде говоров среднего диалекта, в восточных

(сибирско-татарских) диалектах, бытовало в татарском письменном литературном языке вплоть до XX в., связано с фонетическими закономерностями общетюркского характера и вполне справедливо определено как исторически общее явление для татарского и башкирского языков. Следует подчеркнуть, что дифтонг *-ай/-эй* наблюдается и в других тюркских языках, например, в ногайском, каракалпакском, кумыкском, карачаевском. Широкий вариант бытовал в памятниках старотатарской и древнетюркской письменностей.

2. Дифтонг *-өй* произносится как и в татарском литературном языке: *өй* ‘дом’, *көй* ‘мелодия’, *өйләнү* ‘жениться’, *сөйкемле* ‘привлекательный’, *көйәнтә* ‘коромысло’ и т.д. Зафиксированы случаи монофтонгизации дифтонга *-өй* в *-э* и *-өй* в *-у* в словах: *кәмә* – лит. *көймә* ‘лодка’, *сүли/сөйли* – сөйли ‘говорить’.

В курмантауском говоре отличительными специфическими особенностями в области согласных являются соответствия *с~ч*, *д~з*, *ж'~жс*, *й~жс*:

Систематическое употребление согласного звука [с] вместо согласного [ч] литературного языка во всех позициях в слове: *сәй* – лит. чәй ‘чай’, *әсе* – эче ‘кислый’, *беренсе* – беренче ‘первый’, *жыйгач* – жыйгач ‘собрав’ и др. Соответствие *с~ч* имеется в дубьязском, нурлатском, пермском, касимовском, красноуфимском, сафакульском говорах среднего диалекта и подберезинском говоре западного (мишарского) диалекта. В западном диалекте употребляется в определенной группе слов. По характеру этой особенности исследуемый говор проявляет наибольшую общность с тепекеевским, учалинским, златоустовским говорами исследуемого ареала. В башкирском языке она является специфической особенностью, свойственна также чувашскому, якутскому, хакасскому языкам.

Спорадическое употребление интердентального [d] вместо литературного [з]: *дур/зур* – лит. зур ‘большой’, *қыдықай/қызықай* – лит. кыз ‘девочка’, *әдерләү* – эзерләү ‘готовить’. Диалектологи Л. Залая, А.Ш. Афлетунов и Д.Б. Рамазанова указывали, что [d] отличается от башкирского [з] преобладанием смычного элемента. Соответствие *д~з* распространен также в тепекеевском, учалинском, мензелинском, сафакульском, мамадышском, нагорных говорах среднего диалекта татарского языка; имеет место и в туркменском языке.

Переднеязычному щелевому [жс] спорадически соответствует среднеязычный сонант [й]: *йылы* – лит. жылы ‘тепло’, *мөрйә* – моржа ‘труба’, *йауап* – жавап ‘ответ’. Эта особенность отмечено также в учалинском, златоустовском, тепекеевском, байкибашевском говорах; а в белебеевском, стерлитамакском – спорадически, т.е. параллельно употребляются [жс] и [й]. Соответствие *й~жс* является характерной чертой западного (мишарского) диалекта. Активно выступает в нукратском, ичкинском говорах среднего диалекта, в восточных (сибирско-татарских) диалектах татарского языка; является традиционной формой старотатарского письменного литературного языка. В произведениях татарских писателей XIX – начала XX вв. было параллельное употребление в позиции начала слова *й* и *жс* (*йир/жир* – жир ‘земля’, *йиденче* – жиденче ‘седьмой’).

В начальной и интервокальной, изредко и в конечной позициях вместо [жс] произносится палатализованный [жс]: *ж'ай* – лит. жай гына ‘медленно’, *ж'иде* – жиде ‘семь’, *хуж'а* – хужа ‘хозяин’, *хаж* – хаж ‘хадж’ и др. Это явление характерно для сафакульского, дубьязского (в середине слова), учалинского (в середине и конце слова), тепекеевского, златоустовского, ичкинского говоров среднего диалекта; имеет место в башкирском, ногайском, казахском, каракалпакском языках. Мы считаем, что употребление [жс] в начальной позиции связано со стремлением говорящего соблюдать норму татарского литературного языка.

В некоторых словах случаи вставок: [с] в конце слова (*кыныс* ‘ушко и верхний край ведра’ < *кын* + афф. (*ы*)с, *йалтыс* < лит. ялпы ‘выделенный участок в поле для посадки картошки’, *тотқас* – тотка ‘ручка, держатель’); [х] в первом слоге (*хәстерү* – лит. өстерү ‘науськивать’, *охшай/оқшай* – ошый ‘нравиться’); [й] в середине слова (*мүкәйләү* – лит. мүкәләү ‘ходить на четвереньках, ползти’; *сыйган* – чегән ‘цыган’); также характерно такие особенности, как смягчение [ш] (*ш'әл* – шәл ‘шаль’, *аш'ыгу* – ашыгу ‘торопиться»); соответствие *ә~а* в названиях личных имен, например: *Рәмил*, *Рәдис*, *Рәфис* и т.д. (что характерно для всех говоров Башкортостана) (в Татарстане – Рамил, Радис, Рафис); и, наоборот, в женских именах звучит как *Алийа* – лит. А°лийә, *Алина* – А°линә/Әлинә, *Асийа* – А°сийә и др.; в заимствованиях последний слог произносится в твердом варианте (*гимназийа/гимназыйа* –

лит. гимназийэ < гимназия, *ривалутсыйа* – революцийэ < революция и т.д.) и др.

Специфические особенности в области морфологии: употребление широкого спектра значений аффикса *-қай/-кэй*, который начинается с ласкательности и завершается словообразовательной функцией (характерно и для других татарских говоров Башкортостана): *хатынқай* – лит. хатын-кыз ‘женщина’, *әнкэй* ‘мамуля’, *нәмәкэй* – нәрсә ‘что’, *жылықай* ‘теплый’, *сәпәкэй итү* ‘аплодировать’ и др. [Булатова, 2012: 207–210]; форма отрицательного аспекта будущего времени в 1 л. ед.ч. *-масмын* – лит. -мам(ын) (*бармасмын* – лит. бармам(ын); наречия типа *безнеңчә, сезнеңчә* лит. языка употребляются в форме *безнекенсә* ‘по-нашему’, *сезнекенсә* ‘по-вашему’; 2 л. мн.ч. настоящего, а также прошедшего результативного и будущего времен изъявительного наклонения оформляются с помощью сложного аффикса *-сыгыз/-сегез; -сыгид/-сегед* вм. лит. *-сыз/-сез* (*йөрисегез* ‘ходите’); наречий *беркилке* – лит. бервакытны ‘однажды’, *азақ/адақ* – аннары ‘потом, затем’, *күзәмәли/күзәмәле* – лит. күрәләтә торып, күзгә карап ‘на глазах, на виду у всех’; и др. [Булатова, 2016: 285].

В ходе формирования курмантауского говора среднего диалекта татарского языка сложилась и характерная для него лексико-семантическая система. Основу его составляют общетатарские слова. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного (мишарского) диалектов, также обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка. Например, лексема *пыйма* (крмн.) – лит. киез итек ‘валенки’ употребляется и в других татарских говорах Башкортостана (менз., бирск., злт., стрл. *пыйма/пима*; трбс., тпк. *пима*), Оренбуржья, Челябинска и Сибири (тевр., тар., тюм. *пыйма/пима*, эушт., бараб. диал. *пима*) [ТТЗДС: 546]. Ср.: в башкирском языке – *быйма*. Общепринято мнение о том, что данное слово заимствовано из финно-угорских языков: удмуртск. *пим/пими* ‘пимы (моховые сапоги)’; коми. *pim/piti* ‘сапоги с высокими голенищами из оленей шкуры’, *pīwa* ‘сапог’; нганасан. *faəti* ‘зимний сапог’; коми-перм. *пими* ‘пимы (войлочная обувь в виде глубоких галош)’ [Насипов, 2009: 165; 2010; Ахметьянов, 2015 (II): 110].

Однако говор характеризуется большим количеством специфичных диалектизмов: *көмәгәй* – лит. аңкау ‘нёбо’; *сөрхет* ‘худой высокий человек’; *сыйқыт* ‘худой’; *саңнау* ‘водопой стада’; *тарават* ‘щедрый человек’; *қоно* – бирән ‘обжора’; *бүсмәт* ‘медлительный; толстый’; *қайау* ‘жало пчелы’; *шылғайақ* ‘хитрец, ловкач’; *хөрәйрә* ‘высокомерный, вольный’; *бәс* ‘коричневый’, ‘иней, изморозь’; *кәшәнәк* – касә яфракчыгы ‘чашелистик’; *чиқалай* – мүкләгеч ‘конопатка’; *башантай* – йон оекбаш ‘шерстяные носки’; *сызгыртма* – сыбызгы ‘свисток’; *ужау* – аш чүмече ‘половник’; *кәлкүн* – таган ‘качели’ и др. [Булатова, 2016: 286–287].

Таким образом, по архивным данным и собранным материалам следует, что в формировании группы курмантауских деревень основная роль принадлежала представителям среднего и западного (мишарского) диалектов татарского языка. На исследуемых землях в разные годы (в основном в нач. XVIII в.) обосновывались татары из Казанской губернии. Курмантаускому говору характерен татарский фонематический состав, грамматика, общетатарский лексический фонд. По составу языковых особенностей данный говор стоит между белебеевским подговором мензелинского говора и златоустовским говором среднего диалекта татарского языка; имеются ведущие особенности среднего диалекта, (также выделяются особенности, характерные для мишарского диалекта) и черты, общие для всех татарских говоров Башкортостана.

Златоустовский говор (златоуст сөйләше)

Златоустовский говор среднего диалекта татарского языка распространен в северо-восточных районах Башкортостана (Белокайтском, Дуванском, Кигинском, Мечетлинском и Салаватском районах). Территория распространения прежде входила в Златоустовский уезд, с чем связано и наименование говора. Говор впервые описан Т.Х. Хайрутдиновой [Хайрутдинова, 1985; ТХС I: 315–335], позже изучен также Д.З. Махмутшиной [Махмутшина, 2004]. Еще в XVII в. здесь существовали населенные пункты, заселенные татарами. Большинство же деревень региона возникло в результате переселения пермских татар, а также вторичного переселения сюда *ц*-окающих мишарей, носителей байкибашевского говора, и казанских татар из южных и юго-западных регионов Башкортостана.

Представители говора сохраняют четкое татарское самосознание. Татарские деревни расположены по соседству с башкирскими деревнями. Языковые данные говорят о том, что решающая роль в формировании говора принадлежала представителям среднего диалекта, в то же время выделяются особенности, общие с западным (мишарским) диалектом. Тесная связь носителей говора с башкирским населением региона также оставила свой определенный след в их говоре.

Систему фонетических особенностей говора, общих со средним диалектом татарского языка, характеризует ряд соответствий, имеющих в ограниченных группах слов: *ә~е~и*: *сике* – лит. сәке ‘нары’, *дегәнәк* – тигәнәк ‘репейник’; *а, ә~ы, е*: *қайа* – кыя ‘скала’, употребление передних гласных вместо гласных заднего ряда и наоборот: *бәрсә* – лит. борча ‘блоха’ и др. Особенности имеются и в консонантизме. Соответствия: *б~м*: *миндек* (заказанск. *миллек*) ‘веник’; *тарбақлы* – тармаклы ‘ветвистый’; *н~м*: *күнгес* – күмгеч ‘мотыга’, *йунысқа* – йомычка ‘стружка’; и др. Говору присущи также и явления ассимиляции, вставки, метатезы и т.д.

В говоре златоустовских татар имеются в основном те же согласные звуки, что и в литературном языке. Исключение составляют лишь согласные [ч], [ж], которые в говоре совершенно отсутствуют, и как раз этот признак позволяет выделить данный говор среди других татарских говоров Башкортостана. Переднеязычному [ч] татарского языка во всех позициях в слове здесь соответствует [с]: *сабата* – лит. чабата ‘лапоть’, *сискә* – чэчәк ‘цветок’ и т.п. Соответствие *с~ч* имеет место в отдельных говорах среднего диалекта. Однако в них *с~ч* отмечено в определенной позиции. Например, в дубязском говоре оно наблюдается в середине и конце слов, в касимовском говоре употребляется как система в конце слов и слогов.

Употребление [с] вместо лит. [ч] связано, видимо, прежде всего с *ц*-окающим характером мишарского компонента, сыгравшего значительную роль в формировании данного говора.

Говор златоустовских татар, как и говоры западного (мишарского), а также восточного (сибирско-татарских) диалектов татарского языка, является *й*-окающим. В начале и середине слов лит. [ж] соответствует [й] (*Йәмилә* – лит. Жәмилә). Лишь в определенных словах в середине и конце слов систематически употребляется

палатализованный [ж]. К таким относятся слова: *баж'а* – лит. бажа ‘своjak’, *киж'е* – кижe ‘хлопчатобумажная пряжа’; *хуж'а* – хужа ‘хозяин’, *гәж'әп* – гажәп ‘удивительный’, *таж'* – таж ‘венoк’ и др.

Употребление переднеязычного шипящего [ж] характерно для дубьязского, ичкинского, курмантауского, сафакульского, тепекеевского, учалинского говоров среднего диалекта. Данное явление имеет место в башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском языках. Однако эта особенность говора Т.Х. Хайрутдиновой рассматривается как результат влияния башкирских говоров, непосредственно контактирующих с говором [Хайрутдинова, 1985: 30–31].

Одной из специфических морфологических особенностей говора является употребление афф. 2 л. ед.ч. настоящего времени изъявительного наклонения в сокращенном варианте: *бараң* – лит. барасың ‘идешь’, *йәшиң* – йәшисең ‘живешь’ и т.п. Аналогично в учалинском говоре, ташкирменском подговоре заказанско-кряшенского говора среднего диалекта, также в зауральских татарских говорах и сибирских татар [Баязитова, 1986; Бурганова, 1985; Юсупов, 1979: 87; Юлдашев, 1953: 338; Тумашева, 1977; Булатова, 2015 (б): 197], в смежных башкирских говорах и хакасском, алтайском языках. В говоре глаголы повелительного наклонения во 2 лице мн. числа тоже образуются при помощи аффикса *-ң, -ың/-ең*: *Қызлар, ашаң, ашаң* (лит. ашагыз) ‘Ешьте, ешьте, девушки’. *Бер тустақ сәй белән утырмаң* (утырмагыз) ‘Не сидите уж с одной чашкой чая’. Наличиeм этой особенности говор проявляет сходство с говором пермских татар, янаульским подговором мензелинского, бирским, учалинским, ичкинским говорами среднего диалекта и байкибашевским говором западного (мишарского) диалекта; характерна она и для говоров восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка. Зафиксирована в древних письменных памятниках татарского языка, употребляется в ряде других современных тюркских языков.

Личные местоимения в пространственных падежах принимают двойные аффиксы: *миңәргә/мийәргә* ‘мне’, *миңәрдән* ‘от меня’, *миңәрдә* ‘у меня’ и т.п. Эти особенности объединяют говор златоустовских татар с бирским говором среднего диалекта, также и с татарскими говорами ареала «Юг Башкортостана» [Булатова, 2013: 105; 2016: 114].

Имя прилагательное в говоре, образуется более активно, чем в лит. языке, от некоторых имен действия на *-қы/-ке* путем присоединения афф. *-сыз/-сез*, которое соответствует прилагательному *-лык/-лек* со значением отрицания: *туйгысыз* – лит. туймаслык, *күтәргесез* – күтәрмәслек и т.д.

Иногда форма на *-мастан/-мәстән* выступает в златоустовском говоре в значении отрицательной формы деепричастия на *-п* и соответствует форме *-мый, -мыйча* лит. языка: *Берней белмәстән* (белми, белмичә) *килгәннәр* ‘Они приехали, ничего не зная’.

Инфинитивная форма на *-мақ/-мәк*, бытовавшая в татарском литературном языке вплоть до начала XX века, сохранилась в говоре в сочетании со словом *кирәк* ‘надо, нужно’: *Абитка қәдәр нисек түзмәк кирәк?* ‘Как вытерпеть до обеда?’ Форма *-мак/-мәк* в настоящее время сохранилась и в некоторых других татарских говорах. Зафиксирована в стерлитамакском, байкибашевском, учалинском, курмантауском, тепекеевском, белебеевском, параньгинском, тевризском, реже нагорных, камышлинском говорах, несколько активно выступает в мензелинском говоре. Бытует во многих тюркских языках, особенно в языках огузской группы.

Своеобразие златоустовского говора проявляется также в активном употреблении аналитических форм настоящего времени на *-п утыра* (*йәйәүләп килеп утыра* ‘идет пешком’), *-п йата* (*қайтып йата* ‘возвращается’), *-а торған* (*иртүк китә, кис қайта торған* ‘обычно уходит рано утром и возвращается поздно’). Изоглоссы этих форм в единичных примерах начинаются с заказанских (ср.: *Әйбәт кенә эшләп жәтабыз* ‘работаем хорошо’), других приуральских говоров, и продолжают в зауральских, сибирских говорах татарского языка. Эти формы имеются во многих тюркских языках. Для говора характерны частицы утверждения *қый/қуй* ‘ведь’; сомнения *шай, баса* ‘кажется’ и т.д.

Специфику его составляет также и значительное число диалектных лексем: *йаңақ* ‘грецкий орех’, *терке* ‘молодая сосна’, *мунтас* ‘неприветливый’, *әрлүс* ‘качели’ и др. Выделяются диалектизмы, характерные для среднего (*алтамыш* ‘человек-великан’, *мөгөш* ‘угол’), мишарского (*тирес* ‘упрямый’, *кәркеш* ‘оборка лаптей’) диалектов, пермского говора (*ирмәк* ‘забавно’; и др.), для башкирского языка (*қоралай* ‘косуля’, *ақсырдақ* ‘чайка’ и т.д.) и др.

Особо следует отметить наличие в говоре явлений, общих с западным (мишарским) диалектом. Они проявляются и в области фонетики: й-оканье, монофтонгизация дифтонга *өй* в позиции перед согласными: *түмә* – лит. тәймә ‘пуговица’ и т.п.; оглушение [б] перед глухим [т]: *пот* – бот ‘бедро’, *потақ* – ботақ ‘ветка’ (так же и в *ц*-окающих говорах мишарского диалекта); озвончение интервокального [к] в определенной группе слов: *йага* – яка ‘воротник’, *тыгрық* – тыкрық ‘переулок’ и т.д.

Тем самым, златоустовский говор имеет сложную систему диалектных черт, что связано с особенностями формирования носителей, в котором принимали участие представители среднего и западного (мишарского) диалектов татарского языка, носители пермского говора и др. Говору характерны татарский фонематический состав, грамматика, общетатарский лексический фонд; и общие явления, употребляющиеся в приуральских татарских говорах.

Учалинский говор (учалы сөйләше)

Жители учалинского говора среднего диалекта татарского языка проживают в Учалинском районе (в населенных пунктах Танычау, Кидыш, Ахуново, Урал, Учалы, Уразова и др.). Деревни эти расположены в 3–10 км одна от другой. Численность татар в данном районе в 2010 г. – 11543 чел. [Регионы компактного проживания татар в РФ, 2016: 170]. Ученые указывают, что учалинские татары раньше назывались в значении сословия «тептяр». Первые информации о тептярах прослеживаются в работах Г.Н. Ахмарова, И.Г. Георги, Г.Ф. Миллера, П. Небольсина, Е.С. Филимонова и др. (подробно о «тептярях» см. главу I, стр. 31–34). Говор исследован А.А. Юлдашевым [Юлдашев, 1950; 1953: 329–342], имеются и материалы Ф.С. Баязитовой 1978 г. (особенно по нас.п. Ахуново) [МТД VIII: 111–113; ТХС I: 372–382], Д.З. Махмутшиной [Махмутшина, 2004] и М.Р. Булатовой [Булатова, 2013: 49–55, 82–188].

Лингвисты подчеркивают общность у тептярей-татар и казанских татар не только в языке, но и в образе жизни, материальной и духовной культуре. Однако взаимный контакт с башкирами в течение столь длительного времени наложил свой отпечаток: в их говоре имеются некоторые общие с башкирским языком особенности, в основном в области лексики, частично – грамматики и фонетики.

Учалинские тептяри считают себя татарами. Например, о том, что, деревня Ахуново никогда не являлась башкирским, пишет и М.И. Ахметзянов [Әхмәтжанов, 2004: 4–7; 2009: 230].

Из истории деревень, например, села Ахуново известно, что оно основано в 1780 году мишарским служилым населением, прибывшим на территорию Кара-Табынской волости из деревни Муслимово Исетской провинции Челябинского уезда [Султанов, 1905: 12]. В этой деревне на протяжении более 200 лет из поколения в поколение передается богатое духовно-материальное наследие предков. В Историко-краеведческом музее ахуновцев имеется книга Вали Султанова «Ахун авылы тарихы». В нем сказано, что «предки основателя деревни Ахун – Абдуллы Даушева ранее проживали в Темниковском княжестве» [Султанов, 1905: 13]. На этой территории распространена *ч*-окающая группа западного (мишарского) диалекта. В другой книге В.Султанова записано, что «в начале XIX в. в деревню Ахун бабая прибывают около 30 семей татар из Казанской губернии. В 1920 г. в 725 дворах насчитывается 4087 мишарей и татар» [Султанов, 1910: 16]. Можно предположить, что вновь прибывшее население распространило *ч*-окающую группу западного (мишарского) диалекта в селе Ахуново.

Ценные сведения об Учалинских татарах содержатся в кандидатской диссертации А.А. Юлдашева «Язык тептярей» (1950), в которой дан подробная информация о тептярах, фонетический, грамматический и лексический анализ говора. Также имеется статья «Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР» [Юлдашев, 1953: 329–342]. Сам автор, на наш взгляд, совершенно справедливо считает тептярей сословной категорией, состоящей в основном из пришлых татар: «... учалинские тептяри являются татарами-переселенцами из различных областей. Данные материалы культуры тептярей подтверждают и дополняют эти сведения. Грамматический строй и основной словарный фонд говора очень близок к татарскому языку» [Юлдашев, 1953: 340]; «Учалинские тептяри по национальности отнесены к татарам и преподавание, равно и делопроизводство, ведется ныне в указанных 12 тептярских деревнях на татарском языке» [Юлдашев, 1953: 342].

Звуковая система учалинского говора соответствует фонетической системе татарского языка. Отметим некоторые особенности,

характерные и для других говоров татарского языка. Соответствия гласных – *ə~a*: *миңә* – миңа ‘мне’; *ə~и*: *кәртә* – киртә ‘ограда’; *ө~ү*: *бөгөн* – бүген ‘сегодня’ (ср.: западном (мишарском) диалекте *бөгөн*, восточных (сибирско-татарских) диалектах татарского языка – *пөгөн*); *у~о*: *бутқа* – ботка ‘каша’ и др.

Соответствия согласных. Татарскому [ч] во всех позициях соответствует [с], как и в некоторых татарских говорах Башкортостана, Татарстана, Пермского края, Зауралья: *сикмән* – лит. чикмән ‘армяк’, *асқыс* – ачкыч ‘ключ’.

Согласному [ж] в начале слов соответствует [й], в середине ряда слов – [з], или [ж]: *йел* – лит. жил ‘ветер’, *йеләк* – жиләк ‘ягода’, *кәзә* – кәжә ‘коза’, *бажа* – бажа ‘свояк’, что характерно для некоторых татарских говоров среднего диалекта (см. выше).

Согласному [з], как и в белебеевском подговоре, тепекеевском, курмантауском говорах изучаемого ареала, соответствует [d]: *дәңгәр* – лит. зәңгәр ‘синий’, *үдем* – үзем ‘я сам’.

Соответствия *б~п*: *бесән* – лит. печән ‘сено’; *м~б*: *билмау* – билбау ‘кушак’, *м~н*: *белем* – белен ‘блин’, *батмус* ‘поднос’; *d~д*: *адым* – адым ‘шаг’; *к~х*: *йақшы* – йахшы, графич. яхшы ‘хорошо’; *х~к*: *вахыт* – вакыт, графич. вакыт ‘время’.

Явления ассимиляции. *нн~нл*: *көннәшеу* – графич. көнләшү ‘ревновать’; *мб~нб*: *ум бала* – ун бала ‘десять детей’; *мм~нм*: *өйләммәгән* – өйләнмәгән ‘не женатый’; *ш~ч*: *шишмә* – чишмә ‘родник’; *ш~с*: *шишәнбе* – сишәмбе ‘вторник’ (все эти особенности являются ведущими особенностями среднего диалекта татарского языка); *т~л*: *аттар* – атлар ‘кони’.

Употребление в учалинском говоре аффикса прошедшего категорического времени *-ды/-де* в нескольких вариантах: после основ на гласных (*a, o, ы, e, ə*) пишется *-ны/-не*, после основ на *з, р, у, й* – *-ды/-де* (отметим, что [d] отличается от башкирского [з] преобладанием смычного элемента): *қараны* – лит. карады ‘посмотрел’, *қабыдды* – кабызды ‘включил’, *тыуды* – туды ‘родился’.

Явление метатезы. Это явление отмечано в незначительном количестве слов: *қомалақ* – лит. колмак ‘хмель’ (так же и в других татарских говорах Башкортостана), *тастылман* – тастымал ‘полотенце’, *айлапқыс* – аляпкыч ‘передник’ [ТХС I: 376; Булатова, 2013: 54].

Из морфологических особенностей учалинского говора ярко выражено употребление афф. 2 л. ед.ч. настоящего времени изъявительного наклонения в усеченном варианте *-ң*: *Йырак тораңмы* (лит. торасыңмы)? ‘Далеко ли живешь?’. Это явление наблюдается и в говоре крещеных татар, ичкинском, сафакульском, златоустовском говорах среднего диалекта и тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта восточных (сибирско-татарских) диалектов.

В говоре 2 л. мн. числа повелительного наклонения также образуется аффиксами *-ың/-ең, -ң*: *узың* – лит. узыгыз ‘проходите’. *Тазалыгыгыдны сақлаң* (лит. саклагыз), *балалар* ‘Берегите здоровье, дети’. Форма на *-ең/-ың, -ң* аналогично выступает и в златоустовском, ичкинском, красноуфимском, сафакульском говорах, янаульском подговоре мензелинского говора, бирском, пермском говорах среднего диалекта, байкибашевском говоре западного диалекта, тоболо-иртышском диалекте. Форма 2 л. повелительного наклонения *-ың/-ең* зафиксирована и в древних письменных памятниках тюрко-татар, обнаруживается в современных тюркских языках. Л.Т. Махмутова считает, что аффикс 2 л. мн. числа повелительного наклонения *-ың/-ең* исторически восходит к древней форме *-гыл/-гел>-гын/ген>-ын/ен>-ың/ең* [Махмутова, 1962: 66].

В говоре 2 лицо мн.ч. настоящего, а также прошедшего результативного и будущего времен изъявительного наклонения оформляются с помощью сложного аффикса *-сыгыз/-сегез; -сыгид/-сегед* вм. лит. *-сыз/-сез*: *Кемгә дип килгәнсегез* (лит. килдегез) ‘К кому пришли?’. Это явление распространено в заказанских, параньгинском, курмантауском, тепекеевском, мензелинском говорах среднего диалекта; характерно, в основном, для кыпчакских языков, имеет место и в языках огузской группы.

Деепричастия на *-мастан/-мәстән*, как и в других татарских говорах изучаемого ареала, употребляются в значении деепричастия на *-ганчы/-гәнче* литературного языка: *Аларга барып җитмәстән бер өй тора* ‘Не доходя до них, стоит один дом’. В учалинском говоре употребляется и *-мастан борон*: *Ахун авылы урыс авыллары булмастан борон* (лит. булганчы) *уқ булган* ‘Деревня Ахун существовал даже тогда, когда еще русских деревень и не было’; и др.

Словарный состав говора отличается большим разнообразием: *инәй/әней* – лит. эни ‘мать’, *апсын* – килендәшләр ‘жены родных

братьев по отношению друг к другу', *йорсы* – ирнен энесе 'младший брат мужа' (у сибирских татар так же), *қайыным* – каената 'свекор', *қартнә* – дәү эни 'бабушка', *киийә* – төпчек 'последыш', *күнәк* – чиләк 'ведро', *тәгәс* – чынаяк 'чашка', *қоторғос* – тоз савыты 'посуда для соли, солонка', *алдыр* 'миска', *адйор* – арба 'телега' и др. [Юлдашев, 1953: 339; ТХС I: 380].

Можно сказать, что говор татар Учалинского района не исконное явление, а результат длительного смешения и взаимодействия различных диалектов татарского и башкирского языков. Архивные материалы свидетельствуют, что учалинские татары являются потомками ясачных татар и они убежденно считают себя татарами, что доказывается общностью с языковой системой татарского языка, и по преданиям предков. Учалинский говор имеет свои специфические особенности, но по своей фонетической системе, показателям всех грамматических категорий и лексическому фонду говор совпадает с общенародным татарским языком.

2.2. Говоры западного (мишарского) диалекта татарского языка

Мишари или татары-мишари (устар. *мещеряки*, тат. *мишәр татарлары*, *мишәр*, *мишәр*) – субэтнос татар Среднего Поволжья и Приуралья. Формирование мишарей происходило на правобережье Волги, вплоть до правобережья Оки на севере. В документах XIV–XVI веков *мишари* называются «мещеряками», а в более поздних XVI–XVII веков – под общим названием «татары».

Западный (көнбатыш; мишарский) диалект делится на две группы говоров – *ч*-окающую и *ц*-окающую. К *ц*-окающим относятся сергачский (Нижегородская область), дрожжановский (Татарстан, Чувашия), байкибашевский (Башкортостан) говоры, остальные – к *ч*-окающим (подробно см. классиф. на стр. 124). Смешанный характер имеет чистопольский говор (Татарстан).

Мишари, представители как *ц*-окающих, так и *ч*-окающих говоров, миграция которых продолжалась в течение более чем четырех столетий (начиная с XVI в.), со времени своего переселения на исследуемую территорию вошли в тесный культурно-экономический и языковой контакт с представителями среднего диалекта, с местным населением, башкирами. Процесс взаимодействия и взаимо-

влияния в области языка происходил при ведущей роли среднего диалекта. Мишарские говоры восприняли ряд особенностей окружающих их говоров и, в то же время, сохранили специфичные мишарские черты. Как показывают наши наблюдения, степень употребления в их говорах особенностей западного (мишарского) и среднего диалектов проявляется в разных регионах по-разному, что непосредственно связано: с количественным соотношением представителей этих двух диалектов; временем переселения и, следовательно, вступления в контакт; территорией, откуда мишари переселились в Приуралье.

Ведущие фонетические особенности говоров западного (мишарского) диалекта, отличающие его от среднего диалекта, следующие: употребление неогубленного [а] во всех позициях; гласные [о], [ө] делабиализуются – переходят в гласные [ы], [э(е)] (*кен* – лит. *көн* ‘день’, *тырмыш* – *тормыш* ‘жизнь, быт’); наличие дифтонгоидов $y^o - y^o$, $o^v - o^v$, $ы^o - e^o$ (*дүрт* – лит. *дүрт* ‘четыре’, *урман* – урман ‘лес’); монофтонгизация дифтонгов *-ай*, *-эй*, *-ой*, *-өй*, *-уй* и палатализация последующих за ним переднеязычных согласных (*кат'а* – лит. *кайта* ‘возвращается’, *сүләү* – *сөйләү* ‘говорить’, *кү/куш* – *көй* ‘мелодия’); явление *й*-оканья (*йил* – лит. *жил* ‘ветер’); наличие только заднеязычных [к] и [г] (характерные для среднего диалекта глубокозаднеязычные [к] и [г] не употребляются); согласные [ч], [ж] произносятся в виде аффрикатов [тч] и [дж] (против целевых в среднем диалекте) (*мчалгы* – лит. *чалгы* ‘коса’, *әжиләк* – *жиләк* ‘ягода’); употребление [ц] вместо [ч] (присуще только некоторым говорам) (*цәц* – лит. *чәч* ‘волос’); выпадение звука [г] в начале слов, заимствованных из арабского языка (*үмер* – лит. *гомер* ‘жизнь’) и др.

На территории Башкортостана имеется два говора западного (мишарского) диалекта: *байкибашевский* и *стерлитамакский*.

Байкибашевский говор (байкыбаш сөйләше)

Носители байкибашевского говора западного (мишарского) диалекта татарского языка (в Балтачевском, Караидельском, Мишкинском районах) – одни из самых ранних переселенцев-мишарей Приуралья, являются прямыми потомками тех служилых мишарей, которые были определены Русским государством служить на

Уфе и поселены на землях Дуванейской, Каршинской, Кущинской, Унларской волостей Осинской дороги Башкирии с условием уплаты оброка вотчинникам. Ранее, до 1956 года, существовал и Байкибашевский район с центром в с.Байкибашево. В связи с укрупнением районов, Караидельский и Байкибашевский районы были объединены. Наименование говора связано с бывшим названием Байкибашевского района. Впервые описан Л.Т. Махмутовой, в последующем изучен Д.Б. Рамазановой и Т.Х. Хайрутдиновой [Махмутова, 1962: 57–85; Рамазанова, Хайрутдинова, 1985: 62–95; ТХС II: 239–248].

Начиная с XVII в. мишари-татары представляли собой довольно многочисленную и компактную группу, как в этнокультурном, так и в языковом отношении, что способствовало устойчивому сохранению в их говоре ведущих особенностей западного (мишарского) диалекта. Постоянно мигрируя на юг и восток, участвовали в формировании стерлитамакского и златоустовского говоров, вместе с другими переселенцами-мишарями оказали заметное влияние в языковом отношении и на другие говоры Приуралья.

По составу гласных и согласных фонем байкибашевский говор не отличается от татарского литературного языка, однако имеет некоторые особенности, характерные для западного (мишарского) диалекта: нелабиализованный [a]; более передние, чем в литературном языке, [ə], [y]; заднеязычные [k], [ɟ], [x] и др. Говор является одним из *ц*-окающих говоров западного диалекта.

Довольно систематически выступает и характерная для западного (мишарского) диалекта монофтонгизация дифтонгов: а) *-ай/ -эй, -уй/ -үй, -ый* в основе слов перед переднеязычными [m], [d], [c], [y], [n], [l]: *бал'ык* – лит. байлык ‘богатство’, *кас'ы* – кайсы ‘который’, *бәли* – бэйли ‘въяет’ и др., однако *этә/эйтә* ‘говорит’; б) *өй > ү*: *күмә* – көймә ‘повозка’, *сүвәлү* ‘прислоняться’, *сүләү* – лит. *сөйләү* ‘говорить’ и др. Явление *өй > ү* зафиксировано в некоторых говорах среднего и сибирско-татарских диалектов татарского языка.

Другие фонетические особенности говора сводятся к различным общемишарским соответствиям: *e~и*: *йел/йил* – лит. жил ‘ветер’; *ө, о~у*, *у*: *бөгөн* – лит. бүген ‘сегодня’, *осак* – усак ‘осина’, *үмә* – өмә ‘коллективная помощь, субботник’; соответствия узких гласных широким гласным литературного языка наблюдаются, как и в западном (мишарском) диалекте, в ряде слов: *кагыз* – лит.

кэгазь ‘бумага’, *мәктәп* – мәктәп ‘школа’, в афф. -*ганчы*/-*гәнче* (*баргыңчы*/*баргинца* ‘прежде, чем ходил’) и др.; соответствие заднерядных гласных переднерядным литературного языка: *мый* – лит. ми ‘мозг’, *йогора* – йөгөрә ‘бежит’ и др.; протеза; наращение гласных: *тапы* – тап ‘пятно’; выпадение гласных: *кой* – лит. койы, графич. кое ‘колодец’, *наки* – инәки ‘маменька’, *зан* – ызан ‘межа, межевой’ и др.

Своеобразие говора составляет ряд соответствий и в области согласных. *п~б*: как и в *ц*-окающих говорах, в начале определенной группы слов звонкий [б], уподобляясь глухим согласным, оглушается: *пети* – бәти ‘амулет’ и т.п.; *м~б*: 1) под воздействием регрессивной ассимиляции (*малан*/*палан* – балан ‘калина’, *мәндә* – бәндә ‘человек’), 2) так же и в других словах (*мышый* – поши ‘лось’, *матис* – батист и др.); *б~и*, *б^в~б* – в интервокальной позиции: *цыбар* – чувар (чуар) ‘пёстрый’, *таб^ва* ‘находит’. Продолжает бытовать и ряд других соответствий, характерных для западного (мишарского) диалекта: *д~т*: *ибдәш* – лит. иптәш ‘товарищ’, *абдырау* – аптырау ‘недоумевать’, *селдәү* – лит. селтәү (махать) ‘бросить, выкинуть’; *к~т*: *кели* – тели ‘хочет’; *з~с*: *зәләмә* – сәләмә ‘изношенный’; *г~к*: *тыгырык* – тыкрык ‘переулок’, *цыгыр* – чокыр ‘овраг’; метатеза: *бүрке* – бүрек ‘шапка’, *ирне* – ирен ‘губа’; и т.д.

Специфичные мишарские особенности сохраняют устойчивость и на уровне грамматики: употребление двойного аффикса принадлежности: *самавыр парысы* – лит. самовар пары ‘пар от самовара’, *үз алнысыннан* – үз алдына ‘сам по себе’ и т.п.; притяжательный падеж местоимений: *минен*/*миңең* – лит. минем ‘мой’; пространственный падеж местоимений: *анарга* – лит. аңа ‘ему’, *шунарда* – шунда ‘в том’; более активное, чем в литературном языке, употребление аффикса понудительного залога -*кыз*/*-гыз*/*-гез*/*-кәз*/*-гәз*...: *күргәз* – лит. күрсәт ‘покажи’, *үткәз* – үткәр ‘проводи’, *тигез* – тидер ‘дай коснуться’ и т.д.; указательные частицы *вун’ы*/*ван’ы* ‘вон, ваты(кай) ‘вот’; присоединение вопросительной частицы -*мы*/*-ме* к тому слову предложения, на которое падает логическое ударение: *озакмы торасыз?* – лит. озак торасызмы? ‘долго ли будете?’; спряжение модального слова *кирәк*: *кирәкте* – кирәк булды ‘пригодилось’, *кирәксә* ‘если будет нужно’; передача внутреннего произвольного желания с помощью формы -*гы*/*-ге*, -*кы*/*-ке*/*-к* +

келә (желать, хотеть): *ашак кели* – лит. ашыйсы килә ‘хочется кушать’, *баргы келәми* – барасы килми ‘не хочется идти’; и др.

В байкибашевском говоре обнаруживаются и явления, присущие среднему диалекту: форма прошедшего незаконченно-го времени на *-ыр иде*: *йырлар иде* ‘бывало, пела’; причастие на *-уцан/-үцән*: *татарлар калпак кийүцән* ‘татарки обычно носят калфак’; форма инфинитива на *-ма/-мә*, также *-мак/-мәк* (архаичная форма) и др.

Наречиям типа *безнеңчә*, *сезнеңчә*, *минемчә* литературного языка в говоре соответствует форма *безнекенчә* ‘по-нашему’, *сезнекенчә* ‘по-вашему’, *минекенчә* ‘по-моему’: *Безнекенчә сүләшәләр* ‘По-нашему (же) говорят’. Наличием этой особенности байкибашевский говор имеет сходство с тепекеевским, курмантауским, златоустовским говорами среднего диалекта изучаемого ареала.

В лексико-семантической системе говора, с одной стороны, продолжают бытовать мишарские слова (*питырац* ‘маленький хлебец из кислого теста’, *кашн’а* ‘квашня’, *цүлек* – камыт бавы ‘гуж’, *киндераш* ‘конопля’ и др.), с другой стороны, имеются и общие с окружающими говорами лексемы (*кушйаулык* ‘покрывало для лица и головы, состоящее из двух соединенных платков’, *кәбәркә* ‘запечек, пространство между печью и стеной’, *дзәймә*, *цоба* и т.д.) и др. Наряду с этим, в говоре обнаруживаются и особенности, характерные для всех татарских говоров Башкортостана.

Таким образом, байкибашевский говор является одним из самостоятельных говоров западного (мишарского) диалекта, которому характерны татарский фонематический состав, грамматика, общетатарский лексический фонд.

Стерлитамакский говор (стәрлетамак сөйләше)

Под стерлитамакским говором западного (мишарского) диалекта татарского языка подразумеваются мишарские говоры, распространенные на юго-западных районах современного Башкортостана. Говор впервые изучен Д.Б. Рамазановой в 1980-х гг. [Рамазанова, 1984; ТХС II: 123–151]. Также говор исследован М.Р. Булатовой в 2012, 2017 гг. [Булатова, 2013; 2018 (6)].

Д.Б. Рамазановой выделены три типа говора [Рамазанова, 1984: 114]. I тип подвергся наиболее сильному влиянию среднего

диалекта и сохранил лишь спорадическое произношение мишарских вариантов звуков [к], [ç], [у], [а] и некоторых аффиксов, например, *-гынчы/-генче* (узкий вариант). Носители этого типа составляют меньшинство в населенных пунктах (напр., Имян-Купер, Кальшали, Максютово Туймазинского, Абдулкаримово, Старые Сулли Ермакеевского районов). II тип – говор мишарей-переселенцев XVIII–XIX вв., живущих островками (по несколько деревень) и довольно хорошо сохранивших специфичные черты западного диалекта (напр., нас.п.п. Салихово Бавлинского района Татарстана, Мендяново, Абдрашитово Альшеевского, Бузат, Галей-Бузат, Карамалы-Бузат Стерлибашевского, Буздяк, Шланлыкулево Буздякского, Уршакбаш-Карамалы Миякинского, Верхние Каргалы, Балышлы Благоварского, Сафарово Чишминского районов Башкортостана и ряд других). III тип – говор потомков мишарей, одними из первых переведенных в качестве служилых и затем мигрировавших в XVIII в. в южном направлении (т.е. потомки байкибашевцев), потомки уфимских мурз и дворян (Чишминский, Аургазинский районы). Этот тип говора претерпел сильное изменение в сторону сближения с татарским литературным языком, носители его в легендах связывают свое происхождение и с булгарами.

Вокализм стерлитамакского говора имеет следующие особенности. Как и для всего западного (мишарского) диалекта [Махмутова, 1978: 33–34], для данного говора характерен, в основном, открытый вариант фонемы [а], который в качественном отношении проявляется в различных вариациях: в говоре нас.п.п. II типа бытует обычный нелабиализованный вариант, хотя в то же время в ряде нас.п.п. этого же типа (Бузат, Буздяк, Стерлибашево и др.) выступает сильно огубленный [а], приближающийся к [о] с оттенком [а]: [о^а]. Многовариантность присуща и для кряшенских говоров. Она, видимо, связана с ассимилятивными процессами, происходившими в ходе этнического формирования носителей (подр. см. карту № 1 «Атласа...»). На такие различия обратил внимание и ученый XIX в. А.Г. Бессонов: «Разница между мещеряцкими и казанскими татарскими наречиями состоит (...) во-вторых, в том, что гласная, стоящая непосредственно за [к], произносится несколько смягче, чем в татарском языке; в-третьих, в особенной склонности к звуку [о] ([ō]): долгое [а] произносится здесь еще

ближе к [o], чем в татарском языке; в-четвертых, в том, что выпускается [й] нисходящего дифтонга (*косы, аттем, сўлядем* в м. тат. каз. *кайсы, айттем, сўйлядем*)...» [Бессонов, 1881: 238–239]. Итак, в говоре мишар Башкортостана он указывает на огубленность звука [a]. Характерные для западного (мишарского) диалекта варианты гласных [ə] и [y] также сохранились в нас. пп. II типа. В деревнях Бузат, Каргалы, Буздяк и др. зафиксирован дифтонгоидный [y^o]: *кү^oпер* – лит. *күпер* ‘мост’, *дү^oрт* ‘четыре’. Иногда преобладает оттенок [ə]: *кəп/кəп* – *күп* ‘много’. Это явление, хотя и в ограниченной группе слов, свойственно мишарским говорам, распространенным в Нижегородской, Пензенской областях, имеется также и в нукратском говоре среднего диалекта [Борханова, 1962: 94–95; Махмутова, 1962 (6): 134; 1978; ТХС I: 140]. В этом явлении сохраняются особенности древнетюркского вокализма [Рамазанова, 1984; 2008].

Другие особенности вокализма стерлитамакского говора сводятся к звуковым соответствиям. Причем, многие из них имеют ярко выраженный двоякий характер: продолжают сохраняться в той или иной мере собственно мишарские особенности, наряду с ними выступают и соответствия, характерные для окружающих говоров среднего диалекта. Например, *ə~и*: *нəк* – лит. *ник* ‘зачем’, *мəлəш* ‘рябина’ (ср.: также в западном (мишарском) диалекте); к востоку распространения говора: *кəбəн* – лит. *кибэн* ‘стог’, *кəртə* ‘изгородь’ (т.е. как и в других татарских приуральских говорах). *Э/е* вместо *и*: *энеч* – *инеч* ‘подкладка’, *энде* (Буздяк), *энде/ынды* (нас.п. Каргалы) ‘уже, же’ и т.д.; *o, ə~y, y*: *корчак* – *курчак* ‘кукла’, *олым/ылым* – *улым* ‘мой сын’ (ср.: мишарск. диал.), также и *сом* – *сум* ‘рубель’, *молла* – *мулла* и т.п. (как и в приуральских говорах).

В ряде слов [ы] соответствует лит. [y]: *шырна/шурна* – лит. *шулла* ‘бульон’ и т.д. Как и в соседних говорах, *y>y* и в позиции перед [й]: *бийына* – *буенча* ‘в продолжение’, *мыйын/мийын* – *муйын*, *графич. муен* ‘шея’, *Тимазы* – *Туймазы* и т.д.

Соответствия узких и широких гласных отражаются: а) в ряде слов: *йаңы* – лит. *яңа* ‘новый’, *мəктəп* – *мэктэп* ‘школа’; б) в глагольных афф.: *килгенче, йазгынчы* (деспричастие от глаголов *кил-, яз-*); *йагарга/йагырга* ‘топить’, *тəртəр/тəртəр* ‘ткнет’; в) в союзе *ды/де* – лит. *да/дэ*: *барды ды, килде де*.

Характерная для западного (мишарского) диалекта делабиализация губных гласных в говоре претерпела сильное изменение в сторону сближения с литературными орфоэпическими нормами. Однако в нас. пп. II типа – вариативность: *ы/ы^о, е/е^о*.

Соответствие задних гласных передним и, наоборот, передних гласных задним в словах, свойственных западному (мишарскому) диалекту: *йурый* – лит. йүри, графич. юри ‘нарочно’, *сыр* – сер ‘тайна’, *чэйкәү* – чайкау ‘полоскать’; также и для окружающих говоров: *йәбешү* – йабышу, графич. ябышу ‘прилипать, ухватиться’, *йен/йөн* – йон ‘шерсть’ и др.

Монофтонгизация дифтонгов *-ай/-эй, -уй/-үй, -ый* в основе слов перед переднеязычными *т, д, с, н, л, ч* в нас. пп. I и III типов утрачена; в нас. пп. II типа системность также разрушена, наблюдается вариативность в виде различных переходных форм: *мун'/муйн* – муен ‘шея’, *бат'ак/байтак* ‘изрядно’, *кан'и/ка^иний* ‘кипит’ и т.д. В словах с переднерядными гласными [й] опускается: *бәли* – бэйли ‘вяжет’, *әләнә* ‘кружится’, *әтә* ‘говорит’ и т.д.

Монофтонгируется и дифтонг *-ый*: *кибат* – лит. кыйбат ‘дорого’, *уки* – укый ‘читает’, либо выпадает конечный [й]: *Бары* – Барый (имя собств.), и т.п. Вместе с тем, в заимствованиях вместо [и] в позиции перед гласными заднего ряда произносится дифтонг *-ый*: *кыйло* ‘кило’, *кыйтап* – китап ‘книга’, *кыйно* – кино; так же и *кыйсап* – кисап ‘ступа’ и т.п.

Дифтонг *өй*, восходящий к древнетюркским *ög, üv, öw, ev, ev, ij, öj* [Махмутова, 1978: 58], в нас.пп. II типа, как и в западном (мишарском) диалекте, монофтонгируется в [y]: *түмә* (төймә) ‘бусы’ и т.п., а в нас.пп. I, III типа – превалирует лит. *өй*. Нередко наблюдается *өй > уй*: *тийә/тейә* ‘грузи’, *өй/уй* ‘дом’ и др., что объясняется влиянием смежных татарских говоров [Рамазанова, 2008: 81]. Ср.: *өй > уй* в заказанских, нукратском, касимовском, камышлинском, частично, в пермском говорах, так же и в мишарских говорах, испытывавших влияние среднего диалекта.

Система согласных стерлитамакского говора также претерпела изменения в сторону приближения к консонантизму среднего диалекта. Это отражается в явлении *ж~й* в начале и в середине слова: *жакын* ‘близкий’, *аржак* ‘та сторона’ и т.п.

Специфичные для западного диалекта (мишарского) заднеязычные [к], [ç], [х] нередко представляют собой варианты более заднего образования типа [к^к], [ç^ç], [х^х]. Аналогичные явления отмечены в чистопольском говоре, в говорах волгоградских, астраханских, златоустовских, оренбургских татар, в процессе формирования носителей которых участвовали представители и среднего, и западного (мишарского) диалектов [Арсланов, 1974: 139; Хайрутдинова, 1985: 39; Рамазанова, 1998: 83].

Стерлитамакский говор является одним из ч-окающих говоров западного диалекта, причем, [ч] и [жç], как и в среднем диалекте, – щелевые.

В интервокальной позиции, наоборот, наблюдается ослабление [б]: *таб^ва* – лит. таба ‘находит’, *тавып* – табып ‘находя’; или (ы, о) б~(у)w: *чобар* – чуар ‘пёстрый’, *йыбану* – юану ‘утешиться’ (кстати, в башкирском лит. языке *йыбану* – ‘лениться’, в башкирском разговорном – ‘уставать’) т.п. Специфику говора образуют соответствия т~к: *йекмеш* – лит. житмеш ‘семьдесят’; з~с: *зэлэмэ* – сэлэмэ ‘изношенный’; ч~с: *бачкыз/бачкыч* ‘лестница’ (так же и в мишарском диалекте); к~г: *кэрэбэ* – гэрэбэ ‘янтарь’, *гөпишэ* – көпшэ ‘трубчатый стебель’ (так же и в окружающих говорах); и др.

В некоторых населенных пунктах наблюдается употребление дифтонга -ай/-эй вместо литературного -ый/-и(й): *карай* ‘смотрит’, *үгэй* ‘неродной; д > з/d: *бодай* – бодай ‘пшеница’, *зөния* – дөнья ‘мир’ и др., что объясняется влиянием соседних говоров.

Наиболее характерные грамматические особенности говора проявляются в склонении местоимений: притяжательный падеж имеет варианты *минен/минең/мине*; двойные аффиксы пространственных падежей: *анарга, шынарга* и т.п.; форма повелительного наклонения *баргын* – лит. бар ‘иди’; так же в других говорах западного (мишарского) диалекта, кряшенских говорах; личное склонение инфинитива (*Пиж бурларгабыз бар* ‘Нам нужно белить печь’, *йагаргасы беткән* ‘кончились дрова’ и т.п.); форма кратности действия: *укыклай* – лит. укыштыра ‘почитывает’; и др.; употребляется своеобразная конструкция прошедшего времени на -а (или -ыр) *булган* – лит. -а торган булган (*Ире базарда чабата сатар булган* (сата торган булган) ‘Ее муж обычно продавал на

базаре лапти'. *Менгән атларны жигеп китә булган* '(Он) обычно запрягал верховых лошадей'); и др. [Рамазанова, 1984; Булатова, 2018 (6): 34–35].

В стерлитамакском говоре встречается характерная для западного (мишарского) диалекта особенность употребления в III лице ед.ч. связки *-дыр/-дер*, исторически восходящей к вспомогательному глаголу *-тор*: *Этам, чэй пешмәгән әле, чэй йуктыр* (юк) 'Говорю, чай еще не заварился, чая нет'. *Ул киләдер* (лит. килә), *дөрәс әйтәсең* 'Он идет, правильно говоришь'.

Это явление встречается редко. В астраханском говоре среднего диалекта и восточных (сибирско-татарских) диалектах татарского языка *-тор* сохранился в виде *-ды/-де (-ты/-те)* [Булатова, 2017: 262; 2015: 197], а в мордва-каратаевском говоре *-т*: *Внучкамыз йома көнне последний экзамен бирәде* (бирә) (астр.) '(Наша) внучка в пятницу сдает последний экзамен'. *Алар эшләмәгәц, миңа кәрәкмәйте* (кирәкми) (тевр.) 'Если они не работают, мне тем более не нужно'. *Алар киләтләр кичен* (м.-кар.) 'Они приезжают вечером'.

В стерлитамакском говоре в ходе взаимовлияния со смежными говорами столкнулись две формы, выражающие непроизвольное желание: *-гы кели* (<тели; западн. диал.) и *-асы килә* (средн. диал.), в результате чего возникли контаминированные формы типа *-асы кили* (отрицательный аспект: *киләми/келми*), *-ыргасы кили*, *-ырга кели* (*кили*). Например: *түбәтәй аласы келәгән* 'захотелось ему купить тюбетейку'; *барыга киләсә* 'если ему хочется идти'; *ашак келми* 'кушать не хочется'; и др.

То, что говор сформировался под значительным влиянием среднего диалекта татарского языка нашло отражение и в его лексико-семантической системе. Интенсивное взаимовлияние с мензелинским говором обусловило сходство и их основного словарного состава, в чем можно убедиться, ознакомившись диалектологическими словарями 1993 г. и 2009 г. выпуска.

Наряду с этим, продолжают сохраняться и специфичные для западного (мишарского) диалекта слова: *тудыкай* 'двоюродные', *кагау* 'ястреб' (западн. диал. коршун), *кырмалау/кырмауык* 'репей', *киндераш* 'конопля', *мошко* < морд. 'конопля'; *йомшак* 'пшеничный хлеб', *мошко* 'домашний творог', *парн'а* 'паровое поле', *парн'а пар'у* 'поднимать пар' и др.

Специфичными для говора являются лексемы: *кыз тирәсе* ‘приданое’, *сәвәнәйле уйнау* ‘вид молодежной игры с участием ряженных’ (лит. *сәваләй* ‘ряженный’, в касимовском говоре *сәбаләүдәй* ‘о женщине, одетой в платье, имеющие неуклюжий вид’), *котол* ‘стручок у гороха’; названия одежды и украшений: *сакма изү* (ср.: в темниковском говоре *сакма йага*) ‘старинный женский нагрудник, надеваемый поверх платья, расшитый бахромой, монетами’; *сылаугыч* ‘женский головной убор, расшитый спереди бисером и надеваемый поверх платка’ и др.

Таким образом, звуковая система, грамматика и словарный фонд в стерлитамакском говоре те же, что и в татарском литературном языке. Отклонения же сводятся, в основном, к а) сохранившимся в отдельных островках мишарским специфическими особенностями или их контаминированным вариантам; б) диалектным явлениям, характерным для мензелинского говора обследованной нами территории. Большинство особенностей, выявленных в стерлитамакском говоре, наиболее полно обнаружены и в говорах мишарей Пензенской области.

2.3. Особенности, общие для всех татарских говоров Башкортостана

Лингвогеографический этап дает возможность несколько по иному взглянуть на все накопленное и приступить к обобщающим исследованиям, которые позволяют вычленять лингвистических пространств в общезыковом поле.

Татарским говорам Башкортостана присуща сложная система диалектных особенностей, которые были рассмотрены выше. Применение ареально-лингвогеографического метода, накопленный богатый материал «Атласа татарских народных говоров» (Казань, 2015), исследования по отдельным говорам показали, что в данном ареале имеется еще ряд черт, объединяющих эти говоры между собой и, в то же время, отличающих их в той или иной степени от татарских говоров других ареалов.

I. Считаю уместным сначала перечислить целый ряд языковых особенностей, показывающих **общность татарских говоров Башкортостана с татарским литературным языком**: а) система гласных характеризуется наличием девяти исконных гласных

([a], [ə], [y], [ɣ], [o], [ø], [ɨ], [e(ə)], [u]) и еще три гласных фонем, употребляющихся лишь в заимствованных словах ([δ̄], [ɨ̄], [ē(ə)]); наличие согласных фонем тоже как в литературном; б) по их артикуляции и употреблению исследуемые говоры также не отличаются от литературного языка, зафиксированные диалектные отклонения сводятся в основном лишь к звуковым соответствиям и некоторым другим языковым явлениям, связанным с фонетическими процессами общетюркского характера; в) наличие лабиализованного [a^o] (а^oк (орфоэпич.) – графич. ак ‘белый’); г) гласные [o], [ø], [e] в первом слоге вместо общетюркских [y], [ɣ], [u]; гласные [y], [ɣ], [u] вместо общетюркских [o], [ø], [e]; д) явление сингармонизма – закона уподобления гласных друг другу по признаку нёбности/ненёбности и губности/негубности: при нёбной гармонии гласных в словах употребляются либо исключительно гласные переднего ряда, либо исключительно гласные заднего ряда (*бара*, *килә* ‘идет’) (такая гармония охватывает все исконные татарские гласные и отображается в орфографии); при губной гармонии буквы *o*, *ø* пишутся только в первом слоге, но они произносятся и в последующих слогах (напр., орфоэпически *өмөт* ‘надежда’, *болотло* ‘облачный’ – графически *өмет*, *болытлы*, т.е. на письме этот вид гармонии не отображается); е) у каждого согласного имеется палатализованный и непалатализованный фонетический вариант; ж) наличие глубокозаднеязычных [ḳ], [ɟ̣], [x̣] (*кунак* ‘гость’, *галим* ‘ученый’, *хат* ‘письмо’), то есть с буквами *ç* и *к* передаются по два звука: с гласными переднего ряда читаются как заднеязычные [ɣ], [к] (*гузал* ‘красивый’, *көз* ‘осень’), а в слогах с гласными заднего ряда – как увулярные (глубокозаднеязычные) [ɣ̣], [к̣] (*га-сыр* ‘век’, *каш* ‘бровь’). Отметим, что при переходе на кириллическую графику (при создании современного татарского кириллического алфавита) были игнорированы горловые буквы **ғ**, **қ**, в том числе, и буква **w**; з) неаффрикативный характер [ç] и [жç]; и) отсутствие губно-зубной фонемы [w], то есть употребление вместо нее фонемы [w] во всех позициях в слове (*вак* ‘мелкий’, *йавлык* ‘платок’, *тау* ‘гора’) (звук [w] используется только в заимствованных словах: *август*, *аванс*, *ваза* и т.д.); з) звук [h] присутствует в значительном количестве заимствований из арабского и персидского языков; и т.д.

Современный татарский литературный язык сформировался на основе среднего диалекта (фонетика и лексика), при заметном участии западного диалекта (морфологическая структура).

II. Перечислим наиболее общие особенности татарских говоров ареала Башкортостана с говорами всех трех диалектов татарского языка.

А) По своим ведущим фонетическим, морфологическим, синтаксическим и лексическим особенностям рассматриваемые говоры среднего диалекта проявляют наибольшее сходство с другими говорами **среднего диалекта татарского языка**. В области **фонетики**: наличие огубленного [a^o], как в лит. (*а^oлма^oлар* ‘яблоки’); лабиализация негубных [ы], [е] после гласных [о], [ə], что соответствует орфоэпическим нормам татарского лит. языка (*борон* – графич. борын ‘нос’, *төлкө* – графич. төлке ‘лиса’); употребление дифтонга *өй* (*көйәнтә* ‘кормысло’, *сөйәк* ‘кость’); употребление в некоторых говорах дифтонгов *-ай/-эй* (лит. *-ый/и(й)* (*бармай* – лит. бармый ‘не идет’, *сөйләй* – лит. сөйли ‘говорит’, *шундай* – лит. шундый ‘такой’); наличие глубокозаднеязычных [ç], [ʒ], [x] (*қаңқа* ‘ворота’, *бағана* ‘столб’, *халық* ‘народ’); употребление [жç] вместо лит. [й] (в бирском, бакалинском, турбаслинском, мензелинском говорах, напр.: *жәшел* – лит. йәшел, графич. яшел ‘зеленый’; *жәри* – лит. йәри ‘ходит’); произношение фрикативных (монофтонг) щелевых [ч] и [жç] как в лит., то есть без взрывного элемента (напр., при произнесении [ч] (тч) отсутствует *t*) и др. В области **морфологии**: употребление формы глагола на *-асы/-әсе* (*барасы бар*; *ул бүген эшкә киләсе*); 2 л. мн.ч. изъявит. наклонения глагола оформляются с помощью аффикса *-сыз/-сез* (как в лит.) и *-сыгыз/-сегез* (*барасыз/барасыгыз* – лит. барасыз; *баргансыз/баргансыгыз*); употребление форм инфинитива на *-ырга/-ергә* (как в лит., напр. *килергә*), *-мага/-мәгә* (древняя форма, встречается в златоустовском, мензелинском говорах, напр.: *житкермәгә кирәк*), *-ма/-мә* (встречается в белебеевском подговоре мензелинского, тепекеевском, стерлитамакском, байкибашевском говорах, обычно в сочетании с модальным словом *кирәк*: *чәй куйма кирәк*); причастных форм на *-мал(л)ы/мәл(л)е*, *-асы/-әсе* (*уқымалы*, *йапмалы түгел*; *киләсе кеше*, *барасы юл*), активное употребление имени действия на *-ыш/-еш* (*эштән қайтыш*); выражение многократности посред-

ством аффикса *-ыштыр/-ештер*, *-гала/-гәлә* (*уқыштыр*, *баргала*); *д > й* во вспомогательном глаголе *иде*: *-ий/-ыйы/-ийе/-ый* (*барайы* – бара иде) и др.

Б) Выявляется общность говоров с западным (мишарским) диалектом татарского языка, которая связана, во-первых, проявлением общекрыпчакских черт; во-вторых, активным участием мишар в формировании говоров: монофтонгизация дифтонга *өй* (*сүләү* – лит. сөйләү ‘говорить’, *сүрәү* – сөйрәү ‘волочить’), *й*-оканье (*йыр* – лит. жыр ‘песня’, *йәнлек* – жәнлек ‘зверь’); соответствие [o], [ø]~[y], [y] в первом слоге слова (*көзәтү* – лит. күзәтү ‘наблюдать’, *олау* – улау ‘выть, реветь’), спряжение модального слова *кирәк* (*кирәкте* – лит. кирәк булды ‘пригодилось’, *кирәксә* ‘если будет нужно’, *кирәгә* – кирәк була, *кирәккәч* – кирәк булгач); активное употребление причастия на *-ыр/-ер* (*барыр эфир*), инфинитива *-ырга/-ергә* (*эшкә барырга*, *килергә эңийи-на*, *алырга идем*, *барырга кирәк*, *килергә тийеш*); присоединение вопросительной частицы к тому члену предложения, на который падает логическое ударение (*йырақмы торасың* – лит. ерак тора-сыңмы); случаи аналитической связи в сложных предложениях; в области лексики (*әпәй* – ипи ‘хлеб’, *кечер(т)кән* – кычыткан ‘крапива’, *нәнәй* / (в карсунском говоре западн. диал. *карт нәнәй*) ‘родная бабушка’, *шурпа/шурба* (западн. диал.) – шулла ‘бульон’ и др.).

В) В ходе анализа выявилось наличие в говорах особенностей, характерных для восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка: соответствия гласных *ә~и* (*кәбәк* – лит. кибәк ‘мякина’), *-ай/-әй~-ый/-и* (*й*) (*эшләй* – эшли ‘работает’), *э(е)~и* (*тегәнәк* – тигәнәк ‘репейник’); *ы~а*, *ү~и*; употребление увулярных [ɟ], [ʒ], [x] (*қарға* ‘ворона’, *ағач* ‘дерево’); соответствие согласных *й~ж* (*йеләк* – жиләк ‘ягода’); соответствие *б~п* (характерно для тепекеевского, златоустовского говоров: *пер* – лит. бер ‘один’; *палта* – балта ‘топор’); *б~п*: (в ограниченной группе слов встречается в тепекеевском, учалинском говорах: *бысқы* – пычки ‘пила’, *бысақ* – пычак ‘нож’); употребление личных местоимений *миңә/мийә* ‘мне’, *сиңә/сийә* ‘тебе’; также и в области лексики (*карагат* – лит. карлыган ‘смородина’, *шама* ‘чайники’, *қәйнә* ‘свекровь’, *пыйма/пима* – киез итек ‘валенки’, *мөйөш* – почмак ‘угол’) и т.д.

III. Общие языковые особенности татарских говоров Башкортостана.

1. В области фонетики общими для всех рассматриваемых говоров изучаемого ареала являются следующие особенности.

Употребление [ə] вместо литературного [и]. Изоглосса его начинается в правом бассейне р. Ик и в бассейне нижнего течения р. Агидель (пределы мензелинского, стерлитамакского говоров) в единичных примерах (*кэм* – лит. ким ‘меньше’), постепенно расширяясь к востоку исследуемого ареала: *кэтмән* – лит. китмән ‘кетмень’, *кэртә* – киртә ‘жердь’, *кэбән* – кибән ‘стог’, *кэгәвен* – кигәвен ‘овод’ и др.

При интерпретации этого явления необходимо учитывать то, что аналогичные широкие варианты в несколько больших примерах бытовали и в языке письменных памятников средневековой татарской литературы («Кисса-и Юсуф», Мухамедьяр, М. Кулый и т.д.) и до сих пор сохранились в мишарских говорах Поволжья, и, видимо, относятся к общекрыпчакской общности.

у, у > о, ө или *ы, е*: *топса* – лит. тупса ‘порог’, *жоқа/йока* – йука, графич. юка ‘тонкий’, *көзәтү* – күзәтү ‘следить’, *была* – була ‘будет’, *намыс* – намус ‘честь’, *мынча/мынса* – мунча ‘баня’.

ы, о, у > и в позиции перед среднеязычным [й]: *бийак* – лит. бу як ‘эта сторона’, *бийыл* – быйыл, графич. быел ‘в этом году, нынче’, *бийау* – буяу ‘краска’, *бийына* – буена ‘в продолжение’, *тийына* – туена ‘на ее (его) свадьбу’ и др. Эта особенность иногда встречается в различных примерах и в других ареалах распространения татарских говоров.

Соответствия *ы~а, е~э* в глагольных формах: *сатырга/сатарга* ‘продать’, *өзэргә/өзергә* ‘отрывать’ и т.п., которые распространены и в мишарских говорах Поволжья и в крыпчакских языках.

Для татарских говоров Башкортостана характерна замена задних гласных передними и, наоборот, передних – задними. Например: *жөн/йөн* – лит. йон ‘шерсть’, *йәбешү* – йабышу, графич. ябышу ‘брататься, липнуть’, *алсә* – алайса ‘если так’ и т.п.

Для данных говоров характерны такие случаи вставки гласных и согласных: [ы], [э(е)]: *асырау* – асрау ‘держат, разводит (скот)’, *күреше* – күрше ‘сосед’; [т]: *себертке* – лит. себерке ‘веник’, *алдатма* – алдама ‘не ври’ и др.; соответствия согласных – *н~л*:

тешнау – лит. *тешләү* ‘кусать’; *p~н*: *үткер* – *үткен* ‘острый’; *k~г*: *чикә/сикә* – *чигә* ‘щека’; *kөрәбә* – *гәрәбә* ‘янтарь’, *катырка* – *катыргы* ‘картон’; *з~с*: *җиләз* – *жиләс* ‘прохладно’; *д~г*: *билдәле* – *билгеле* ‘известный’ и некоторые другие; метатезы: *чәчкә* ‘цветок’ (*чәчәк* – ‘оспа’), тогда как лит. *чәчәк* в обоих значениях и др.

В абсолютном конце слова или в открытом слоге вместо гласных [y], [ʏ] иногда произносится дифтонг *-yʏ/-eʏ* (*-yʏw/-ew*) (исторически восходит к древнетюркским *-og*, *-yʏg*, *-yʏz*, *-eg*, *-zy*, *-ze*: *суз* ‘вода’, *соғуқ* ‘холодно’, *қоғур*, *қуғур* ‘жарить, калить’): а) в конце слов: *сыw/сыу* – лит. *су* ‘вода’, *быw* – *бу* ‘этот’; б) в открытом слоге в середине слов: *сымык/сумық* – лит. *сумык*, графич. *суык* ‘холодно’, *йөwеш/йүwеш* – лит. *йүwеш*, графич. *юеш* ‘мокро’, *қыwала/қуwала* – *куала* ‘гони’; в) в именах действия на *-y/-yʏ*: *китew/китeу* – *китү* ‘уйти, отъезд’, *барыw/бару* – *бару* ‘идти’, *тегу/тегeу* ‘шить’ и т.д. Данное явление, хотя его изоглосса и начинается с нижекамско-кряшенского говора, выступает неравномерно: на восточной части территории распространения мензелинского (белебеевский, янаульский подговоры), курмантауского говоров наблюдается факультативно, тогда как довольно активно выступает в мишарских говорах исследуемого ареала, также пермском, златоустовском, учалинском, тепекеевском говорах, в татарских говорах Зауралья и Сибири. Употребление дифтонга *-yʏw/-eʏw* характерно для западного (мишарского) диалекта, касимовского говора среднего диалекта; имеется в башкирском языке (общекрыпчакское явление).

В открытом слоге или в конце слова вместо *-и(й)* иногда соответствует *-ей(эй)*: *әтей* – эти ‘папа’, *әней* – эни ‘мама’, *кейем* – кием ‘одежда’, *ней* – ни ‘что’, *тейен* – тиен ‘копейка’, ‘белка’, *Сәрбей* – Сәрби (имя собств.) и т.д.

В татарских говорах Башкортостана (кроме стерлитамакского, байкибашевского, бакалинского) активное, систематическое употребление дифтонга *-ай/-эй* вместо литературного *-ый/-и(й)* в трех случаях: 1) в определительных местоимениях (*ниндэй/нидэй* – тат. лит. *нинди* ‘какой’, *андай* – тат. лит. *андый* ‘такой’); 2) в определенной группе слов (*үгэй* – лит. *үги* ‘неродной’, *песэй* – лит. *песи* ‘кошка’, *җизнэй* – *жизни* ‘зять’ и др.); 3) в аффиксах глаголов настоящего времени изъявительного наклонения и глаголов

желательного наклонения, а также в отрицательных формах деепричастия на *-ын/-еп* (*сайлай* – лит. сайлйы ‘выбирает’, *сөйләйем* – сөйлимен ‘рассказываю’, *эшләйек әле* – эшлик әле ‘делаем-ка’, *эшләмәйенсә* – эшләмичә ‘не работая’).

Употребление аффиксов *-ай/-әй* бытовало в старотатарском письменном литературном языке вплоть до начала XX века, связано с фонетическими закономерностями общетюркского характера и вполне справедливо определено как исторически общее явление для татарского и башкирского языков. Данное явление активно выступает во многих других говорах среднего и восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка. Например, у татар Астраханской, Кировской, Рязанской, Курганской, Оренбургской, Пермской областей, Удмуртии, Сибири и др. Широкий вариант бытовал в памятниках старотатарской и древнетюркской письменностей.

Отметим, что в татарских народных песнях буквально в каждом тексте используется дифтонг *-ай/-әй*, указывая на историческое значение формы в татарском народном разговорном языке. Литературный (письменный) язык стремится исключить многовариантность: это стало причиной трансформации и закрепления варианта *-ый/-и* (*й*).

Переднеязычному щелевому [ж] спорадически соответствует среднеязычный сонант [й] (в основном, в начале слова): *йылы* – лит. жылы ‘тепло’, *мөрийә* – моржа ‘труба’ и др. Эта особенность характерна для большинства приуральских татарских говоров, где то спорадически, т.е. параллельно употребляются *ж* и *й*. Соответствие *й~ж* является характерной чертой западного (мишарского) диалекта татарского языка. Активно выступает во многих татарских говорах среднего и восточных (сибирско-татарских) диалектов; является традиционной формой старотатарского письменного литературного языка. В произведениях татарских писателей XIX – нач. XX вв. было параллельное употребление в позиции начала слова *й* и *ж* (*йир/жир* ‘земля, почва’). Данный факт указывает на ненормированность в то время данного явления.

Звук [h] как и в татарском литературном языке и его говорах, встречается только в заимствованных словах: *һәм* ‘и’, *зиһен* ‘память’ и др. В большинстве говоров изучаемого ареала наблюдается выпадение фарингального [h] как в начальной, так и в срединной

позициях: *ава* – лит. *нава* ‘воздух’, *өнәр* – *һөнәр* ‘ремесло’, *уш* – *һуш* ‘сознание’ (*уш китәрлек (китмәле)* ‘поразительный, удивительный’) и др. Возникшее в интервокальной позиции зияние либо восполняется сонорным [й], либо компенсируется долгой гласно-го: *зийен/зин* – *зиһен* ‘сообразительность, разум’, *Май^ирә/Маһира* – *Маһира* (имя собств.); *шәәр/шәр* – лит. *шәһәр* ‘город’ и т.д. Звук [h] не употребляется в западном (мишарском) диалекте: *шәгәр* ‘город’, *Зегрә* – *Зөһрә* (имя собств.) и т.п. В некоторых говорах ареала звук [h] нередко заменяется заднеязычным [x]: *хәм/һәм* – *һәм* ‘союз «и»’, *шәхәр/шәһәр* – *шәһәр* ‘город’ и т.п. Ср.: в башкирском [h] активно выступает еще и вместо общетюркского [ç].

В ряде слов выпадают сонорные звуки [w] и [й] вместе с последующим гласным: *куш/куьыш* – лит. *куьыш*, *графич. куьыш* ‘навес над погребом’, *сунды/суьынды* ‘остыл’ и т.д.; *сирчык/сийрчык/сийырчык* ‘скворец’, *жип бирде* – *жыеп бирде* ‘собрал и отдал’ и др.

В некоторых татарских говорах изучаемого ареала (тепекеевском, курмантауском, учалинском, златоустовском) характерно систематическое употребление согласного звука [ç] вместо переднеязычного [ч] литературного языка во всех позициях в слове: *сәй* – лит. *чэй* ‘чай’, *унынсы* – *унынчы* ‘десятый’, *жыйгас* – *жыйгач* ‘собрав’ и др. Данное соответствие *ç~ч* имеется в сафакульском, ограничено в дубьязском, красноуфимском, нурлатском, пермском и касимовском говорах среднего диалекта и подберезинском говоре западного (мишарского) диалекта. В западном диалекте (напр., в карсунском, кузнецком говорах) употребляется в определенной группе слов. Свойственна также чувашскому, якутскому, башкирскому, хакасскому языкам.

2. В области грамматики общими для всех татарских говоров Башкортостана являются следующие особенности:

а) уменьшительно-ласкательный аффикс существительных *-қай/-кәй*, как и в литературном языке, присоединяется к именам, обозначающим живые существа, части тела человека, родственные отношения и ласкательным словам по отношению к ним: *балақай* ‘деточка’, *сандугачкай* ‘соловушка’, *башкай* ‘головушка’, *кийәүкәй* ‘зятёк’, *жаңкай* ‘душенька’ и т.д.

В татарских говорах Башкортостана этот аффикс употребляется шире, чем в литературном языке, причем оттенок ласкательности,

передаваемый им, слабее (*ирекэйләр* – лит. ирләр/ир-атлар ‘мужчины’, *кызыкайлар* – кызлар ‘девички’ и т.д.):

– Аффикс *-қай/-кэй* может присоединиться к именам собственным, абстрактным именам, названиям животных, при этом значение ласкательности или выступает не очень четко, или даже утрачивается: *Безнең асыл тирәләй Агыйделкэй йылғасы ағып йата* (крмн.) ‘Около нашей деревни течет река Агидель’. *Аның хәтеркәйе ныг әйбәт* (менз.) ‘У него очень хорошая память’. *Дөһиякайлар матур булсын!* (байк.) ‘Пусть мир будет прекрасен!’. *Кәжәкәйе йуғалған* (злт.) ‘Пропала (ее) коза’.

Присоединение *-қай/-кэй* к именам, обозначающим живые существа, собственным, абстрактным и др., активно наблюдается в татарских фольклорных жанрах, особенно в народных песнях.

– Данный аффикс, в отличие от литературного языка, может присоединиться не только к словам, обозначающим одушевленные предметы, но именам, выражающих неодушевленные предметы (*утынкай* ‘дрова’, *балтакай* ‘топор’), а также к другим частям речи без эмоционального оттенка: вопросительному местоимению *нәрсәкэй/нәмәкэй* – лит. нәрсә ‘что’, прилагательным: *жылыкай* ‘теплый’, *каракай* ‘смуглый’, наречиям, послелогам и послеложным словам: *өскәйләренә* ‘над, верх, на’ и др. Примеры: *Утынкайга дип китте* (бирск.) ‘Пошел за дровами’. *Қырық тәңкә ақсақай пирә* (тпк.) ‘Дает сорок копеек’. *Нәрсәкэй дип сорады ул* (стрл.) ‘О чем он спрашивал’. *Матур ғына қарақай йегет* (крмн.) ‘Красивенький смугленький парень’.

Некоторые из этих особенностей прослеживаются в татарских фольклорных жанрах и в творчестве татарских писателей Башкортостана [Булатова, 2015: 69; 2016: 98–99]: *Сөнөкэй* (назв. реки) *буйқайлары кевекәй* (послелог) *асыллар жир жәнәшә-тирәдә қайда бар* (бакал.) ‘Где еще имеются такие красивые места, как побережье реки Сунь’. *Тау аскайларында* (послеложн. слово) *бөрлегән, /Тау өскәйләрендә карлыган...* (Дәрдемәнд).

– В некоторых татарских говорах данного ареала (курмантауском, турбаслинском говорах и в белеевском подговоре мензелинского говора) слова, образованные при помощи аффикса *-қай/-кэй*, употребляются еще и в значении ‘некто, некий, незнакомый, какой-то человек’: *Ана бер кешекәй килә* (трбс.) ‘Вон идет

какой-то человек'. *Теге хатынқай сине сақыра* (крмн.) 'Та женщина тебя зовет'. *Матур ғына бичәкәй инде* (бел.) 'Вообщем, одна некая красивая женщина'.

– Аффикс *-қай/-кәй* также выступает и в качестве словообразующего аффикса: *қылдықай* (учл.) 'котел', *лапақай* (крмн.) 'низкорослый, толстый (о человеке)', *сәтләкәй* (злт.) 'молочай' и т.п.

Активность употребления и расширения семантики аффикса *-кай/-кәй* характерна и для татарских говоров Зауралья.

б) случаи употребления вариантов местоимений *миңә/мийә* – лит. *миңа* 'мне', *сиңә/сийә* – *сиңа* 'тебе';

в) наличие указательных местоимений *анау/анавы* (лит. *әнә ул* 'вон тот') и *монау/монавы* (менә ул 'вот этот'). Местоимения *анау, монау* употребляются также в ичкинском, сафакульском, каргалинском, красноуфимском, лаишевском, нагорных говорах среднего и восточных (сибирско-татарских) диалектах, в *ц*-окающих говорах западного (мишарского) диалекта; присущи кыпчакским языкам;

г) употребление вопросительного местоимения *кайсылай* – лит. *ничек* 'как, каково, каким образом': *қайсылай эшләргә* 'как сделать?';

д) местоимение *нәрсә* в данном ареале имеет несколько вариантов: *нийәрсә/нийәрсәкәй/нәрсәкәй/нәстә/нийәстә/нәстәкәй/нәмә/нәмәкәй/нәмәстә/нәмәстәкәй* (*Нийәрсәкәй кирәк* 'Что надо?'). Варианты *нәстә/нийәстә* характерны также для мишарских, заказанских говоров татарского языка. Местоимения *нәрсә* и его варианты с аффиксом *-кай/-кәй* выступают и в татарских говорах Зауралья;

е) употребление собирательных числительных вместо количественных при присоединении аффиксов принадлежности: *берәүсе* – лит. *берсе*. *Берәүсе кайтмаса да кыйын* 'Тяжело, если даже один из них не вернется'. *Бу икәүсен* (икесен) *былтыр алдым* 'Этих двоих купила в прошлом году';

ж) в говорах рассматриваемого ареала значительно активнее, чем в литературном языке, употребляется глагольная форма на *-ыңқыра/-еңкерә*, выражающая неполноту (*айагы өшөңкерей* '(его) нога немного мерзнет'), обычность, постоянство (*усакны тактага йарыңкериләр* 'осину обычно распиливают на доски'), усиление (*коймак ачыңқыраган* 'блинное тесто чуточку прокисло') действия;

з) оформление именного сказуемого личными аффиксами: *Үзләре кайдалар* (кайда) *икән?* ‘Где же они сами?’. *Чегәннар сез-дәләрме* (сездәме)? ‘Цыгане у вас?’. Распространено и в мишарских говорах Поволжья;

и) употребление причастной формы на *-ыр* и с оттенком долженствования: *Укырга керер жылы* ‘В этом году должен пойти учиться’;

к) отклонения в употреблении залогов: *бетү* – лит. бетерү ‘заканчивать’, *йазышу* – язү ‘писать’, *суу* – суыну ‘остывать’ (*укууын бетте* (лит. бетерде) ‘закончил учиться’, *эшләп беттем* (лит. бетердем) ‘закончил дело’; *йазышып* (лит. язып) *утырам* ‘пишу, занимаюсь писаниной’);

л) возвратный залог без прямого дополнения выражает действие для себя вообще, обобщенность: *тегенә* ‘шьет, занимается шитьем’, *утүкләнә* ‘гладит’ и т.п.;

м) в изучаемых говорах ареала глаголы 1 лица единственного и множественного чисел желательного наклонения имеют форму *-айым/-әйем*, *-айық/-әйек* (*Бийергә өйрәтәйемме* (лит. өйрәтимме)? ‘Научить ли танцевать?’). В стерлитамакском говоре, бакалинском и белебеевском подговорах наряду с формами литературного языка (*-им/-ыйм*, *-ик/-ыйк*), употребляется афф. *-ыйым/-ийым*, *-ыйык/-ийек* (*Мин синең белән барыйым* ‘Пойду-ка я с тобой’).

Аффиксы желательного наклонения *-айым*, *-айық* активно выступают во многих других говорах среднего (напр., астраханском, касимовском и др.) и сибирско-татарских диалектов татарского языка. Это явление характерно для татарских народных песен; бытовало в памятниках старотатарской и древнетюркской письменностей.

Отметим, что глаголы желательного наклонения употребляют-ся в диалектах и говорах татарского языка в разных фонетических вариантах: в отдельных говорах среднего диалекта *-айым*, *-айық* (*барайым*, *барайық*), в западном (мишарском) – *-ыйым*, *-ыйык* (*барыйым*, *барыйык*). В восточных (сибирско-татарских) диалектах параллельно с формой *-айым* прибегают к древнетюркской форме *-айын/-әйен* (*барайын*).

В древнетюркских письменных памятниках для обозначения желания использовались формы *-айын/-әйен* [Кондратьев, 1970: 30], а с середины XVI века в письменной литературе наряду с афф.

-ын/-ен (-айын/-эйен) употребляются и афф. -ым/-ем (-айым/-эйем). Например, в произведениях поэта XVI в. Мухамедьяра формы -айын/-эйен и -айым/-эйем применяются параллельно:

*Куй мәне, үз халем илә булайын,
Мөддәгыйлар сүзедин кортылайын*
(«Төхфәи мәрдан»)

*Кызга әйде: мән сине никах берлә алайым,
Сәнең өчен җаным нисар кылайым*
(«Төхфәи мәрдан»).

Известно, что форма на -айым в старотатарском литературном языке бытовало до начала XX столетия. В настоящее время эта форма встречается в произведениях отдельных писателей и воспринимается как диалектная, например: *Әйтәйем инде сезгә тугры сүзем* (М. Гафури).

*Кил, милләтем, һөнәр-гыйльмә тырышаек,
Бил баглап, мәйданә чыгышаек.*

(М. Гафури, «Вә иннә мин эш шигъри ли хикмәтин», 1903).

Глаголы с афф. -ай/-эй употребляются в разных тюркских языках, например, в азербайджанском, карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском, уйгурском, хакасском, якутском, турецком и других [Гаджиева, 1973: 187]. В говоре желтых уйгуров употребляется афф. -гый (вариант аффикса -гай). В памятниках древнетюркской письменности также встречаются глаголы с афф. -гай [Малов, 1951: 301]. В тюркологической литературе имеется мнение, что аффиксы -ай/-гай образуют единое этимологическое гнездо [Дмитриев, 1940: 121–123];

н) в татарских говорах Башкортостана отрицательная форма деепричастия на -ын/-ен, наряду с литературным (-мый/-ми, -мыйча/-мичә) и другими диалектными формами (-май/-мәй, -мыйчы/-миче, -мыйчак/-мичәк, -мыйчан/-мичән, -мыйса/-мисә, -мыйсан, -мәйсе), сохранился как в старотатарском литературном в виде -майынча/-мәйенчә, образованная древней формой отрицания и древним аффиксом деепричастия на -ын: -майын/-мәйен (ма + й + (ы)н) и наречным окончанием -ча: *Өстөнә кимәйенче* (лит. кимичә) *чыкқан* (бирск.) ‘Вышел не одевшись’. Например, прослеживается

в творчестве Гаяза Исхаки (писателя конца XIX – начала XX в.): *Алмания туктамаенча* (лит. туктамыйча) *яңа корал күндерә* [Исхакий, т. V: 24]. *Ул сизмәенчә дә шул гаиләнең эгъзасы кебек булып китте* [Исхакий, т. V: 29]. Для татарских говоров исследуемого ареала характерно фонетические варианты: *-майынчы/-мәйенче* (трбс., менз.), *-мыйынчы/-мийенче* (бел., стрл., бакал.), *-мыйынчы/-мийенче* (байк.), *-майынса/-мәйенсә* (крмн., учл., тпк.), *-майынсы/-мәйенсе* (тпк., злт.). Например: *Йоқосы туймайынсы торды* (злт.) '(Он) встал, не выпавшись'.

Вышеуказываемые отрицательные формы деепричастий встречаются и в других говорах среднего (*-майынчы/-мәйенче*, *-мыйынчы*, *-майынсы*) и западного (мишарского) (*-мыйынча/-мийенчә*, *-мыйынчы/-мийенче*, *-мыйнчы*) диалектов. В сибирско-татарских диалектах (тоболо-иртышском, барабинском), наряду с *-майынчы/-мәйенче*, в отличие от других диалектов, сохранился и в форме *-майын*, *-мыйн*, *-мин* (*Киткесе килмәйен* (лит. килмичә) *сықтап алты* 'Поплакал, не желая уезжать'), как и в некоторых тюркских языках;

о) прошедшее многократное время передается: 1) аналитической конструкцией *-а/-ә*, *-ый/-и(й)* *торган иде* (как в тат. лит.), где вспомогательный глагол *иде* (в говорах ареала *ыйы/ийе*) изменяется по лицам (*Бәләкәй сақта әтей белән базарга бара торган ыйық* (крмн.) 'Когда я был маленьким, мы обычно с отцом ездили на базар'; *Қарышы гына ишимә була торғаныи* (учл.) 'Бывало, прямо напротив бился родник'); 2) формой *-р + иде (ийе)*, которая употребляется во время воспоминаний и выражает обычные или регулярные действия, имевшие место в прошлом (*Йырга остайы, үде уйнар ыйы, үде йырлар ийе* (тпк.) 'Петь была мастерица, бывало, сама играла, сама же пела'). Форма *-р + иде* имеет большое сходство с говорами среднего диалекта (заказанскими, параньгинским, нагайбакским и с говорами оренбургских татар); встречается и в древних письменных памятниках; 3) сочетанием деепричастия на *-а/-ә*, *-ый/-и(й)* с аффиксом *-дыр/-дер* (исторически восходящим к глагольной основе *тор-*) плюс вспомогательный глагол *-иде* в спрягаемой форме (*Әби-сәби дәвәт кийәдер ийе* (бел.) 'Бывало, старушки носили перевязь'. *Тее киленкәйне үзем жаратадырыйым* (стрл.) 'Ту невесту я сама любила'). Эта форма прошедшего многократного времени активно употребляется в заказанских, нагорных,

касимовском, нагайбакском, ичкинском говорах среднего диалекта, встречается и в говорах западного (мишарского) диалекта;

п) основной формой инфинитива, как и в литературном языке, является форма на *-ырга/-ергә* (напр., *сүләшергә йарата, укырга китте*). Инфинитив на *-ырга* в сочетании со словами *кирәк, бар, юк, тиеш, иде, бул-, ит-, тел-, туры кил-* и т.д. выражает различные модальные значения, что характерно для всех говоров исследуемого ареала (*Буген кайтырга тийеш* ‘Сегодня должен приехать’; *Барып килергә былды* ‘Решил съездить’).

Среди данных конструкций определенный локальный характер имеет *-ырга итә*: в сочетании с вспомогательным глаголом *ит* ‘делать’ инфинитив на *-ырга* выражает намерение лица совершить действие (также и *-ырга + әйтә* в крмн., бел., трбс. говорах): *Бу безне алып китергә итә ахырысы* (бирск.) ‘Он, кажется, хочет нас увезти’. *Йамгыр йауырга (ә)йтә* (яварга тора) (крмн.) ‘Дождь собирается’. *Қаз өйгә керергә итә* (кормәкче була) (трбс.) ‘Гусь намеревается зайти в дом’. Изоглосса *-ырга итә* в указанном значении характерна и для ичкинского, красноуфимского, мензелинского, пермского, сафакульского говоров среднего диалекта. В говорах западного (мишарского) диалекта это значение выражается сочетанием инфинитива на *-ырга* с глаголами *ат'ты* ‘сказал’, *сүли, сүләде* ‘говорит, говорил’, т.е. *ырга+ат'а* [Махмутова, 1978: 144]. Ср.: в сибирско-татарских диалектах *-галы+итә*.

Отметим, что инфинитив на *-ырга* является ядерным элементом диасистемы [Юсупов, 2004: 197], он представлен во всех диалектах татарского языка. Исключение составляют лишь касимовский, нукратский говоры, частично пермский говор среднего диалекта. В параньгинском, нагорно-кряшенском говорах употребление данной формы крайне ограничено. Инфинитив на *-ырга* более специфичен для западного (мишарского) диалекта, в восточных (сибирско-татарских) диалектах имеет регулярное употребление лишь в тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта;

р) форма инфинитива на *-асы*, по сравнению с заказанской и нагорной группами говоров, в рассматриваемых говорах употребляется редко и выражает намерение, желание говорящего совершить действие (*Кичәгенәк Жанавылга китәсийе* (менз.) ‘Вчера нужно было уехать в Янаул’). Форма на *-асы* обычно используется

в конструкциях типа *барасым килә, барасым бар, барасым йук, барасы булган* (Эшкә барасың йуқ (бирск.) ‘Тебе не нужно идти на работу’. Ишек төбөндә көтеп торасы булган (бел.) ‘Надо было ждать у двери’). Ср.: так же и в говорах пермских, красноуфимских, ичкинских, оренбургских татар; активное употребление формы на *-асы* им не характерно.

В системе татарских диалектов форма на *-асы* считается специфической особенностью говоров среднего диалекта. Однако в качестве инфинитива форма на *-асы* представлена не во всех его говорах. Активно употребляется в параньгинском, нагайбакском, в заказанской и нагорной группах говоров, особенно центром данной изоглоссы является нукратский, нижнекамско-кряшенский говоры (*Миңга Мустайга төшәсе, суган менгерәсе* (нукр.) ‘Я должен ехать в Мустайкино и привезти лук’). Формы на *-асы* в этих говорах, сочетаясь с различными модальными словами, вспомогательными глаголами, образует многочисленные конструкции с разнообразными модальными значениями (совет, пожелание, приказание, необходимость и т.д.). Ядерным элементом в семантике этих сочетаний является идея долженствования и необходимости. Инфинитив на *-асы* не характерен для мишарского и сибирско-татарских диалектов. Отдельные случаи употребления этой формы в значении инфинитива в отдельных нас.пп., относящихся к чистопольскому и подберезинскому говорам мишарского диалекта, рассматривается как результат влияния соседних говоров среднего диалекта;

с) наблюдается употребление формы на *-мак/-мәк* в определенных падежах или сочетаниях: *анда нишләп йөрмәк кирәк* ‘зачем нужно ходить туда’; *тумактан калмагач, үлмәктән калмабыз* ‘раз родились, то и умереть придется’; *сынамаг өченгә* ‘чтобы испытывать...’ Изоглосса таких явлений начинается с камышлинского говора среднего диалекта, они имеют место в мишарских говорах Поволжья, распространены и в башкирских говорах. Форма на *-мак* особенно активно выступает в агрызском подговоре мензелинского говора (в функции имени действия, инфинитива, причастия и др.), известна как книжная форма, активно бытовала в татарском письменном литературном языке до начала XX в.;

т) употребление союза *исә* в сочетании с формой прошедшего категорического времени на *-ды*. Конструкция *-ды + исә* выражает

причинно-следственные, условные или временные отношения между действиями или состояниями: *барды исә күрер* ‘после того, как пойдет, увидит’; *ныклар карады исәм* (карасам) – *танымдым* ‘поскольку посмотрела как следует, узнала’, *йаттың исәң урын жәйүле* ‘если ложиться, постель постелена’, *эшләрең беттисә* (беткәч тә), *тиз генә қайт* ‘как только закончишь дела, быстро возвращайся’ и т.п. [Булатова, 2013: 185]. Аналогично в некоторых кряшенских, нукратском, зауральских говорах татарского языка. Конструкция *-ды исә* (Ср.: древнетатарское *-ды ирсә*) широко представлена во всех памятниках старотатарской, древнетюркской письменностей [Борынгы татар әдәбияты, 1963: 102, 227, 380 и т.д], в т.ч. «Кисса-и Юсуф», «Кутадгу билиг», в словаре М. Кашгари.

Традиционные нормы старотатарского литературного языка продолжали употребляться вплоть до начала XX в., а отдельными писателями использовались даже до 1930 г. Например, это прослеживается в творчестве писателей М. Гафури, З. Рамеева (Дәрдмәнд), родившихся в Гафурийском и Мелеузовском районах [Булатова, 2015: 70; Булатова, 2016: 171–172]:

*Телләре югалмәдисә, мәңге югалмас татар;
Милләт ашдыкча (ашкан саен) – ашар, милләт
яшьдекчә (яшәгәндә) – яшәр.*
[Мәжит Гафури, т. I : 195]

*Син нидер иттең исә атаң өчен, анаң өчен,
Син дә углыңнан алырсың аны, әлбәт, и углан.*
[Дәрдемәнд, 1959]

Как видно, в татарских говорах Башкортостана обнаруживается ряд явлений, активно бытовавших и в памятниках старотатарской литературы. Видимо, когда-то литературный язык и местное койне имели довольно много общего. Общеизвестно, что литературный язык стремится к лаконичности и старается исключить многовариантность, поэтому в литературном языке используется только один вариант из аффиксов, грамматических показателей и др. В ходе развития татарского литературного языка некоторые традиционные формы были утрачены, но они сохранились в говорах (в том числе и в говорах татар Башкортостана) и рассматриваются как диалектальные явления: [ә] вместо [и] (*нәк* – лит. ник ‘зачем’, *кәштә* –

киштә 'полка', мәңа – миңа 'мне', кәрәк – кирәк 'нужно' и др.), [й] вместо [ж] (йиңел – жиңел 'легкий'), -ай/-эй вместо лит. -ый/-и(й), глагольные формы -мага/-мәгә, -макка/-мәккә (бармага, бармакка 'идти'), -ың/-ең, -ң (барың – лит. барыгыз 'идите') и т.д.

Некоторые общие со старотатарским литературным языком формы более активно употребляются в локальных фольклорных произведениях, особенно в обрядовых песнях. Например, дифтонг -ай/-эй используется буквально в каждом тексте народных песен.

Рассмотренная группа особенностей, на наш взгляд, свидетельствует о том, что они были присущи татарским говорам Башкортостана с древнейших времен.

Некоторые диалектные черты выделяют определенные территории в Приуралье. Одной из таких особенностей следует считать форму повелительного наклонения 2 л. мн.ч. на -ың/-ең/-ң (лит. -гыз/-гез). Например: *Сез җатып җоклаң* (лит. йоклагыз), *мине көтмәң* (көтмәгез) 'Вы ложитесь спать, меня не ждите'. *Безләрни монда күб йыратмаң, өйләргә кергәч йавап бирәлмәм* 'Не заставляйте меня долго петь, т.к., когда окажусь в избе, не смогу отвечать' (из обрядовой песни). Изоглосса этой особенности охватывает приуральский ареал в пределах янаульского подговора мензелинского говора, бирского, учалинского, златоустовского говоров среднего диалекта, байкибашевского говора западного (мишарского) диалекта, пермского говора среднего диалекта, также и ичкинского говора Зауралья и сибирских диалектов татарского языка. В памятниках старотатарской письменности эта форма бытовала в такой же функции (в «Нахдж эль-Фарадис», у М. Кулья, у У. Имяни – *ың/-ыңыз* [Борынгы татар әдәбияты, 1963: 226, 490, 569 и др].

Ср.: в других тюркских языках – якутском *ылың*, тувинском *алыңар*, хакасском *алынъар*, уйгурском *алиңлар*, турецком, гагаузском *алың/алыңыз*, туркменском *алың/алайың*, узбекском *алын*, восточном диалекте башкирского *алың*. Считают, что форма глагола на -(у)ң/-(ү)ң/-(і)ң передает оттенок почтительного отношения, однако чаще выражает множественное число [Батманов, 1959: 87].

Одним из локальных особенностей Башкортостана является склонение личных и указательно-субстантивных местоимений в пространственных падежах со сложными окончаниями:

миңарга/миңэргэ/мийэргэ, сиңарга/сиңэргэ/сийэргэ, аңарга, мыңарга, шуңарга (дат.-напр. падеж), мийэрдэн, сиңэрдэн/сийэрдэн/сиңардан, аңардан, шуңардан, мыңардан (исх. падеж); миңардә/миңарда/мийэрдә, сиңэрдә/сиңарда/сийэрдә, аңарда, шуңарда (местн.-врем. падеж). Это явление наблюдается в златоустовском, курмантауском, тепекеевском, бирском, частично (северо-восточная часть территории распространения) стерлитамакском говорах, т.е. оно локализуется в пределах мишарских или сформировавшихся с участием мишарского компонента говорах западноприуральского ареала. Оно, по всей вероятности, представляет собой явление контаминации. Ср.: указательные местоимения *аңарга*, *моңарга*, *тееңэргэ* в среднем диалекте и *анарга*, *шынарга* и т.п. в западном (мишарском) диалекте. В итоге получилась цельная система, охватывающая как указательные, так и личные местоимения.

В байкибашевском, златоустовском, курмантауском, тепекеевском говорах ареала наречия типа *безнеңчә*, *сезнеңчә*, *минемчә* литературного языка употребляется в форме *безнекенчә* (байк.)/*безнекенсә* ‘по-нашему’, *сезнекенчә* (байк.)/*сезнекенсә* ‘по-вашему’, *минекенчә* (байк.)/*минекенсә* ‘по-моему’ и др.: *Безнекенчә* (безнеңчә) *сүләшә* (байк.) ‘Говорит по-нашему’. *Үзеңнекенсә* (үзеңчә) *эшлә* (крмн.) ‘Сделай по-своему’.

В мензелинском (белебеевском подговоре), курмантауском, тепекеевском, учалинском говорах 2 лицо мн.ч. настоящего, а также прошедшего результативного и будущего времен изъявительно-го склонения оформляются с помощью сложного аффикса *-сыгыз/-сегез*; *-сыгыд/-сегед* вм. лит. *-сыз/-сез* (*барасыгыз* – лит. *барасыз*, *баргансыгыз*, *барырысыгыз*). Это явление в татарском языке распространено и в других говорах среднего диалекта (заказанских: параньгинском, мамадышском, лаишевском; каргалинском и др.); является исторически общим для татарского и башкирского языков. Характерно, в основном, для кыпчакских языков, имеет место и в языках огузской группы.

В число локальных особенностей внутри ареала можно включить также и гораздо активное употребление, чем в литературном языке, причастной формы на *-учан/-үчән* (в стерлитамакском), *-уцан/-үцән* (в байкибашевском). Она выражает постоянное свойство, склонность к чему-либо, выступает, в основном, в функции

сказуемого, реже – определения: *Ахирәтемнең сеңлесе беләзек кийүчән* ‘Младшая сестра моей подруги обычно носит браслет’.

Изоглосса на *-учан* охватывает территорию распространения байкибашевского и часть территории стерлитамакского говоров: села, расположенные по обоим берегам среднего течения р. Уршак, в заселении которых участвовали и потомки служилых мещераков бывшей Осинской дороги, мигрировавшие оттуда в XVIII в. в южном направлении.

Некоторым татарским говорам Башкортостана характерно употребление неопределенного местоимения *берәй* – лит. берэр ‘по одному, какой-нибудь, как-нибудь’, *берәйсе* – берәрсе ‘кто-то, кто-нибудь’; наречий: *әзрәк торғач* – лит. безраздан ‘позже, попозже’; *тәүдә/иңтәүдә* ‘сначала’, *иртәгә соңга/иртәгә соңа/иртәдән соңга* – берсекөнгә ‘послезавтра’ (ср.: фонетические варианты данной лексемы распространены в западном (мишарском) диалекте: у татар Ульяновской и Пензенской областей – *иртәгәдән соңга/иртәгәдән соң*, Мордовии – *иртә соң/иртә ары*, Нижегородской обл. – *иртә узгач* и т.д.); и т.д.

3. Общие для всех говоров Башкортостана особенности проявляются и в области лексики. Прежде всего данный ареал, вместе с Зауральем и Сибирью, выделяется номенклатурой терминов родства: *картәни/картинәй/нәнәй* – лит. дәү әни/әби ‘бабушка’, *картәти/картатай* – лит. дәү әти/бабай ‘дедушка’, *инә/инәкә/әни/әнкәй* – лит. әни ‘мать’, *әби* ‘старшая сестра отца или матери’, *бабай* ‘старший брат отца или матери’; в златоустовском, курмантауском, тепекеевском *қайымбикә/қәйенбикә/қәймиңкә* – лит. каенигәч ‘старшая сестра мужа или жены’; другие термины: *тукал* – лит. мүкләк ‘комольй’, *пыйма/пима* – лит. киез итек ‘валенки’ (см. на стр. 69), *башай/башантай/башалтай* – йон оекбаш ‘шерстяные носки’; *муйыл* – шомырт ‘черемуха’, *қарағат* – кара карлыган ‘черная смородина’ и т.д.

Рассмотрим, к примеру, распространение, значение и фонетические варианты некоторых слов. В татарских говорах Башкортостана семантическую группу со значением ‘мать отца или матери’ образуют лексемы *нәнәй/нәнә/қартинәй/картәни* – лит. дәү әни, әби ‘бабушка’. В курмантауском, мензелинском, стерлитамакском, тепекеевском, турбаслинском – *нәнәй*; байкибашевском, бирском

говорах – вариант *нәнә*. Ср.: *нәнэй* в каргалинском (Оренбургье), камско-устыинском (Татарстан), сафакульском (Челябинская и Курганская обл.), ичкинском (Курганская обл.) и *нәнә* в сибирско-татарских: тарском (Омская обл.), тобольском (Тюменская обл.) говорах – в таком же значении. Данное слово в татарских говорах других ареалов может употребляться и в иных значениях: *нәнә* в балтасинском, астраханском, эуштинско-чатском, заказанско-кряшенском – ‘мать, мама’; дубьязском – ‘форма обращения к жене старшего брата отца или матери, если она по возрасту младше их’; тевризском, тобольском – ‘младший брат или сестра’; заказан., тевризском говорах – ‘маленький’. *Нәнэй* в мамадышском, балтасинском, чистопольско-кряшенском, сергачском говорах в значении ‘мать, мама’, темниковском, кузнецком говорах ‘форма обращения соседских детей, родных и близких к пожилым женщинам и старухам’ [ТТЗДС: 495]. Р.Г. Ахметьянов указывает, что данная лексема – всему миру известное ономопозитическое слово: удмуртском *нәнә*, грузинском *нана*, индонезийском *nenek* ‘нәнэй’, китайском *нянтян* ‘кендек эбисе’, ‘бэби бүләк итүче алиһә’, ‘императрица’, персидском *нәнә*, шумерском *нана* ‘ана; эби алиһә’ и др. [Ахметьянов, 2015 (II): 64]. В турецком *nene/нине* ‘мать, родительница’, азербайджанском *нәнә/нинә* ‘мать, матушка’, туркменском диалекте *нәнэй/нә:нә/нәнә* ‘мать’. В башкирском литературном ‘бабушка’ это *өләсәй*. В татарских говорах исследуемого ареала ‘бабушка’ выражается также словом *кәртәни/қартинә(й)/қәртәнэй/қәртнэй*, который характерно и для татарских говоров восточной части Татарстана (мензелин. говор), Оренбургской области, Пермского края, Курганской области и Сибири [ТТЗДС: 393]. В башкирском диалекте: *қәртәсәй, қәртнэй, қәрсәй* [Башкорт һөйләштәренен һүзлеге. Т. III (Көнбайыш диалект): 126]. Изоглосса корня *-ин/-эн* включает в себя ряд тюркских языков кыпчакской, восточной групп, что свидетельствует о древности данного термина родства.

Бид(е)рә/бид(ы)ра < рус. ведро – лит. чиләк. Заимствованное из русского языка данное слово, кроме татарских говоров изучаемого ареала, распространено и у татар Пермского края, Оренбургской, Самарской областях, восточной части Татарстана и т.д. Например, в дрожжановском (Чувашия, юго-западная часть Татарстана), нагорно-кряшенском (Татарстан) *бидра*, сергачском (Нижегородская

обл.) *бедра*, нукратском (Кировская область, Удмуртия) *бедра/бидра*. В говорах восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка оно функционирует в форме *пәтрә*.

Лексический состав татарских говоров Башкортостана характеризуется общностью с лексикой татарского литературного языка и других современных тюркских языков. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного диалектов, также обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных (сибирско-татарских) диалектов татарского языка. В незначительном количестве встречаются слова, характерные для башкирского языка. Это вполне естественно, так как татарское население данного ареала в течение нескольких веков жило в непосредственном соседстве и в тесном контакте с башкирами (например, *арналган* – тат. лит. багышланган ‘посвященный, предназначенный’, *йалагай* – ажаган, арыш камчылау ‘зарница’, *туқал* – мүкләк, мөгезсез ‘комолый, безрогий’, *сәрмәү/сәрмәнү* – капшау, кармалау ‘щупать, ощупывать; схватить’). Имеются заимствования из русского, арабского, персидского и финно-угорских языков. Некоторые слова восходят к древнетюркскому языку.

Таковы основные положения этнолингвистической характеристики татарских говоров Башкортостана в ареальном аспекте. Приведенный выше материал показывает, что в области фонетики, грамматики и лексики для говоров Башкортостана характерны в основном татарский фонематический состав, грамматика, общетатарский лексический фонд.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Многолетние монографические исследования ученых методом лингвогеографии, а также и наши изыскания с ареалогической точки зрения показали, что в Башкортостане бытуют следующие татарские говоры, относящиеся к двум основным диалектам татарского языка: белебеевский, центральный, янаульский подговоры мензелинского говора, бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора, бирский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, златоустовский, учалинский говоры среднего диалекта и байкибашевский, стерлитамакский говоры западного (мишарского) диалекта. Известно, что средний диалект является опорным диалектом татарского литературного языка, особенно его фонетической системы и лексического состава, в сложении же грамматического строя литературного языка большую роль сыграл западный диалект.

По многочисленным исследованиям ученых, а также результатам «Атласа татарских народных говоров» (Казань, 2015) доказано, что говоры Башкортостана входят в единую диалектную систему татарского языка, а их носители по своим основным этническим особенностям являются неотъемлемой частью единого татарского этноса. В то же время рассматриваемые говоры объединяются между собой в одно целое наличием ряда особенностей, составляющих ведущие, дифференциальные признаки среднего и западного (мишарского) диалектов, а также отличаются от остальных говоров татарского языка отдельными этноязыковыми особенностями.

Как показывают данные исследований по истории, археологии и этнолингвистике, архивных источников, пути этнического и культурного развития населения Волго-Камья и Башкортостана были тесно переплетены еще в первой половине I тысячелетия нашей эры. Урало-Поволжье издревле являлось одним из тюркоязычных

ареалов и в болгарский период (Волжская Булгария) была заложена основа формирования татар на территории Башкортостана. Продвижение на восток болгарских и других племен, испытывавших болгарское влияние, привело к дальнейшему усилению генетической общности тюркоязычного населения этих двух ареалов: Поволжья и Западного, Южного Приуралья. В периоды Золотой Орды и Казанского ханства эта общность продолжала углубляться. После падения Казанского ханства и присоединения Приуралья к Русскому государству, в конце XVI в., XVII–XVIII вв., произошли весьма интенсивные и массовые переселения уже сложившихся поволжских татар в исследуемый ареал, что еще более укрепило как этническую, так и культурно-экономическую общность между населением рассматриваемых территорий; привело к формированию исконно-татарских говоров. В XVII–XVIII вв. правительством были переселены в Башкортостан служилые мишари, сыгравшие значительную роль в этнолингвистических процессах, происходивших в данном регионе.

Этноязыковая ситуация рассматриваемого ареала складывалась в весьма специфических политико-экономических условиях. Изучение многочисленных архивных источников позволило ученым прийти к выводам о том, что существование татар Башкортостана под различными названиями, носившими в большинстве случаев сословный характер, связано со способами устройства их на занятых ими землях. Языковой материал совпадает с историческими заключениями. А это, в свою очередь, позволяет раскрыть происходившие на территории Западного Приуралья, Урала сложные социально-экономические процессы и подтверждает справедливость наших выводов об этническом единстве, общности языка различных сословных групп земледельческого населения данного региона.

Собранные и паспортизованные языковые материалы показывают, что носители татарских говоров Башкортостана хотя и фигурировали в документах под разными этно-социальными названиями («тептяри», «башкиры», «бобыли», «ясачные татары», «казанцы», «припущенники», «мещане», «крестьяне» и др.), они сохранили свой исконный родной татарский язык и традиционную духовную культуру, об этом ярко свидетельствует и их материальное и куль-

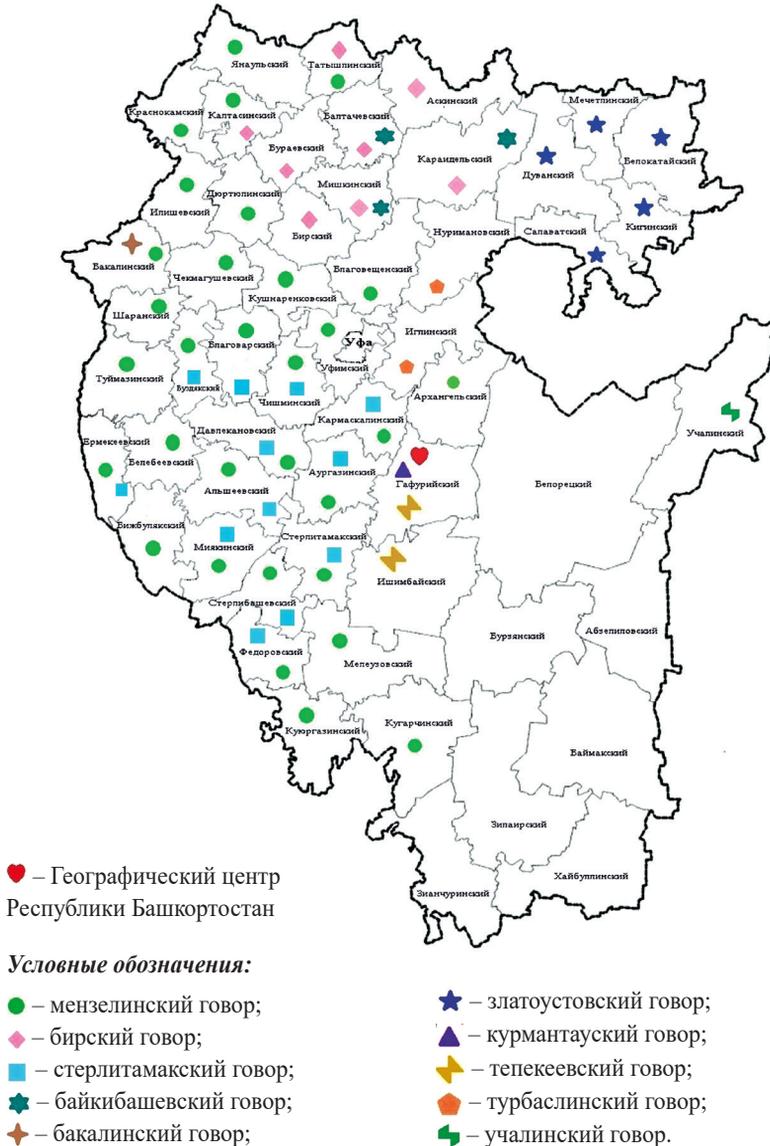
турное наследие, т.е. говоры, обычаи и обряды, архивные источники, их твердо убежденное самосознание.

Анализ большого количества материала показал, что являющиеся общими для всех говоров Башкортостана языковые особенности носят общекрыпчакский характер (-ган/-гэн, -мак/-мэк, -улы/-үле, калай и др.). Важный и объективный итог ареального подхода – это единство говоров данного ареала с татарским языком, хотя сочетание внутренних и внешних факторов генетического и ареального развития этих говоров обусловило и их специфику, своеобразие среди остальных говоров татарского языка.

Сопоставительный анализ с литературным языком, с другими татарскими говорами, а также с тюркскими (в т.ч. ближайшим башкирским, оказавшим непосредственное влияние) языками позволил прийти к выводу, что татарские говоры Башкортостана по фонематическому составу, грамматическому строю и по основному словарному фонду представляют собой часть татарского языка. Основа такого единства находит свое объяснение в истории формирования этих говоров и их носителей. Данный ареал являет собой специфическое лингвистическое пространство, сложившееся в зависимости от экстралингвистических условий, в ходе сложных исторических процессов.

Как видно из вышеизложенного, комплексный подход и тщательный анализ большого числа языкового материала в контексте исторических источников дает возможность объективно и научно обоснованно определить место говоров Башкортостана в диалектной системе татарского языка и доказать, что носители их составляют часть татарского народа.

КАРТА-СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ БАШКОРТОСТАНА

<i>т~д</i> [кинтер – лит. киндер]	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>д~з</i> [хәдер – лит. хэзер]	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-
	(сп. - в бел. подг.)					(сп.)				
<i>т~л, н</i> [биттек – лит. битлек, қартты – лит. қартны]	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
отриц. форма 1 л. будущ. времени -масмын/-мәсмен ~ мам(ың)/-мәм(ен) [килмәсмен – килмәм(ен)]	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
2 л. мн.ч. изъяв. накл. -сығыз/-сеgez ~ -сыз/-сез [барасығыз – лит. барасыз]	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-
	(сп.)									
2 л. ед.ч.изъяв. накл. -ң~-сың/-сең [утыраң – утырасың]	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-
2 л. мн.ч. повел. накл. -ң/-ың/-ең ~ -ғыз/-gez [сақлаң – лит. саклагыз]	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+
	(+ - в яна- ул. подг.)									(сп.)

сп. * – спорадически, т.е. одно и то же слово даже в речи одного и того же носителя может произноситься двояко;

«+» – характерно для данного говора;

«-» – не характерно для данного говора.

О ТРАНСКРИПЦИИ, ПРИНЯТОЙ В ДАННОЙ РАБОТЕ

В работе применена упрощенная транскрипция на основе существующей татарской графики. Дополнительно введены следующие буквы и знаки:

- a^o* – гласный *a* с губным оттенком, т.е. огубленный (лабиализованный)
- w* – губно-губной щелевой согласный
- ɕ* – глубокозаднеязычный (увулярный) глухой согласный
- ʒ* – глубокозаднеязычный (увулярный) звонкий согласный
- d* – интерденальный звук (межзубный вариант звука *z*)
- n'* – мягкий вариант согласного звука *n*
- m'* – мягкий вариант согласного звука *m*
- ʧ, ʧ'* – аффриката *ç*, имеющая взрывной элемент *t*
- ʃ'* – мягкий щелевой согласный вариант *ʃ*
- йа, йә* – я
- йу, йү* – ю
- йы, йе* – е
- ' – гортанный смычный звук
- ' – знак палатализации (смягчения согласных)
- / – знак вариативности
- // – знак параллели
- ~ – знак соответствия

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ*(в транскрипции)***Белебеевский подговор
мензелинского говора**

Бу чистый татар авылы. Исмәғыйл исемле дин әһеле килә үзенең Айдарғали, Арсланғали һәм Ибраһим исемле уллары белән. Килеп урнашкан шушы матур табигәтле жиргә. Айдарғали дигән улын хәзерге Айдарәли авылы урнашкан жиргә, Арсланғалине хәзерге Арслан авылы жиренә, Ибраһим дигән улын хәзерге Ибрай авылы урнашкан жирләргә урынлаштыра. Алар шул жирләргә нигез қороп йәшәй башлылар. Исмәғыйл бабай хөрмәтенә авылыбызға Исмәғыйл дигән исем бирелә. Соңрақ авылыбыз Йашырған дип йөрөтөлә башлый. Авылға килеп кергәнчә, асыл күренми. Йәшерелгән кебек. Шуңардан килеп чыққан дигән хәбәр дә бар. Икенче варианты та бар, ташқа бәйле.

*Записано в 2017 г. от Альмухаметова Миннигазима
Саниахметовича (1937 г.р.), с. Яшерганово
Стерлибашевского района Башкортостана*

Бирский говор

Умартаны қаравның бик күп йуллары бар. Иң беренче баздан чығарғаннан соңнда, қортларның исәнлеген тикшереп чистартыб аласың. Әгәр дә көннәр әйбәт булса, қорт чығып бер ике көн торғач та, умарталарны әйбәт итеп селте белән қайнарлап жуварға кирәк. Ул вақытта қортларны икенче бер умартаға күчереп торасың. <...> Анасын алабыз. Анасын жибәрмәйбез аның, сақлайбыз икенче бер умартаның анасы булмаса, аңа бирәбез. Йәки ул ана йаңадан кире шул умартаға килеп керә, икенче көнне айырыб алып чығып китәргә мөмкин. Ана қортның башы зурырақ, ә қорсақ өлөшә озонча была. Аның тавышы да айырыла. Чәрелдек тавыш чығара ул.

*Записано от Аитовой Гульюзум Хаматжановны (1925 г.р.),
с. Кузбаево Бураевского района Башкортостана*

Тепекеевский говор

Татарстанның Минзәлә районыннан (өязеннән?) күсенеп килгәннәр бедгә. Иван Грозный суқындыра башлағас. Татарларның бер группасы киткән Салават, Қыйғы, Мәсетле районнары тирәсенә. Бер төркөме киткән Учалы районына, бер төркөме килгән шушы беднең тирәгә: Йалғызқайын, Үтәк, Мақар и бүтән асыллар. Беднең асыл пашта Игенйылға пулмаған

ул. Бөрөшлө тигән асыл пулған. Аның урыны Красноуольскиның йанынта, Беришла тигән йылға қырында. Аннан беднең асыл Красный Пахар тигән асыл йанына килеб утырғаннар. Ике йылға пергә кушылып аққан урынқа. Игенйылға исеме шунардан килеп сыққан тип әйтәләр инте. Асылның основателләре – Йаныиш, Йаныбақ, Ишморат и Қалимулла. Менә дүрт брат пулғаннар болар, теге Минзәләдән күсенеп килгән вақытта. Шул Минзәлә йағыннан килгән татарлар бед менә.

*Записано в 2012 г. от Янышева Раиса Самигуллиовича (1935 г.р.),
д. Инзелга Гафурыйского района Башкортостана*

Златоустовский говор

Башкода (яучы) килә торғаныйы ситтән. Элек бит сатып бирделәр кызларны. Туйына ибә (ризальык билгесе) биреп қайтара торғаннарыйы килешеп. Теге ақса биреп қайта инде. Азақ туйға әзерләнәләр атасы, инәсе, кызны биргәс. Бирнә бирәләр туйға китергәс. Туғызар кис кундыралар. Туй шәп была иде. Башта қызда була, тәрбийәләп қайтаралар инде. Кийәүне сымылдыққа йабалар, шаршауға. Икене куна да кийәү қайтып китә, азақ тағын килә. Килен төшкән вахытта атасына да инәсенә дә күлмәк китерә. Килен қышаулық (кушъяулық, бөркәнчек) йабына. Қыз киткәндә ақса сибәләр, мылтық аталар киткәндә дә, төшкәндә дә. Халық күп былайы.

*Записано от Мустафиной Д.,
с. Насибаш Салаватского района Башкортостана*

Бакалинский подговор нижекамско-кряшенского говора

Оло көннөн өчөнчө көннө сөрән суғу була. Шул чағында жәшләр атқа атланып чығалар. Без аларға қойма өстөннән күкәй, кампит, перәннек бирәбез. Аннары берсе черемә жийа, бөтөн кеше аңан күкәй бирә, ул черемә күкәйен басуға итеп күмәләр, игеннәр уңсын дип.

Менә элек нардуғанға чыға торған бйық кийенеп. Кешемир күлмәкләр кийеп, тәңкәләр бәйләп, изү-мусалары бәйләп. Төшөп китәдерийек бәкегә. Бәкегә төшөп киткәчен қәзер баш кеше кирәк. Чәнчәкәй (чәнти) бармақ белән апқайтадырыйық сыуны. Менә миңа шундый бер кызык жыру чыққаныйе <...>.

Записано в д. Утарово Бакалинского района Башкортостана

Курмантауский говор

Су буйында йары бар, қызыл балсықтан, шунадыр Қызыл-Йар дип атала асыл. Этәйем мәрхүм сөйләше буйынса, безнең төп нәсел дип – Оренбург өлкәсендәге Қарғалы бистәсеннән килгән татарлар.

Ә Қарғалыға Татариядан, Грозный Қазанны буйсындырып, суқындыра башлагас, безнең бабайлар бу йаққа күсерелеп китерелгән былғаннар. Революциядән соң, колхозлашу вақыты житкәс, безнең амыллар, төп Сәғыйтовлар, үдләре бер колхоз қорабыд дип, бер бай сабанлығын алып, шушында килеп урнашқаннар. Безнең қартатайлар (*дәү әтиләр*). Бу амылда бар да Сәғыйтовлар, бутайлар безне. Татарлар без әлеғ-әлеғтән.

Записано в 2012 г. от Сагитова Раиса Нигъматулловича (1946 г.р.), д. Кызыл-Яр Гафурийского района Башкортостана

Безнең Қормантау тауы бик матур ул. Тәүдә жиләк жыйарға тау башына қалын урман эсеннән йул буйлап бара идек, ә хәзер тау итәге буйлап. Йаланына житкәс, жиләклек, матур йалан башлана: қып-қыдыл эре жиләкләре, мәтрүшкәләр сарысы да, қыдыл-көрәне дә, кура жиләге, қайын жиләге. Йүкә сәскәсе дә жыйалар. Жиләклеккә төрлө йақтан киләләр – Бурлы (*авыл ис.*) йағы йулыннан машина белән дә, Идел (*Ағыйдел елгасы*) аша паром белән дә сығалар. Тауның башына уқ менсән, йә тимер вышкаға үрмәләсән, бөтөн тирә-йақ амыллар, станция паласалары, пуйызд йулары, бормаланып Ағыйделнең ағып йатуы күренеп тора. Менә шундый йәмле тау ул безнең.

Записано в 2012 г. от Халиловой Магиры Миндулловны (1953 г.р.), д. Курмантау Гафурийского района Башкортостана

Турбаслинский говор

Иртән сағалар ыйы да чығарып жибәрәләр ийе сыйырны, кич үзе қайтайы. Кич сағып чығараларый да урамда жатайы сыйырлар. Атлар шулай буле жөрөй торғанный. Өйөрә белән ат асырайлар ыйы, бийә. Сыйырға көтү фәлән жуқ хәзерге кебек, үзе китә, үзе қайта. Атлар жалаңда жөри торғанный инде. Сарыққа көтү бар ый, қыш көнө абзарға жабалар ый. Сарықның үзенең мал өйө, атның үзене башқа лапас була торғанный. Тәбәшәк кенә мал өйө булыр ый сарыққа. Бәрәннәсә-нитсә керәб алу да қыйын була торғанный, бәрән абзары-фәлән жуғый, бәрән өйдә була торғанный. Безнең бик мал күп ийе. Жөдәп китәйем, жегерме бәпкә, қаз бәпкәсе, әле тағы бер ояа қаз утыра, үрдәг утыра ийе мич астында.

Записано от Каримовой Минзифы, д. Бибакты Иглинского района Башкортостана

Учалинский говор

Ин тәүдә йаусы килә инде қыд йаққа. Йегет йибәрә. Силәшәләр атай-инәйләре белән. Башқода дип әйтәләр. Туй билгесе сорайлар қыдың атасыннан, тастымал йибәрә қыд йағы. Йегет йақта қалын була, мәжлес. Йегет қалын бирдисә, танышып йөри башлайлар. Шуннан туй

була кыд йакта, никах укыйлар кыд белән йегеткә. Кис булғас, кийәүне алып киләләр. Бер атна кийәүне сыйлай. Кийәү мунсасы йағып торалар. Туй була да кыдға өй күрсәтәләр кәйнәләре. Өй күрсәтсә, кыд жайлап әзерләнә китәргә. Келәмнәр, сөлгөләр, сабыт-сабалар әзерлиләр, өшәнсек әдерли. Кийәүе алып китә, күсереб алалар кыдны. Кыд күсерәләр икән, кийәү булған кеше көймәле арбаны йигеп килә. Бер йеде-сигед кыд утыртып амылны әйләнәп сығалар. ...

*Записано от Хабибуллиной Хафизы,
с. Ахуново Учалинского района Башкортостана*

Стерлитамакский говор

Килен булып төшкәчтен, капкадан кәргәндә килен әйбер ыргыта. Мамык перчатка, йон наски и бер сөлге. Әйбер ыргытмыйча, капкадан кертми торалар килен утырган атны. Килен ыргыта да капка аша, шуннан кертәләр. Бийем мендәр чыгарып куйды. Зәйнетдин күтәрәп алып мине мендәргә бастырды. Бал-май каптырып, өйгә алып кәрдәләр. Ак күлмәк өстеннән алайпкыч бәйләп, башка йаулык. Көйәнтә, бидырәне (*чиләкне*) үзең алып төшәсең, бодай тутырып. Бер атналык тавыкларга ашарлык килен азык алып киләргә тийеш. Бидырә бодайны абзарга илтәп, тавыклар алдына салалар. Шул бидырәларны көйәнтәгә эләсең дә, аннан су йулына алып киттеләр. Шишмәгә килгәчтен дә, йаулык эләсәң. Свидетелләр суны алып бирә. Жилкәңә куйасың да көйәнтәңне, күмәкләп жырылап кайтасың.

*Записано в 2017 г. от Назировой Миннекай Миңнебаевны (1960 г.р.),
д. Бузат Стерлибашевского района Башкортостана*

Байкибашевский говор

Йапкыц бувабыз ыйы. Тегәбез ийе йапкыцны да, хазер йуг инде алар. Калпак кийәләр ийе. Цабата кийәбез ид[е] инде, бездә эрзиңкә-фалан булмады ул вақытларда, итек былмады. Цабатаны, урманга барып, йүкәсен суйыб алып кайтабыз да, бик әйбат иттереп йүкәне суйабыз да тугыйбыз. Туганым (*энем*) тугыды. Башмак цабата (*башмак*) да була. Башмак цабатаның бауы булмый, галуш пыйма (*киез ката*) кебек була. Әле галуш пыйма кийәләр, ул вахытта башмак [ы]йы. Кыш кыны да цабата кийәбез ийе. Пиманы сарык йөнөннән. Пима басутчылар ул вахытта йөрөмиләр иде. Соңгы вахытта йөрдөләр. Элек йөннә эрләп тула да басалар ийе, тула [о]йоклар кийәләр. Йебен дә эрлисең. Анан ары сың аны килемгә салып күзлиләр. Ул тиз генә түгел тула дигәц тә.

*Записано от Тухватуллиной Хамдиш (1924 г.р.),
с. Старотимкино Балтачевского района Башкортостана*

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Ареал (от лат. *area* 'площадь, пространство') – область распространения на определенной территории различных диалектных явлений, передаваемых на диалектологических картах путем отграничения линиями разного цвета и рисунка, окраской, штриховкой и др.

Ареальная лингвистика (*пространственная лингвистика*) – раздел языкознания, изучающий распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии на основе методов лингвистической географии.

Атлас диалектологический (*атлас лингвистический*) – систематизированное собрание диалектологических карт, показывающих распространение диалектов (говоров) какого-либо языка и его диалектных особенностей на территории, занятой его носителями.

Говор (сөйләш) – мельчайшая единица диалекта, однородного по особенностям речи, имеющая общую территорию распространения и обладающая некоторыми специфическими чертами на разных уровнях языковой структуры; используется в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних населенных пунктов, районов. В отличие от диалекта для говора обязательным характерным признаком является его территориальная непрерывность.

Диалект (от греч. *διάλεκτος* 'разговор, говор, наречие', по тат. 'диалект, сөйләш, шивә') – разновидность какого-либо языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают **территориальные** и **социальные** диалекты:

а) **социальные диалекты** (ижтимагый диалектлар) – язык определенных социальных групп (отличающиеся от общенародного языка только лексикой профессиональные языки охотников, рыболовов и др.); групповые жаргоны или сленги учащихся, студентов, спортсменов и других, главным образом молодежных, коллективов и т.д.;

б) **диалект, территориальный диалект** (жирле диалект) – наиболее крупная языковая единица диалектного членения, которая объединяет более мелкие языковые единицы (говоры), имеющие общие языковые особенности; т.е. группа народных говоров, объединенных набором сходных признаков; территориальные диалекты всегда являются частью целого, отдельно взятого; имеют отличия в фонетике, словообразовании, грамматике и лексике; бытуют только в устной форме.

Диалектология (< *dialektos* 'разговор', 'говор' и *logos* 'слово', 'понятие, наука, учение') – раздел языкознания, изучающий местные, территориальные диалекты (говоры) конкретного языка в их синхронном и историческом развитии.

Диалектный язык – совокупность говоров языка, включающая как общие для всего языка черты, так и черты, имеющие разные варианты в диалектах, но вместе с тем являющиеся элементами общей системы языка.

Диалектизмы – характерные для каких-либо территориальных диалектов слова, словоформы, синтаксические обороты, фонетические, акцентологические варианты, включенные в литературную речь и воспринимаемые как отступления от литературной нормы. Различаются диалектизмы фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, фразеологические и заимствованные; в произведениях художественной литературы являются лишь стилистическим средством, определенным приемом литературного языка.

Изоглосса – линия на лингвистической (диалектологической) карте, обозначающая границы территориального распространения какого-либо языкового явления.

Лингвистическая география – раздел языкознания, изучающий территориальное распространение языковых явлений; тесно связана с ареальной лингвистикой.

Литературный язык (эдэби тел) – основная, наддиалектная форма существования языка; обработанная часть общенародного языка, обладающая письменно закрепленными нормами; существует в двух равноправных формах: устной и письменной.

Метод лингвистической географии – метод, который заключается в систематизированном собирании различительных явлений диалектной речи с последующим их описанием и составлением карт отдельных говоров языка.

Национальный (общенародный) язык – язык какого-либо народа (нации), взятый в совокупности присущих ему черт, отличающих его от других языков; как социально-историческое явление формируется со становлением нации, является ее средством общения и выступает в двух формах: устной и письменной; включает в себя литературный язык, диалекты, жаргоны, просторечие и аргю.

Наречие (< ‘речь’, ‘вести речь, говорить’) в диалектологии, кроме названия одной из частей речи, имеет и другое значение: совокупность местных говоров, обладающих общими языковыми явлениями, отличающихся от других наречий того же языка.

Подговор (урынчылык) – разновидность говора, которым пользуется ограниченное число людей, связанных общностью территории.

Просторечие – это разновидность общенародного языка, представленная в речи людей, не владеющих литературными нормами; в отличие от диалекта, не ограничено определенной территорией; сближает их наличие исключительно устной формы общения и отступления от литературной нормы.

Полевая лингвистика (полевые исследования, диалектологическая экспедиция) – это подраздел лингвистики, объединяющий в себе комплекс лингвистических методов, направленных на изучение и описание живого языка (говора, диалекта) на основании общения с носителями изучаемого языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Названия словарей и других трудов

- Атлас...* – Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья (1989); Атлас татарских народных говоров (2015)
- ИСГТЯ* – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков
- История Татарии...* – История Татарии в документах и материалах
- Комиссия «высочайше»...* – Комиссия «высочайше» учрежденная для наделения землей башкирских припущенников за 1833–1869 гг. ЦИА РБ, фонд И-172, опись № 1.
- Крестьянское хозяйство...* – Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: Подворная перепись 1912-1913
- Материалы...* – Материалы по истории Башкирской АССР
- МД* – Материалы по диалектологии
- МТД* – Материалы по татарской диалектологии
- «Программа...» – Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка
- ПСЗ* – Полное собрание законов Российской империи
- РГАДА* – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
- ТТДС* – Татар теленең диалектологик сүзлеге (Диалектологический словарь татарского языка)
- ТТЗДС* – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (Большой диалектологический словарь татарского языка)
- ТХС* – Татар халык сөйләшләре (Татарские народные говоры)
- ЦИА РБ* – Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан: Центральный исторический архив РБ (г. Уфа)

Общие условные сокращения

афф. – аффикс	л. – лист
букв. – буквально	лит. – литературный
вост. – восточный	напр. – например
вм. – вместо	нас. п. – населенный пункт
графич. – графически, для отражения на письме	подр. – подробно
д. – дело	см. – смотрите
диал. – диалект	ср. – сравните
досл. – дословно	средн. – средний
др. – другие	т. – том
ед. хр. – единица хранения	у. – уезд
западн. – западный	ф. – фонд
	яз. – язык

Названия диалектов, говоров и подговоров татарского языка

1. Говоры среднего (казанско-татарского) диалекта

- астр. – астраханский говор (Астраханская область и ее соседние регионы)
 бакал. – бакалинский подговор нижекамско-кряшенского говора (Республика Башкортостан)
 бalez. – бalezинский подговор нукратского говора (Кировская область, Удмуртская Республика)
 бард. – бардымский подговор пермского говора (Пермская область)
 баст. – бастанский говор (Рязанская область)
 бгрс. – бугурусланский говор (Оренбургская область)
 бел. – белебеевский подговор мензелинского говора (Республика Башкортостан)
 бирск. – бирский говор (Республика Башкортостан)
 блт. – балтасинский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
 глз. – глазовский подговор нукратского говора (Удмуртская Республика)
 дуб. – дубязский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
 заказан. – заказанская группа говоров (Республика Татарстан)
 заказан.-крш. – заказанско-кряшенский говор (Заказанье: Республика Татарстан)
 злт. – златоустовский говор (Республика Башкортостан, Челябинская область)
 ичк. – ичкинский говор (Курганская область)
 кам.-уст. – камско-устынский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
 кас. – касимовский говор (Рязанская область)
 кмшл. – камышлинский говор (Самарская область)
 кр.-уф. – красноуфимский говор (Свердловская область)
 кргл. – каргалинский говор (Оренбургская область)
 крмн. – курмантауский говор (Республика Башкортостан)
 крш. – говоры крещеных татар
 лш. – лаишевский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
 мам. – мамадышский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
 менз. – мензелинский говор (Республика Татарстан, Республика Башкортостан)
 н.кам.-крш. – нижекамско-кряшенский говор (Республика Татарстан, Республика Башкортостан: Бакалинский район)
 нагорн. – Нагорная группа говоров (Республика Татарстан)
 нгб.-крш. – нагайбакско-кряшенский говор (Челябинская область)
 нукр. – нукратский говор (Кировская область, Удмуртская Республика)
 нурл. – нурлатский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
 пар. – параньгинский говор (Республика Марий Эл)
 перм. – пермский говор (Пермская область)

- сфк. – сафакульский говор (Курганская область, Челябинская область)
 тпк. – тепекеевский говор (Республика Башкортостан)
 трбс. – турбаслинский говор (Республика Башкортостан)
 трх. – тарханский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
 учл. – учалинский говор (Республика Башкортостан)
 центр. – центральный подговор мензелинского говора (Республика Татарстан, Республика Башкортостан)
 янаул. – янаульский подговор мензелинского говора (Республика Башкортостан)

II. Говоры западного (мишарского) диалекта

- байк. – байкибашевский говор (Республика Башкортостан)
 влгг. – волгоградский говор (Волгоградская, Астраханская области и Ставропольский край)
 држ. – дрожжановский говор (Республика Татарстан и Чувашская Республика)
 карс. – карсунский говор (Ульяновская область)
 кузн. – кузнецкий говор (Пензенская область)
 лмб. – лямбирский говор (Республика Мордовия)
 м.-кар. – мордва-каратаевский говор (Республика Татарстан)
 мел. – мелекесский говор (Ульяновская область, Самарская область)
 нагорн.-крш. или подб. – нагорно-кряшенский говор или подберезинский говор (Республика Татарстан)
 подб. – подберезинский говор (тот же нагорно-кряшенский говор (Республика Татарстан)
 срг. – сергачский говор (Нижегородская область)
 стрл. – стерлитамакский говор (Республика Башкортостан)
 шрл. – шарлыкский говор (Оренбургская область)
 тмн. – темниковский говор (Республика Мордовия)
 хвл. – хвалынский говор (Ульяновская область)
 чст. – чистопольский говор (Республика Татарстан, Самарская область)

III. Говоры восточных (сибирско-татарских) диалектов

(III.) тобол.-ирт. диал. – тоболо-иртышский диалект (Тюменская и Омская области):

- забол. – заболотный говор (Тюменская область)
 тар. – тарский говор (Омская область)
 тевр. – теверизский говор (Омская область)
 тбл. – тобольский говор (Тюменская область)
 тюм. – тюменский говор (Тюменская область)

(IV.) бараб. диал. – барабинский диалект (Новосибирская область)

(V.) том. диал. – томский диалект (Томская и Кемеровская области):

- клм. – калмакский говор (Кемеровская область)
 эушт. – эуштинско-чатский говор (Томская область)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксанов А.В. Восточные улучы Казанского ханства // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 225–249.

Алехторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.

Алишев С.Х. Все об истории Казани. Казань, 2005. 640 с.

Алмаз Ж. Башкортстаннын Дуртиле һәм Илеш районнары татарларынын сөйләшенә карата // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 119. Кн. 6. Казан, 1959. Б. 145–165.

Арсланов Л.Ш. Из материалов диалектологической экспедиции 1968 г. в Волгоградскую и Астраханскую области // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 3. Казань, 1974. С. 136–138.

Асфандияров А.З. Тептяри: (Социально-этническое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 59–82.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / научн. ред.: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова; сост.: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова (I т.), Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова (II т.). Казань, 1989. + Прил.: Комментарии к Атласу. Казань, 1989. 300 с.

Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова. Изд. 2-е, доп. и перераб. Казань: ИЯЛИ, 2015. 632 с.

Ахмаров Г.Н. Тептяри и их происхождение // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 23. № 5. 1907. С. 340–364.

Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р.Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С. 58–75.

Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в волго-камском языковом союзе: автореф. ... д-ра филол. наук. Казань, 1993.

Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. Казань: Магариф – Вақыт, 2015. I том. 543 с.; II том. 567 с.

Әфләтунов Ә.Ш. БАССРның көнбатыш, көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарлар сөйләшенең тел үзенчәлекләре: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1960.

Әхмәтҗанов М.И. Урал ягы татарлары тарихы // Идел, 1995. № 12. Б. 45–49.

Әхмәтҗанов М.И. Идел-Урал буе татарларының этник тарихына карата фикерләре // Мирас, 2001. № 10. Б. 30–35.

Әхмәтҗанов М.И. Турай, Миякә арасы – бар да меңнәр баласы. Казан, 2010. 56 б.

Әхмәтҗанов М., Солтанов В. Ахун авылының нәсел тарихы. Казан: Gumanitarya, 2004. 180 б.

Әхмәтҗанов Р.Г. Турбаслы төбәге // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984. С. 138–146.

Башиев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 261 с.

Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959. 218 с.

Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.

Баязитова Ф.С. Мензелинский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 7. Казань, 1989. С. 67–83.

Баязитова Ф.С. Керәшеннәр: тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан, 1997. 248 б.

Баязитова Ф.С. Турбаслы сөйләше // Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. I китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 349–357.

Баязитова Ф.С., Хайбуллина Г.Х. Язык и культура: этнолингвистические и этноконфессиональные особенности татарских говоров Западного Закамья Татарстана. Казань, 2013. 400 с.

Бессонов А.Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХVI. СПб., 1881. С. 200–242.

Бикмаева Л.У. Лингвогеографическая интерпретация фонетических и лексических особенностей стерлитамакского говора мишарского диалекта татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 22 с.

Бородина М.А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л.: Наука, 1980. С. 7–36.

Борханова Н.Б. Татар теленен Мордва АССР территориясендә таралган сөйләшләре турында // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 93–124.

Борынгы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 580 б.

Булатова М.Р. К вопросу об ареалогических исследованиях в татарской диалектологии // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 7. Казань, 2011. С. 80–85.

Булатова М.Р. Семантические функции аффикса *-кай/-кәй* в татарских говорах юга Башкортостана // Академик Э.Р. Тенишев и тюркский мир: Материалы Международного тюркологического симпозиума, посвященного выдающемуся тюркологу академику Эдхаму Рахимовичу Тенишеву. Казань: КФУ, 2012. С. 207–210.

Булатова М.Р. 2012 (б) – Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана»: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 262 с.

Булатова М.Р. 2012 (в) – Курмантауский говор в сравнительном освещении (фонетические особенности) // Наука XXI века. Проблемы филологии и искусствоведения. Вып. 6: Материалы Международной научной конференции молодых ученых и аспирантов. Казань, 2012. С. 35–45.

Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013. 240 с.

Булатова М.Р. К этнолингвистической характеристике татарских говоров ареала «Юг Башкортостана» // Тюркская филология в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 19–25.

Булатова М.Р. Башкортстанда туган татар язучылары ижатындагы тел-бизәкләр // «Фәнни Татарстан» журналы. Казан, 2015. № 3. Б. 68–75.

Булатова М.Р. 2015 (б) – Себер дә үзебезнеке (Омск татарларының тел үзенчәлекләре) // Национально-культурное наследие: Татары Омской области = Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары / сост. и научн. ред. М.Р. Булатова. Сер. «Из сокровищницы научных экспедиций». Книга 6. Казань, 2015. С. 192–239.

Булатова М.Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. Казань: Магариф – Вақыт, 2016. 384 с.

Булатова М.Р. Бай тарихлы, жырлы төбәк (әстерхан сөйләшенең тел үзенчәлекләре һәм халык традицияләрен чагылдырган сөйләү үрнәкләре) // Милли-мәдәни мирасыбыз: Әстерхан татарлары. «Фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән» сериясе / төзүче һәм фәнни мөхәррир: М.Р. Булатова. Казан, 2017. 11 нче китап. Б. 257–314.

Булатова М.Р. История образования деревень носителей курмантауского говора татарского языка // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: IX Международная тюркологическая конференция (г. Елабуга, 13–14 апреля 2018 г.) / отв. ред. Р.Б. Камаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 304–308.

Булатова М.Р. 2018 (б) – Стәрлебаш татарларының тел үзенчәлекләре // Фәнни Татарстан. 2018. № 3. С. 32–38.

Булатова М.Р. 2018 (в) – Ульяновск өлкәсендәге татар теленең көнбатыш диалекты сөйләшләре һәм халык традицияләре // Национально-культурное наследие: Татары Ульяновской области = Милли-мәдәни мирасыбыз: Ульяновск өлкәсе татарлары. Сер. «Из сокровищницы научных экспедиций». Книга 19. Казань, 2018. С. 131–192.

Булатова М.Р. История деревни Курмантау и ее лингвистическая характеристика // Историческая этнология. Казань, 2019. Т. 4, № 2. С. 264–273.

Бурганова Н.Б. Особенности говора татар Нагорной стороны ТАССР // Материалы по диалектологии. Казань, 1955. С. 28–69.

Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Заказанья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С. 3–31.

Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 7–18.

Валиди Дж. О диалектах казанского татарского языка // Вестник Научного общества татароведения. 1927. № 6. С. 50–65.

Валидов Дж. Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). М.-Пг.: Госиздат, 1923.

Васильев С.М. Прирущенники на башкирских землях в первой половине 18 в. (тептяро-боблыльское население Башкирии): дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758г.: (в 5 т.). Т. 3. Казань, 1897. 361 с.

Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М.: Наука, 1975. 303 с.

Гарипов Т.М. Об изучении разговорной речи западных башкир (К постановке проблемы) // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С. 40–52.

Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // Материалы по истории. Вып. 1. Казань, 1948.

Гурвич Н.А. Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878г. Уфа, 1880.

Дәрдемәнд. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. 126 б.

Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 206 с.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 275 с.

Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Т. I–II. Оренбург, 1900. 290 с.

Древнетюркский словарь. М.: Наука, 1969. 676 с.

Жәләй Л. Татар диалектологиясе. Казань, 1947. 136 б.

Жәләй Л. Татар теленен урта диалекты буенча монография: дис. ... д-ра филол. наук. Казан, 1954 (хранится в архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 5, оп. 23, ед. хр. 127, 128).

Загидуллин И.К. Выступления против проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 583–585.

Закиев М.З. Введение. Об образовании татарского языка // Татарская грамматика: в 3-х томах. Т. I. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. С. 10–50.

Закиев М.З. История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие). М.: ИНСАН, 2008. 560 с.

Закиев М.З. Правдивая история татарского народа (гостям универсиады). Уфа, 2011. 48 с.

Заляй (Залялетдинов) Л.З. Опорный диалект в образовании татарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. XII. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1958. С. 36–50.

Зэкиев М.З. Тюрки-татар этногенезы. М.: ИНСАН, РФК, 1998. 624 б.

Исламголов Р. Сал тарихлы ауылым (Кормантау авылы турында) // Табын гезите. 2017, август. № 65, 70 (10042).

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: в 4-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1: Фонетика. 336 с.; 1956. Т. 2: Морфология. 336 с.; 1961. Т. 3: Синтаксис. 232 с.; 1963. Т. 4: Лексика. 160 с.

История Татарии в документах и материалах. М.: Гос. соц. эконом. изд-во, 1937. 499 с.

История Татарской АССР. Казань: Таткнигоиздат, 1968. 719 с.

История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. [Коллективная монография: Аксанов А.В., Ахметзянов М.И., Исхаков Д.М., Миргалеев И.М. и др.]. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 464 с.

Исхаков Д.М. Телтири – опыт этностатистического изучения // Советская этнография, 1979, № 4. С. 29–42.

Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу об этнической истории татарского народа. Казань. 1985. С. 44–53.

Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки. Казань, 1995. С. 4–18.

Исхаков Д. М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 111с.

Исхаков Д.М. Исторические предпосылки современных этнодемографических процессов в Башкортостане // Д.М. Исхаков. Перепись 2002 года в Башкортостане. Казань, 2005. С. 7–21.

Исхаков Д.М. Иштыкская общность Приуралья в средневековье // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 278–294.

Исхакий Г. Әсәрләр: 15 томда. 5 том. Казан, 2009. 559 б.

Ишбулатов Н.Х. Диалекты и говоры башкирского языка // Вопросы башкирского языкознания. Уфа: Изд-во вост. лит-ры, 1972. С. 52–130.

Кармин М. Очерки из истории классовой борьбы в Башкирии в XVIII–XIX вв. // Социалистическое хозяйство Башкирии. № 3–4. Уфа, 1934.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии // Уч. зап. Имп. Казанского ун-та. Кн. XI. Казань, 1898. С. 1–37.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Уч. зап. Имп. Казанского ун-та. Год XVII. Кн. 7–8. июль-август. Казань, 1900. С. 1–32.

Киекбаев Ж.Г. Башкорт диалектары һәм уларҙың тарихына кыскаса инеш // Ғилми язмалар. Башкортостан дәүләт университеты. III сығарылыш. Башкорт филология серияһы. № 2. Өфө, 1958. Б. 41–78.

Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1970. 65 с.

Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: Подворная перепись 1912–1913. Ч. II. Уфа: Печать, 1914.

Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа: Башкир-книгоиздат, 1957. 184 с.

Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Вып. III. Уфа, 1968. С. 327–370.

Кузеев Р.Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Вып. IV. Уфа, 1971. С. 17.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1978. 263 с.

Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.

Лепехин И.И. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий. Т. III. СПб., 1821. 558 с.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. 688 с.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

Материалы по диалектологии. Казань, 1955.

Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. 315 с.; Вып. 3. Казань, 1974. 251 с.; Вып. 4. Казань, 1978. 162 с.; Вып. 5. Казань, 1985. 169 с.; Вып. 6. Казань, 1988. 132 с.; Вып. 7. Казань, 1989. 132 с.; Вып. 8. Казань, 1990. 130 с.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.-Л., 1936; Ч. III. М.-Л., 1949; Т. IV. М., 1956; Т. V. М., 1960.

Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735–1736 гг. Т. 2. Оренбург, 1900.

Матвеев С.М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910. 57 с.

Махмутова Л.Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР (по материалам экспедиций 1954–57) // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 57–85.

Махмутова Л.Т. 1962 (б) – Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области (по материалам экспедиций 1958–1960 гг.) // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 125–162.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 271 с.

Махмутина Д.З. Урал һәм Урал арты сөйләшләренең морфологик системасы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. 132 б.

Мәҗит Гафури. Әсәрләр: дүрт томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. I т. 535 б.; 1980. II т. 598 б.; 1983. III т. 390 б.; 1981. IV т. 496 б.

Миржанова С.Ф. Этнолингвистические процессы на северо-западе Башкирской АССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976. С. 235–243.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 1991. 296 с.

Насипов И.С. Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1994. 22 с.

Насипов И.С. История изучения мензелинского говора среднего диалекта татарского языка // Актуальные вопросы татарского языка и литературы: Сб. научно-методических статей. Sterlitaмак: СГПИ, 1997. С. 76–95.

Насипов И.С. 1997 (б) – Башкортстан Республикасында таралган татар сөйләшләрә // Инновационные процессы в изучении и преподавании литературы: Материалы межвуз. науч. конф. Бирск: БирГПИ, 1997. С. 19–22.

Насипов И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань, 2009. 236 с.

Насипов И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 42 с.

Насипов И.С. Көнъяк Урал буенда таралган татар сөйләшләрә турында // Сулеймановские чтения: (18-ые): Всероссийская научно-практическая конференция «Булат Сулейманов – основоположник литературы сибирских татар»: материалы и доклады. Тюмень: Печатник, 2015. С. 155–157.

Насипов И.С. Классификация татарских народных говоров Урала // Филология и культура. *Filology and Culture*. 2017. № 4 (50). С. 32–37.

Нерознак В.П. Ареальная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 385 с.

Никольский Н.В. Крещенные татары. Статистические сведения за 1911 год. Казань, 1914.

Никольский Н.В. Народности Поволжья. Казань, 1920. 480 с.

Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. СПб., 1879. 268 с.

Нуретдинов Р.Ф. Смешанный говор татарского языка северных районов Башкирской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1984. 19 с.

Нуретдинов Р.Ф. Язык пританыпских татар. Казань, 1998. 119 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 102 с.

Петров Н.В. Наследие империи и регионализм // Наследие империй и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральное движение», 2008. С. 381–455.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание. СПб., 1830.

Программа по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка / сост. Н.Б. Бурганова; науч. ред. Л.Т. Махмутова. Казань, 1959. 43 с.

Рамазанова Д.Б. Татар теленең Урта Кама тирәсендә таралган сөйләшләре: дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1968. 519 б.

Рамазанова Д.Б. К вопросу о формировании белебеевского подговора мензелинского говора татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 4–43.

Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 191 с.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии (по данным архивных и исторических источников) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 3. Казань, 1985. С. 5–36.

Рамазанова Д.Б. Тепекеевский говор татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 6. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 20–43.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ, 1996. 239 с.

Рамазанова Д.Б. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. Казань, 1998. 100 с.

Рамазанова Д.Б. Татары Восточного Закамья: их распространение, формирование говоров. Казань, 2001. 208 с.

Рамазанова Д.Б. Западноприуральский ареал татарского диалектного языка // Рамазанова Д.Б. Вопросы татарской диалектологии. Казань, 2008. С. 5–105.

Рамазанова Д.Б., Хайрутдинова Т.Х. К вопросу о формировании байки-башевского говора мишарского диалекта татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 3. Казань, 1985. С. 62–95.

Рахматуллин У.Х. Заселение Башкирии (30–90-е годы XVIII в.): дис. ... канд. истор. наук. М., 1975.

Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: справочник / отв. ред. Л.М. Айнутдинова, Б.Л. Хамидуллин. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. 336 с., карта.

Руденко С.И. Башкиры. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 394 с.

Самигулов Г.Х. Изменения сословной группы «башкиры» в середине XVIII – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. Т. 9. № 1. С. 34–45.

Сибгатов Р. Татары Башкортостана – своеобразная и мощная ветвь татарского народа // Татарстан: журнал. Казань: 2002. № 8–9.

Сибгатов Р.Г. Башкортостан татарлары. Тел, тарих, мәдәният мәсьәләләре. Казань: Магариф, 2002. 191 с.

Султанов В. Ахун авылы тарихы // Историко-краеведческий музей с. Ахуново. Оф. инв. № 292/1. 1905. 167 с.

Султанов В. Мәкәл-әйтмәнәр, гибрәтле сүзләр // Историко-краеведческий музей с. Ахуново. Оф. инв. № 290. 1910. 96 с.

Татарско-русский словарь: в 2-х т. Ок. 56 000 слов, 7400 фраз. единиц / Редкол.: Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова. Казань: Магариф, 2007. Т. I (А–Л). 726 с.; Т. II (М–Я). 726 с.

Татар теленең диалектологик сүзлегә / төз.: Н.Б. Борһанова, Л.Т. Махмутова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова. Казан: Таткнигоиздат, 1969. 643 б.

Татар теленең диалектологик сүзлегә / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 459 б.

Татар теленең зур диалектологик сүзлегә / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.

Татар халык сөйләшләре: Ике китапта/Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хәйретдинова һ.б./Казан: Мәгариф, 2008. I китап. 463 б., II китап. 495 б.

Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справ. изд-е / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 192 с.; 16 с. ил.

Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Советская тюркология. 1973. № 2. С. 40–45.

Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 95–120.

Трепавлов В.В. Образование Золотой Орды // История татар Западного Приуралья. Т.1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 128–143.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 295 с.

Тумашева Д.Г., Усманов М.А., Хисамова Ф.М. Об особенностях развития старотатарской деловой письменности // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 51–66.

Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башгосиздат, 1960. 136 с.

Файзрахманов И.З. Тептяри и бобыли // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 17–180.

Филимонов Е.С. Что такое тептяри? // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893.

Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. 159 с.

Фирсов Н.Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань: Унив. типогр., 1866. 261 с.

Хабидуллина М.Р. Характеристика изоглосс вариантов фонемы [а] в татарском лингвистическом пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 25 с.

Хайрутдинова Т.Х. Златоустовский говор татарского языка. Казань, 1985. 158 с.

Хайрутдинова Т.Х. 1985 (б) – Бирский говор среднего диалекта татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 3. Казань, 1985. С. 36–62.

Хэйретдинова Т.Х. Учалы сөйләше // Татар халык сөйләшләре: Ике китап. I китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 372–382.

Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии, IV. Уфа, 1971. С. 30.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 204 с.

Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972. 336 с.

Юлдашев А.А. Язык тептярей: дис. ... канд. филол. наук. М., 1950.

Юлдашев А.А. Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию (Сборник статей). М., 1953. С. 329–342.

Юлдашев А.А. К изучению говоров башкир Туймазинского района БАССР // Башкирский диалектологический сборник, Уфа, 1959. С. 141.

Юлдашев А.А. Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку // Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе: Илим, 1968.

Юлдашев А.А. Введение // Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981. С.13.

Юсунов Х.Г. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

Юсунов Ф.Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. Казан, 1979. 184 б.

Юсунов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985. 319 с.

Юсунов Ф.Ю. Татарский глагол в ареальном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1988. 35 с.

Юсунов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре. Казан: Мәгариф, 2003. 351 б.

Юсунов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола. Казань: Фэн, 2004. 592 с.

Юсунов Ф.Ю. Сафакул татарлары: тарих, тел, халык иҗаты. Казан, 2006. 607 б.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Вопросы формирования и изучения татарских говоров Башкортостана	7
1.1. Ареалогические исследования в татарской диалектологии	7
1.2. История изучения татарских говоров Башкортостана	12
1.3. Из истории татар края	26
Глава II. Этнолингвистическая характеристика татарских говоров Башкортостана	39
2.1. Говоры среднего диалекта татарского языка	39
Мензелинский говор	41
Бирский говор	47
Бакалинский подговор нижекамско-кряшенского говора	50
Тепекеевский говор	56
Турбаслинский говор	61
Курмантауский говор	64
Златоустовский говор	70
Учалинский говор	74
2.2. Говоры западного (мишарского) диалекта татарского языка	78
Байкибашевский говор	79
Стерлитамакский говор	82
2.3. Особенности, общие для всех татарских говоров Башкортостана	88
Послесловие	109
Приложения	112
Приложение № 1. Карта-схема распространения татарских говоров Башкортостана	112
Приложение № 2. Сравнительная таблица специфических соответствий звуков и глагольных форм татарских говоров Башкортостана	113
Приложение № 3. О транскрипции, принятой в данной работе	115
Приложение № 4. Образцы текстов	116
Приложение № 5. Основные понятия диалектологии	120
Список сокращений и условных обозначений	122
Использованная литература	125

Научное издание

Булатова Миннира Рахимовна
ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ БАШКОРТОСТАНА
ареальный аспект

Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*
Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать 11.01.2021.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 1500 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20